

ЦИКЛ МИМЕСИС

ЭСКАПИЗМ

The background of the cover is a vertical beam of light, transitioning from a bright yellow at the bottom to a deep blue at the top. Along this beam, several spheres of varying sizes are arranged, resembling a celestial path or a sequence of events. The beam is set against a backdrop of a fantastical, multi-tiered cityscape with intricate architecture and glowing windows. The overall atmosphere is ethereal and mysterious.

ЧЕРНУХИН ЛЕВ

Лев Чернухин

Эскапизм

Серия «Мимесис», книга 2

<https://litres.ru/74025604>

SelfPub; 2026

Аннотация

Корпорация Мимезис любым способом пытается развить понимание этого мира и расширить свои знания. Изучают человеческую природу, ставят тесты на возможностях человеческого тела и мозга, а также пытаются познать метафизику и строение окружающего нас мира, частиц, космоса, времени и пространства. Совершенно разным людям "посчастливилось" стать участниками игры Мимезиса с действительностью. Объединенные неведомой силой, вместе с путешественником по мирам им предстоит долгий путь в неизведанное.

Содержание

Часть I - Коллизия. Пролог. New Game +	4
Глава 1. Ленивые пляжи Гуама	30
Глава 2. Карантин	50
Глава 3. Джунгли зовут	83
Глава 4. Туристам - не сюда	99
Глава 5. Племя, укрытое временем	126
Глава 6. Омовение	152
Глава 7. Омут и глубь	177
Часть II - Иммерсия. Глава 1. Леди в беде	196
Глава 2. Спиритизм. Оккультизм. Элизабет	216
Глава 3. Путник	237
Глава 4. Эфирная пыль	256
Глава 5. Гость из Египта	273
Глава 6. Осколки и аргументы	287
Глава 7. Прошлое	300
Глава 8. Будущее	315
Глава 9. Тело	334
Глава 10. Душа - Часть 1	347
Конец ознакомительного фрагмента.	356

Лев Чернухин

Эскапизм

Часть I - Коллизия. Пролог. New Game +

— Лега, ну братка, куда тут, че? — Леха прям навеселе.

— Да по холлу пройдем, там ребята должны ждать.

— Как их зовут, напомним?

— Ира и Саша.

— Точн, точн. Чего там ждаться-то вообще?

— Слушай, честно без понятия. В прошлый раз ходилка-бродилка была с задачками, в этот — вроде прода сюжета. Хоррор-экшен там какой-то выбрали по выходу или типа-того.

— Ты ж вроде не фан такого, не?

— Слухай, ну не буду ж переть против большинства. Да и там звучит по сюжету многообещающе.

— Что там?

— Ну, как писал тебе. Мы типа нашли и активировали какой-то таинственный механизм, так понимаю, профессора чокнутого путь повторили, в другое измерение перемести-

лись через портал, там пазл разгадали и нас выкинуло обратно с другой стороны у выхода.

— И что, теперь поэтому заходим с этой стороны типа?

— Ну, сказали, что вариант следующего сюжетного — вход, где был выход

— Странный антуражик.

И правда. Пробирается между полуголых тучных тел, падких на распродажные БУ-шные шмотки на подвальном этаже — так себе удовольствие. Квест-рум, который довелось посетить неделю назад, сравним с элитным дорогим рестораном И вот сейчас путь к нему проходит через настоящую «помойку» из духоты и пота. Аппетит не отбивает после того, что с радостью отведал раз, но осадочек с запашком остается.

— Да кто знает, чем руководствовались. Может, план здания такой, и иначе никак не законструить?

— Лег, ну план-планом, а если там так все дорого-богато, как ты описывал, могли и эту территорию себе отжать.

— Поверь, там дальше как небо и земля разница.

— Ну оке-ей

Дойдя до подсобной двери и зайдя внутрь, Леха убедился в моей правоте.

— Етить!

— Етить — не то слово, Лех.

Идентичное в оформлении с прошлым входом с торца здания. Белое убранство со светом, исходящим и отражаю-

щимся отовсюду, сразу поражает с первых секунд, помню это ощущение. Москва, конечно, царство контрастов, но для частных компаний и для не люксовых в общем-то, хоть и не из дешевых развлечений квест-румов, этот отличался своим пафосным футуризмом и вложенной в него душой.

— Добро пожаловать на приключения от компании Мимезис. Мимезис — с нами Вы познаете себя! С нами сбудутся мечты, Вы познаете мир и разовьете себя как личность! — футуристичная стюардесса из «Пятого Элемента», лучезарная и бодрая, уже готовая к нашему появлению, улыбалась, слепя отбеленными «киношный-стайл» зубами.

— День добрый, сеньорита! — Леха, не изменяя традициям подкатывать к любой симпатяжке, исполнил поклон аля мушкетер от сердца к разуму.

— Пройдемте, через пять минут начинаем! — девушка и глазом не повела на ухаживания казановы, развернулась и пошла вглубь подвала квест-рума.

Проследовав за госпожой Администратором по головокружительно-белому коридору и дойдя до стойки ресепшена, наконец-то встретились с парочкой женатиков.

— Привет, Лега! В этот раз легко нашелся? — Ира радостно подбежала и чмокнула приветственно в щечку.

— Так сложно не найтись, когда выходили отсюда в прошлый раз

— А мы вот умудрились Сначала сунулись на кухню чью-то с черного входа — Саня походу даже не шутил.

— Это вот Леха, друг мой, в чатике с ним списывались уже, собственно.

— Ага, приветик! — Ира по-детски мотнула головой в сторону Лехи, — Готов голову напрягать?

— Ну, а то! — Лех хлопнул и потер ладонями, — Погна-ли!

— Готовы начать? — донеслось из-за стойки.

— Подождите, у нас еще пятый должен подойти, — Саня достал мобильный. — Где Юлия носит, писал же, что в пути

— Наберешь его? — я и сам потянулся за телефоном.

— Ща, сек — Саня прислонил трубку к уху.

Забавно, трубка Какая ж это нынче трубка? Целый набор функций «все в одном», только кофе не готовит. Хотя — всегда можно сказать пару слов и заказать в два клика из ближайшей кафехи с доставкой

— Слушай, тебя долго ждать? Э, в смысле? А Ясно. Понял, ага. Да. Давай! — Саня фыркнул себе под нос, — Его в институт по срочке вызвали, сказал никак вообще, в чат написал, но мы походу никто не чекали уж

Честно, удивлен больше тому, что у Сани связь в подвале ловит, чем факту, что у очередного знакомого «вдруг дела».

— Ну и фиг с ним, четырех нас же хватит для сценария? — Лехе не терпелось в бой.

— Да, конечно. — Девушка взмахнула рукой, свет вокруг погас.

Как и в прошлый раз, заиграли на прозрачном экране

цифры и буквы, складываясь в слова и фразы. В кромешной тьме — лишь сияние парящих на экране циферок и оранжевых букв под надписью «Хоррор».

— Вау! — на Леху это произвело эффект, в отличие от нас, уже видавших такую процедуру.

— Поскольку вы продолжаете окунаться в истории профессора Эдгара и его нелегкой судьбы, а также уже знакомы с правилами игры, вводную давать по-новой необходимости не имеется. В этот раз заранее выбран адреналиновый вариант, самой высокой сложности. Все настройки для вашего энтертеймента произведены. Напомним: вы обязаны отключить и сдать на хранение мобильные телефоны и другие ценные предметы в специальную ячейку. Просим воздержаться от битья предметов внутри квест-комнаты, если этого не требует сюжет для прохождения, быть внимательными и ответственными. Каждому участнику необходимо перед входом подписать правовой стандартный документ-договор об ответственности.

Процедура знакомая, вещи в ячейку с замком по фейс айди, бумажку протокольную подписать Один только Леха ахает да охает, восхищаясь всем подряд.

— Че, такого на твоём корпорате не было? Говорил же — стоящая фиговина!

— Слушай, там на острове тоже устроили будь здоров шоу. Я и жуков жрал, и в болоте каком-то плавал, актеров тьма, опен-эйр с кельтами Если б не ураган — вообще за-

шибись! Мимезис этот шикос, оказывается, че я раньше про них не знал!

— Да, потом еще надо будет опробовать другие их квесты: походу ребята что надо.

— Лег, а как думаешь — они вообще окупаются? Я так прикинул суммы затрат, по пять косых с брата — несерьезно как-то, учитывая, что не столь это и популярно. А ты говорил — внутри интерьер на лямы отбахан

— Слухай, не занудствуй. Ну, может отмывает кто бабло так — в первый раз что ли? Да и корпораты типа ваших, Биту-Би структура

— Ладн, забей. Интересно просто стало! Бумажку ты эту читал, че там?

— Стандартная фигня, ничего такого. Подпиши и пойдем, ты ща от входа обалдеешь.

— Значит, видимо, как там, на острове: можно делать все, что в голову придет Оки!

Закинув барахло на сохранность и чиркнув подпись, я устоялся в стенку.

— Ты чего? — Леха пока не понимал.

— Ща, смотри.

Белая и бесшовная стена — растворялась. Не разъезжалась, как на входе с другой стороны, а медленно исчезала в воздухе. Как добились такого иллюзорного эффекта — через голограммы, проекцию или иным способом, за неделю так и не допер. Все также глухо звучал работающий где-

то невидимый глазу моторчик, приводящий шоу в действие. Перед нами возникла черная пустота. Шаг — и ты уже в беде. Только мы уж знали, что это не совсем так.

— Всего хорошего, и приятного путешествия! — услышали напоследок от госпожи Администратора.

Один за другим наша четверка зашла в черную пустоту. Стена материализовалась за нами в ту же секунду. Пустота. Тьма. Тишина. Осталось лишь наше слегка уловимое прерывистое неровное дыхание.

— И че, куда тут? — Леха готов к активным действиям, но еще рано.

Экраны вспыхнули, унося нас в далекий космос, в эры далеких веков и 3д структур. Ощущение путешествия во времени и пространстве на высоте, как и тогда!

— Фига-се! Это интро, да? — Леха аж пошатнулся от неожиданности.

— Типа того. Дальше вот — вопрос, по идее мы сюда попали через «портал» крутящийся — крикнул Саня сквозь звуки хайтек музыки, которой раньше не звучало.

— Тут вроде справа сам этот зал большой с водолазом, видимо туда и откроется дорога, сюжет по ходу дела допереть придется потихоньку, — осматривая экраны в поисках подсказок, подтвердил я.

А подсказок, как в прошлый раз, пока не наблюдалось. Пузыри воды, фиолетовая слизь, насекомые, снег, песок, пирамиды. Какая-то каша, и картинки и не думали стопать-

ся, все ускорялись, мелькали раз в десять быстрее; заслезившиеся глаза еле успевали зацепиться за что-то из различных форм и силуэтов, осознать же — и вовсе не представлялось возможным. Места, персоны, пространства Рыцари в латах, индусы на слонах, индейцы Уровень сложности хардкор плюс врубился?

И тут в момент — все экраны застыли.

— И что это значит? — Леха пытался найти ответа у бывалых игроков, но мы так же терялись в догадках.

Еще секунд десять, и окончательно поняли — картинка меняться не будет.

Огромный зал, тот, что в теории должен быть где-то по соседству. Интерьер повторялся точь в точь. На полу плитка Розы Ветров, эркер с темной водой — все на месте. Устрашающей фигуры в центре зала нет. Пустой подиум с легкой изумрудной подсветкой. Собственно — лишь она и «освещала» зал. Если так вообще можно говорить про трехмерную комнату из экранов. Причем, даже зная, что помещение, в котором мы сейчас стояли, раза в два-три меньше того самого зала, казалось, что расстояние такое же

— Мы типа в дубле, и нам надо выход найти? — предположила Ира.

— Попробуй может там, где портал был тогда, помнишь, нажать на что-то в стене? — я уже ошупывал стену-экран

Необычно. На ощупь не жесткие электроды, лампочки или теплые жидкие кристаллы за стеклом Все слишком Мяг-

кое? Кожа с волосами и мышцами на теле дышащей собаки — первое, что пришло на ум. Мозг играл некую злую шутку — понимаю, я глажу стену, но при этом пространство далее — оно будто настоящее. Реальное, физически существует, слишком реалистичное для простой проекции на экран. Я могу всмотреться в него, могу прикинуть четкое расстояние. Но дальше невидимой преграды рука не шла. Стена — не более

— Так, вроде тут — Ира надавила на выпуклый 2-д камень и провалилась.

Вывалилась. Правильно будет так? Но Почему комната, куда она прошла — продолжение видеокартинки? Хитрая иллюзия обмана, как те коридоры? Слитное изображение с прозрачным экраном? Нам видно и то, что за барьером, и нечто иное. Разумно — иначе не знаю как объяснить.

— Оу, круть, Ирка! Походу нам сюды — Саня последовал за женой и начал помогать ей подниматься с пола. Пошел и я.

Сделал шаг по ту сторону — тело вскричало. Резкий перепад давления, температуры и головокружение. Череп сжимали тисками, барабанные перепонки норовили вылететь. Не лопнуть. Стремилась выпрыгнуть из насиженного родимого места напрямиком из уха, как из дула пистолета пуля.

Ира, Саня Вошедший за мной в темный зал Леша — все вели себя как ни в чем не бывало. Что-то говорили, смеялись, осматривались. Я не слышал ни слова. Нет. Слышал, но лишь скрежет, искаженный подводный гулкий скрежет, и

невнятные словосочетания, отдававшие мигренью.

Влага. Я не заметил сразу из-за атаковавших исподтишка обостренных и обескураженных чувств. Новенькие кроссы уже хлюпали, носки промокли, пальцы ощущали холодную воду. Внизу по плитке текла вода ручьем. Лужи Повсюду была вода. Источником подтеков служил Эркер. Стекло треснуло и протекало Нет. Не только. Капли с потолка хлестали, словно дождь, то тут, то там Звук я различить не мог, в темноте еле заметил. Темноте

Весь зал отличался от того, из которого мы только что пришли. Все другое. Состаренное, ржавое, плесень, тьма. Множества дверей разных мастей в коридоре не наблюдалось. Пара-другая от силы. Белая деревянная, стальная красная Еще вроде вдалеке мелкие какие-то. И там же вдалеке маячил изумрудный свет. Двигался в гостиной. Что-то или кто-то перемещал источник, схожий по цвету с тем, что тускнел в стеклянном подиуме в центре зала, на котором не было и царапины. Единственным, что выглядело как новым.

Панорамное витражное окно в лабораторию давало понять — не все так радужно и там. Приборы, ранее расставленные в строгом порядке мечты перфекциониста-аккуратиста с синдромом золушки, подсвечивались нежным багровым светом, исходящим из того места, где мы обнаружили тогда «луч». Не стало больше никакого порядка. Раскиданные, сломанные и грязные, обугленные Прутья клетки, служившей домом подопытной мышки Джо-Джо — вырваны

наружу. Выглядит, будто взрыв произошел изнутри, и клетку вместе со всем содержимым размозжило.

— Ребят, что за — я попытался сказать.

Сформировать звук. Родить хотя бы гласную. Нет, хоть согласную. Щелчок. Что угодно! Нет. Бесполезно. Язык онемел, горло драло, мышцы не слушались. Никто, кроме меня, не проявлял и капли беспокойства, спокойно разбрелись по залу, ища подсказки для прохождения игры

Какой нахрен игры?! Это точно уже не игра!..

Или я сошел с ума?!

Леха двинулся в сторону коридора и замер. Нет. Не все, что возможно мерещилось моему больному воображению, находилось вне зоны внимания и реальности ребят.

Громоздкую фигуру пришельца в скафандре с маской, излучающей изумрудное свечение, однозначно видел и Леха. Иначе бы не кинулся назад на чистом инстинкте, крича, как я предполагаю, нечто в духе «Твою ж!..».

Саня выглянул в коридор поинтересоваться, что так напугало накачанного парня под пару метров ростом.

Я не мог слышать. Не мог понять, что кричит муж своей жене. Что они говорили, подбегая ко мне, беря за шкуру и прижимаясь к плотной стене, которая только минуту назад была проходом. Но я мог ощутить их страх. Их дрожь. Их желание жить. Ведь я ощущал все тоже самое.

Тварь двигалась на нас, и само нутро в каждом из нас орало изо всех сил — это вовсе не человек в костюме. Это не

хоррор-игра. Не адреналиновый розыгрыш. Это угроза. Бежать. Спасти. Как?

Судорожно все пытались нащупать спасительную кнопку для открытия «портала». Она здесь, точно где-то здесь. А фигура все приближалась. Шаг за шагом

Нет.

Шагов не было. Монстр плыл по воздуху, едва касаясь глади воды, оставляя за собой шлейф пепла, осыпавшийся и оседающий на мутной текучей поверхности

Тварь двигалась очень медленно, времени в запасе много. Но это не прибавляло оптимизма. Все наши действия — тщетны. Единственный выход — за спиной у монстра в уходящем вдаль темном коридоре.

Он поднял несоразмерные руки. Тягуче, словно в киселе. Открытая поза, как будто хочет нас всех обнять. Если бы не дрожь внутри и сворачивающиеся в трубочку кишки — можно решить, что ОНО пришло к нам с добрыми намерениями. Нет. Точно — НЕТ!

Девушка плакала. Саня истошно матюкался — это я понимал даже в давящей тишине, смешанной с истошными звуками прокорюченного пространства. Леха рыскал взглядом в поисках пути к спасению. Я не мог сделать ничего. Тело парализовало. Буквально. Паралич, уже поглотивший горло, перекинулся и на остальные части. Руки, ноги. Даже пальцем пошевелить не мог. Впервые понял, что означает эта фраза на самом деле.

Переломив кость в руке или ноге, в гипсе, ты ощущаешь лишь боль и нулевой контроль. Бесчувствие. Даже сама попытка движения — приносит разряд шока по всей нервной системе. И теперь такое состояние во всем теле. Сломано, раздроблено.

Леха пнул самодельный алтарь, к которому в тот раз мы воздавали мольбы на неясном древнеегипетском. Хламье начало разлетаться от быстрых ударов. Один за другим ошметки, отделившись от основы, натасканной невесть откуда, полетели в монстра.

Нет. Чудищу совершенно параллельно, даже не развернулось в ту сторону, так и плыло к стене с объятиями. Как слоноу дробина.

Леха смекнул мгновенно. И теперь предметы полетели в панорамное багровое стекло лабы.

Вмятина. Одна, вторая, третья Стекло невероятно крепкое, но все-таки начинало поддаваться.

Леха отломил основу алтаря от пола. Из чего бы она не была сделана — металл, кусок камня Тяжелая. Друг напрягался, поднимая ее над головой и совершая замах.

От такого столкновение стекло крошилось на части. Подбежав, Леха махнул рукой. Женатая парочка ринулась наутек по расстеленной на осколках рамы толстовке Лехи на импровизированном пути среди острых выпирающих остатков панорамки.

Я двинуться все еще не мог. Леха что-то орал.

Нет Лех, я не могу. Не не хочу. Не в силах. Невозможно.

Друг в два счета подскочил ко мне и начал было тащить за руку, но я упал Плашмя. Все тело стонало, каждая клетка проводила боль, увеличивающуюся пропорционально, волнами по всему телу снизу вверх И обратно, более мощной волной сверху вниз. И так продолжало циркулировать. Я — остолбенел. Стал статуей, некогда стоявшей в центре этого зала. Не более, чем бездушным манекеном.

Леха соображал быстро. В экстренных ситуациях действовать ему приходилось не впервой. Взвалив мое недвижимое тело на руки, с усилием пошел к лаборатории.

Неизвестное существо подтекало все ближе и ближе.

Леха перекинул меня на стол с осколками, где некогда спокойно бегал грызун в колесе. Крошечные стеклянные камешки, впившиеся в кожу и приумножающие судорожную боль, волновали меня сейчас меньше всего. Тварь начала разворот в нашу сторону. Все также вязко, медленно и тягуче.

Леха запрыгнул в комнату, опять подхватил мокрого и бестолкового меня и понесся по незнакомому пространству. В единственном возможном направлении — куда глаза глядят.

Ира и Саня мелькали слева в комнате профессора, явно пытаясь вызвать «лифт», в который твари не проникнуть ни при каких обстоятельствах. Из него точно можно попасть на поверхность... Или хоть куда-то. Сбежать от неминуемой

участи.

На полпути парочка развернула Леху в обратную сторону коридора к гостиной. Причину я краем глаз, которые, слава яйцам, еще функционировали, успел понять. Даже сквозь заляпанные грязными каплями воды очки увидел. Кнопка, вызывающая лифт, находилась на своем месте, но обугленная, исцарапанная. Рабочей ее назвать не получалось даже внешне.

Коридор казался каким-то бесконечным. Каждый шаг Лехи отдавался во мне зарядом отборной жесткой боли. И это точно уже не пять метров. Не десять. Мы (если это применительно ко мне) бежали по нему добрых минут пять. Черт знает о чем переговаривались мои сопартийники, но все сообразили, что сейчас — я ничего не могу, не слышу, не говорю. Калека, кукла, которую они пытаются спасти заодно с собой.

Гостиная, в которую мы прибежали, горела. Буквально горела. Синим пламенем. Но, если только ощущения еще не покинули меня, жара я не чувствовал. Как не почувствовали и Леха с компанией. Боязливо Саня сунул руку в синее пламя. Ни ожога, ни отпрянувшей на инстинкте самосохранения конечности. Кивнув, все шагнули в пламя.

Тишина с искаженным звуком и без того сводила с ума. Теперь и все, что я видел, исказилось. Голубой пеленой затянуло глаза. Смотреть сквозь огонь и оказаться в самом эпицентре него — никогда не мог такого вообразить в самом

хаотичном сне.

Размытые очертания компаньонов, пятна, колышущиеся в живом огне — все, что доступно в нынешнем положении наблюдателя. Спасибо Лехе, что не бросил мою семидесяти-килограммовую тушу на растерзание посреди комнаты. И я бы его даже не винил...

Как собирались они в непроглядном синем феномене отыскать лифт и кнопку вызова?

Изумрудный свет стал разбавлять сплошную синеву. Тварь. Существо. Неведомое нечто — приближалось. Оно парило следом за нами. Преследовало...

Муть огня разглаживалась. Четкость возвращалась. Пламя втягивалось в дверной проем. Упрямо с рывками и замиранием тянулось по невидимому руслу к изумрудному свечению, засасывая все и вся по спирали...

Гостиная очистилась от инородного огня. Осталась лишь гнетущая тьма, и только заевший пучок света от сломанного прожектора дарил некоторую надежду, что мы не пропали с концами на дне морском.

Чего не скажешь о мелькающим в дверном проходе изумрудном сиянии, бликующее тенями.

Судорожно Саня со всех сил тыкал по кнопке вызова спасательной капсулы-батискафа.

Безуспешно. Судя по всему, электроцепь здесь обесточена и реакции не последует. Сказать это я не могу, хоть изо всех сил и пытаюсь издать хотя бы легкий звук, подать сигнал,

знак...

Вспышкой, оставляющей фиолетовые сгустки слизи, что зависали прямо в воздухе, словно время время для них остановилось стоп-кадром, через всю комнату прямо в стоявшую раскоряченную статую пролетело в воздухе тело. Тело, это точно был человек. Даже в своем контуженном состоянии, с раскалывающейся, как орех при ударе молотком на части, головой и слезящимися глазами — понимаю. Это человек... Кто-то из операторов квеста каким-то макаром понял, что тут творится безумие, и пришел на выручку? Скорее всего. И тварь по ту сторону не оценила подвиг и не пощадила за столь добрый поступок.

От такого пролета и удара об ныне разлетевшуюся на части статую — выжить, конечно, можно, но чувствую: кто бы там ни был — в состоянии он не сильно лучше моего.

Ира подбежала в пострадавшему... Это же Ира? Или Сания... Чем глубже и дальше от меня во тьме они находились, тем сложнее становилось различать. Только изумрудное, становящееся все ближе и ярче сияние из коридора, пурпурно-фиолетовые ошметки слизи, отражающиеся на мокром полу, и сбоящий проектор — других источников света нет.

Леха что-то крикнул в ответ на столь же неразборчивый скрежет с гулом и понес меня за остальными... Врезавшийся в статую выжил и вроде в сознании — этот новый игрок в нашей игре на выживание теперь бежал впереди, вел за собой.

Заскакиваю (грустное слово, меня просто несет Леха) по-

следним в тесный тоннель, связывающий кухню и гостиную; напоследок мне удастся увидеть существо. Не спеша заваливаясь в гостиную, ОНО пожирало сгустки фиолетовой массы. Одно за другим. Маска раздвинулась в разные стороны. Изумрудный свет бьет сплошным лучом... Лучами. Маленькие щупальца-руки света, тысяча языков оборачиваются вокруг безынерционной структуры в воздухе и поглощают внутрь, глубоко в недры существа

Коридор. Без света. Никаких лампочек, включающихся на каждом шагу. Леха передвигался сугубо на ощупь. Единственное, что немного отдавало неоном — на полу. Виднелись осколки собранной мной мозаики. Ас-Гадот? Йог-Сотот... Или как его там... Ее... Этого бога.

Вернувшись домой в прошлый раз, полез поискать, как обычно, заиклившись на интересном, побольше фактов. Лавкрафт, Древние Боги, путешествия между мирами... Йог-Сотот — один из этих самых древних, обитающий вне нашего мира, вне пространства и времени... Как я вычитал из википедии.

Над прошлым, настоящим и будущим владевает Йог-Сотот — воплощение метафизических ужасов, заключенных за пределами нашей Вселенной. Господин времени и пространства, чей взгляд проникает в самые глубины человеческой души, вызывая неопишуемый ужас и трепет.

Стоп. Нет. Это уже из другой оперы... А собирал я друго-

го. Как его... Шуб-Ниггурат! Точно, поэтому и подумал про «неё». Мать всех демонов, богиня ведьм.

Мысли. Удивительная штука мозг. Все эти непонятные вещи всплыли в самый неподходящий момент и совершенно ничем не могли сейчас пригодиться. Пронеслись как молния, за пару микросекунд. Или дольше? Сколько Леха меня уже тащит вдоль витиеватых стенок туннеля? Когда я своими ногами спускался из кухни по нему, путь занял не более минут двух, от силы пять. Да и то потому, что я останавливался поглазеть на картины, фрески, да дырочки в стенах... Дырочки, сквозь которые виднелись «потайные лаборатории». Так это не часть антуража была? Что за чертовщина здесь творится?!

А изумрудный свет уже начинал потихоньку забираться в непроглядную тьму коридора. ОНО шло за нами.

Кухня. Наконец-то хоть немного освещения. Луч «источника» — все так же на своем законном месте. Благодаря ему местное убранство и различимо, четко и ясно. Еще бы мои очки давали изображение не мутное, запотевшее, с пятнами там и сям...

Батискаф здесь вызывать не нужно — раскрытые створки открывали путь к спасению в столь необходимое сейчас убежище.

Леха ввалил меня к остальным в тесную капсулу и сам уместился сбоку.

Языки света Твари, рыщущие в поисках жертвы, показа-

лись из-за угла.

Почему двери до сих пор не закрылись? В чем причина? Ребята не забыли же, как отчаливать...

А неторопливый пришелец из ада уже полностью вырисовывался в дверном проеме... Монстр больше него! Не протиснуться же, ведь так?!

Саня встал и начал дергать под потолком какую-то штуку... Заело? Благо, запас времени не исчерпан. Или...

Наша Смерть ломала мешавшую ей преграду. Не руками, не яростными сгустками света из бездны морды. ОНО шло тараном, напролом. Все также вязко и неспеша: все время мира в его власти — спешить ему некуда. Убить нас всегда успеет. Щепки отлетали и тут же превращались в схожий пепел, что струился следом за Тварью. Куски вырванных из стен металла и труб замирали в воздухе. Вода рванула в кухню стремительным потоком. Стихию не останавливало во времени, не сжигало в пепел.

Минута — не более. У нас от силы оставалась минута. Либо нас достигнет подводный демон и пожрет, поглотит, сольет воедино с собой... Либо мы все утонем. Или капсулу заполнит водой настолько, что и выжить особо долго не выйдет...

Изумрудные языки вытягивались и приближались с каждой каплей воды в кухне. А каплей прибывало много.

Двери резко захлопнулись. С чем бы не копошился Саня — у него это получилось.

Только почему-то при этом он упал рядом со мной и забился в конвульсиях. Скрежет, который скорее всего был криком боли, стал давить на перепонки, вбивая их обратно. Боль. Мне больно. Насколько же сильно мучается сейчас Сания и отчего?

Движение. Батискаф начал подниматься.

Я глянул в мелкое окошко наружу. Изумрудный свет исходил от всей подводной базы, она светилась, горела. Горела под водой, окутанная неизвестным мистическим пламенем. От которого нам чудом удалось сбежать.

Я закрыл глаза. Все кончено. Мы в безопасности.

Но ооченение не исчезло. Четкость звука не вернулась. Далеко от Хэппи Энда.

Мою голову подняли. Нехотя раскрыв глаза, попытался понять — что происходит.

Очки с меня сняли. Теперь и последний орган чувств, что еще находился в состоянии функционировать нормально — отнят.

Пятна, суетятся. Туда-сюда. Что-то кричат, что-то делают.

Мой рот силой раскрыли, под язык засунули нечто кислое и с металлическим привкусом. Твердое. Но быстро рассасывающееся. Шипит, искрится к небу. Взрывы пузырьков и потрескивание. С каждым щелчком внутри — чувства одно за другим потихоньку приходили в прежнюю рабочую форму.

Безвредный фейерверк во рту охлаждал похлеще мороженого льда, но ощущение доставляло странное необъяснимое

удовольствие. Своеобразный экстаз, затмевающий разум.

Черепная коробка не стремилась расколоться на части.

Нежное жужжание внутри живота.

Нервные окончания не стонали от острой режущей немоготы.

Вверх. Вниз. Вправо. Влево.

Пальцы. Я чую пальцы! Ноги, руки Все тело!

Голос Вот его до сих пор нет. Язык не слушается. Связки не смыкаются.

Но тело — уже более-менее в норме.

Кажется, я могу встать

Да!

Скрежетание и гулкое звучание — уходит. Не раздражает. Успокаивает. Слога. Слова

— Т.. ядке? — Леха.

Я слышу Леху.

— Ты как? Слышишь? — а это уже не Леха

Я кивнул в ответ. Потянул руки к глазам, протер их и намекнул на очки.

— Возможность говорить вернется минут через пять. Остаточный эффект энерджайзера, из-за метода принятия в последнюю очередь восстанавливает вербалику. Потерпи.

Протерев очки и вернув их на переносицу, я убедился, что голос не просто знакомый.

Юлий! Красноволосый парень, который не приехал к нам на прохождение квест-рума, все-таки тут и походу «прошел»

игру Какого хрена?!

Улыбки, как и прежней жизнерадостности, на лице Юлия не наблюдалось вовсе. Парень крайне серьезен и задумчив. Хамелеоновые глаза — более не переливались. Один глаз стал просто голубым, а второй играл всеми красками радуги, словно сломанная матрица телевизора. На лице красовалась широченная рассеченная рана вдоль левой щеки, проходящая линией через нос и обычный глаз. По краям раны сочилась фиолетовая слизь. Одна рука у него явно не рабочая Перелом?

— Б.. Б! — я не смог, хотя очень хотелось выразиться от души.

Но и короткий звук «Б», что не мог вымолвить до этого — уже радовал.

Что он здесь делает?

— Ваши задницы спасаю. И свою заодно, — ответил на мой вопрос студент.

Как Я же до сих пор не могу ничего сказать. Или он мысли читает?

— Не читаю. Нанобот, что ты рассасываешь, восстанавливает твои нервные ткани и иммунную систему и связан с моим квантовым компьютером в линзе, — Юлий постучал себя по виску, рядом с ключным глазом. — С его остатком Поэтому могу твои импульсы понимать-расшифровывать, пока бот не закончит работу.

— И

— Можешь не заканчивать мысль. Я из Мимезиса. Извините за все это, я Не ожидал. В прошлый раз с вами все прошел, никаких проволочек не обнаружил, сейчас со стороны думал понаблюдать. Но

— Что-то пошло не по плану, — закончил за него Саня хриплым кашляющим голосом. Из рта шла тонкой струйкой кровь, правая рука — вся бледная и дрожит. Судя по всему, Юлий скормил парню такого же робо-врача, но помог ему он не так резво.

— Да. Это мягко сказано. Простите, правда

— Засунь свои извинения знаешь куда! Какого тут происходит?! — Ира обнимала и прижимала к груди любимого истощенного мужа.

— Давайте доберемся до поверхности и острова Гуам, там в спокойствии все расскажу в подробностях.

— Дай хоть краткую сводку, чтобы кукухой не поехали окончательно! — Леха явно сдерживался, как бы не захватить по роже спасителю-экспериментатору.

— Мы Похоже, перенеслись в другой мир между измерениями Или просто в пространстве, к Тихому океану в сорока километрах на юго-запад от острова Гуам. Одно из двух. Надеюсь, без третьего варианта: во времени, что звучит маловероятно, — Юлий выглядел напуганно, но даже сейчас в голосе улавливались нотки авантюризма, с которыми он общался с нами на прошлой неделе.

— Ты прикалываешься? — Леха уже сжимал кулак.

— К сожалению — нет. И я помогаю, если не заметили. Меня здесь вообще быть не должно было. Как и той твари. Эксперимент не предполагал такого поворота.

— Экскремент твой эксперимент, — наконец-то голос и власть над языком вернулись ко мне. Боже, как приятно слышать свой голос!

— Согласен. Но Разве это все не интересно?! — Юлий улыбнулся. Искренне, без тени издевки. Помятый альтруист хотел приободрить нас в безнадежной ситуации.

Четыре косых пронзительных взгляда вонзились в парня. Саня засмеялся.

— Да, приключение — что надо! — кажется, вешать нос и правда не поможет, и бедолага это понимал.

— Адреналин, ага Молчи, дурак, тебе не стоит болтать — Ира со слезами на глазах тоже засмеялась и поцеловала мужа.

Леха разжал кулак и тоже усмехнулся.

— Зашибись просто! Десять из десяти, ставлю лайк, репост, всем советую! — улыбнулся и я.

Правда чуял, что лайк и репост сделать мне предстоит теперь ой как нескоро

Шипучка во рту медленно утихала.

Батискаф поднимал нас на поверхность.

Мы пытались не унывать.

А в самом деле, что теперь — истерить и плакать, что ли?

У нас один теперь путь — наверх и вместе.

Глава 1. Ленивые пляжи Гуама

Пальмы шуршат над головой. Белый песок, тёплый, как хлеб из печи, прилипает к пяткам. Океан — спокойный, будто зевает на берегу, выпуская пузыри воздуха между волн. Над водой — чёрные фрегаты со спущенными парусами. А вокруг — цвета: бирюза воды, изумруд листвы, желток дневного солнца, белоснежная вилла Гая, утопающая в гибискусах.

Ленивые дни в тропиках. Ленивые ночи у спокойной воды. Покой. Чего еще можно желать?

В моём случае — разве что избавления от иррационального чувства вины за отобранную у Алексея молодость. Может, седина, отданная куда-то с моих ныне белокурых волос, начнет теперь украдкой возвращаться к хозяину? Мне до сих пор не по себе. Морщин у Алексея, молодого парня, чуть перешагнувшего порог двадцатипятилетнего возраста, не убавлялось. А у меня, бывалого путешественника между мирами, не прибавлялось вновь.

В одних чёрных плавках на солнце я стал выглядеть как тот парень с обложки старого журнала. Вот смотрю сейчас на своё тело, избавленное от старых шрамов, и удивляюсь.

Связать омоложение с чудом замены структуры кожного покрова и телесного изнеможения от Vuoto Nero (оно же

«Страпелька», оно же «Кварки», оно же Тёмная Материя) — дело одно. Такое я переварил. А вот у кого я эти молекулы позаимствовал. Не задумывался до утра после нашего с Алексеем путешествия в слизистый мир моих грёз. Больше чем мир. Грань миров Путешествия, после которого Алексей чуть не лишился жизни.

Украсть материал для омоложения из чужого измерения, взамен отослать старый Поменять местами. Эту концепцию подтвердил впоследствии и Гай, когда я поделился историей с миром девушек-итальянок. Точнее, девчонки поделились; мне лишь пришлось поддакивать и одергивать болтушек на полуслове, когда речь зашла о том, сколько таких «Страпелек», исполняющих желания, по их мнению, ещё осталось у меня после переноса.

— Ноль. Ничего не осталось. Как я понял, моё желание омолодиться стоило дорого, верно, красавицы? — успел тогда вовремя перебить их эмоциональный рассказ.

Благо, девчушки сразу поняли флорентийскую интонацию диалекта, которую я вложил в каждое слово. Для Гая же это прозвучало обычно, в неявных нюансах он не разобрался, ибо флорентийский отличается тонкостью от итальянского.

Лега-Один же понял и диалект. Но у нас с парнишкой свои секреты насчёт его «головной боли», потому не столь страшно.

Доверять Гаю и «Мимезису» полностью — в моём внут-

реннем кодексе это сродни нарушению номер один. Чем больше болтаешь, тем больше встречаешь И быть подвешенным за ногти для извращённого эксперимента по выполнению чьих-то желаний этими самыми Страпельками через мою связь с ними Нет. Спасибо.

Меня устраивает и дальше тихо сидеть да нежиться под горячим солнышком, попивая кокосовое молоко через трубочку и вода чернильной ручкой по серой бумаге толстого кожаного журнала, любезно подаренного Гаем.

«Джойсан Мир с Квантовиками, биотехом, сетью Кубитки и чудесной девушкой по имени Луна, первая любовь, незабвенная любовь»

Да уж, сейчас звучит смешно. Но тогда Она точно такой и казалась. Взгляд невольно упал на Легу и Кварту, играющих в карты на надувном матрасе — разноцветном, как попугай, с пятнами от солнцезащитного крема и сока манго. Рядом — вторая Кварта и второй Лега, точные копии, но с микрозадержкой — как эхо, которое чуть опаздывает.

Интересно, каково играть со столькими условностями.

Лега-Один — с аналогом той самой Кубитки. Квантовым компьютером, вживлённым через само ДНК. У Гая и остальных в «Мимезисе» тоже некоторое его подобие, но явно слабее. Намного слабее. Иное. Из моих знаний и опыта: даже легкая нейронная сеть может свести с ума. Особенно неподготовленных. Процесс и адаптация занимают долгие годы, тесты на Квантовые пространства, перестроение сознания

И это с куда более немошной версией того, что всосалось сквозь палец в разум Олега.

Сидит, играет на матрасе Нет. Опять я всё упрощаю.

Ай Боль. Пульсирующая, стреляющая в голове.

Мозг Странная ты штука. Если у Олега его яркие вспышки боли при использовании «Задолбашки», как он её ласково назвал, приводили к чрезмерным размышлениям и циклическим перегрузкам, то мои вспышки боли от омоложения

— Эй, всезнающий профессор высших наук. Голова моя болит от замены нейронов, да, Гай?

Гай в белой летней рубашке оторвался от рома, распиваемого на пару с Юлием в красных плавках, и поставил бокал на столик из пальмового ствола.

— Да, ты запомнил всё верно. Старые заменяются на новые, но не мгновенно. Отделы памяти начинают конфликтовать, перезаписывать информацию, остаточная допридумывает на ходу события — Гай провёл пальцем по краю бокала, будто стирая пыль с воспоминания.

— Онемение, пожалуй, чуть точнее. Я порой начинаю мыслить как ребёнок. И не в хорошем смысле; потерять висок там, где пульсирует, — сейчас самое приятное, что можно сделать для успокоения боли.

— Слушай, всё плохое — хорошо забытое старое!

— Откуда ты такой бред взял?

— Это ты сам говорил, только вчера! Ты что, Крэй?! Может, тебе стоит вновь вернуться в кресло и провести ещё па-

ру тестов — Гай наклонился вперёд, глаза серьёзные, но без давления.

— Ты Ты же шутишь, да? Я не говорил такого? — Голос сел. В горле тут же образовался ком.

— Хех Подловил! — Гай откинулся назад, поднял бокал в жесте победы.

— Вот же сволочь

— Ловко ты его, старик! — Юлий подхватил смех своей постаревшей дуальности, откидываясь на шезлонге, барабанил пальцами по подлокотнику в ритме какой-то старой песни.

Ты погляди на них, шутников, — одного, едва гладколицего и размалёванного красным в волосах, другого — с сединой в висках и морщинами от долгих ночей за архивами!

— А вы вообще как? — кивнул я между ними. — Один — молоко на губах не обсохло, другой — уже старую с клюшкой начинает из-за горизонта разглядывать. Но вы — один человек? Я до сих пор не могу уяснить.

Гай усмехнулся.

— Время нелинейно, Крэй. Особенно когда речь идёт о параллельных мирах. Мы — не «будущее» и «прошлое». Мы — разные ветви одной волновой функции.

— То есть ты — будущее Юлия? — прищурившись, нутром чувствую: что-то тут не сходится.

— Не совсем, — вмешался Юлий, наклоняясь к мангалу и подбрасывая в угли щепку. — Всё довольно просто. Со-

гласно интерпретации Эверетта каждый выбор, каждое событие порождает новую ветвь реальности. Я — та ветвь, где я выбрал университет, риск, авантюру. Гай — та, где выбрал осторожность, карьеру, ответственность. Но начальные условия были одинаковы. Поэтому мы — один и тот же человек. Просто развивались по разным траекториям. И в разное время Вижу, тебе сложновато. Как бы ему объяснить, Гай?

— Так, ладно, ладно. У меня, я так понимаю, та же ситуация с моим возможным двойником здесь. И двойниками сводных братьев Их в этом времени вообще быть не должно. Мы росли вместе в средние века. Сейчас у вас какой? Две тысячи двадцать шестой, говоришь, по местному? Я, конечно, видал, чтобы времена и понятия сильно отличались, но события Тут Вторая мировая в сорок пятом же тоже кончилась?

Гай помолчал, будто взвешивая слова.

— Да, второго сентября. — Гай медленно поднял свой бокал с ромом. Янтарная жидкость колыхнулась, но не пролилась. Ученый поднёс его к свету, глядя сквозь стекло на искажённый горизонт. — Попробуем так. Миры не копируют друг друга, Крэй. Они резонируют.

Гай слегка качнул бокалом, создавая внутри маленькую волну, которая билась о стенки.

— Структурная аналогия. Представь, что эта волна — эмоциональная аномалия. Чума, война, катастрофа. Когда в одном мире возникает такой всплеск, — он резко остановил

бокал, и вино замерло, — в другом, даже через века, может возникнуть похожая структура. Та же форма волны. Но в другом сосуде.

— То есть в моём мире — чума, средневековье. А здесь — война, разруха. Те же лица. Те же имена. Но время сдвинуто?

— Именно. — Гай со звоном поставил бокал на стол. — Это не альтернативная история. Это параллельная реальность с похожим гравитационным потенциалом. Как одна мелодия, сыгранная на разных инструментах. С разной скоростью, но с тем же лейтмотивом.

Юлий, стоя у мангала, ткнул длинными щипцами в угли. Сноп искр взвился вверх, рассыпаясь золотым дождем над жаровней.

— И это не чей-то план! — крикнул красноволосый, перекрывая шум прибоя.

Его лицо озарилось оранжевым светом.

— Это биология! Страх, братство, выживание — это константа. Как этот огонь, — парень стряхнул пепел с щипцов. — Миры резонируют на эту энергию. Даже если разделены веками. Искры летят вверх везде одинаково, Крэй. Гравитация одна.

Я зажмурился. Яркий свет и звук били по нервам. Голова раскалывалась, словно пытаюсь синхронизировать две разные частоты.

— Значит, я не заменил их Крэй? Не стёр его память, не занял его место?

Гай наклонился и взял кубик льда из ведёрка. Бросил тот в свой почти пустой бокал. Лёд звякнул о стекло и начал медленно таять, не меняя формы.

— Нет. Их Крэй — обычный мальчик. Пропал в шестидесятых. Возможно, умер давно. — Гай посмотрел на тающий лёд. — Следов нет. «Братца Ли» у них не было. Ты — не их Крэй. Ты просто попал в резонанс. Случайное совпадение частот. Статистическая аномалия. Ты — как этот лёд в чужом стакане. Вроде бы часть напитка, но пришел извне.

Юлий улыбнулся, наблюдая, как последняя искра гаснет в воздухе.

— Два мира. Одинаковые имена. Разный масштаб, — неторопливо провел рукой по дыму, рассеивая его. — Как две одинаковые мелодии на разной высоте. Частота другая, а суть та же.

Боль отступила, оставив лишь глухое эхо. Руки больше не дрожали.

— Хм. Значит, я не убил их ребёнка, заместив реальность. Просто пришёл не туда.

— Крэй, что за ахинею ты сейчас про ребёнка сказанул?! Опять в голове вспыхнуло? И это, гони от себя депресняк. Ты пришёл туда, где тебя уже ждали, по крайней мере эмоционально; ты доставил здесь старикам радость, — мягко заметил Гай. — Даже если сами этого не знали. Хоть вы и распрощались, поняв, что разные люди, но большего, поверь, им и не надо. Того мальчика они видели шестьдесят с фигом

лет назад. Для них это был лишь миг захватывающих воспоминаний на закате жизни, а ты осветил его и сделал теплее. Да ещё и внёс фантастики в мир без чудес! Представь, люди уйдут на покой, зная, что существуют параллельные миры!

Две разделённые временем дуальности налили ещё по бокалу рома и продолжили увлечённую научную дискуссию, пока темнокожий официант раскладывал им горячее.

Да. Юлий и Гай не один человек. Определённо. На них достаточно взглянуть, и сразу поймёшь. Разные пути создали разных людей. Чего не скажешь о Леге на матрасе Нет. И Лега не один. Как и Кварта. Но мозг упрямо повторяет при взгляде на двойников: они — одно целое. Не как парень и девушка в любовном соитии

Опять эта вспышка боли в голове! Прошло три недели, а они продолжают.

Я вижу двух Лег и двух Кварт. Хотя по сути — это один парень и одна девушка Но их двое. Четверо На развесёлом пятнистом матрасе их четверо. И одновременно — по-разному. Кварта — клон самой себя, с различием в одно мгновение. Буквально в моргание 0,75 миллисекунды. Гай подтвердил мои опасения? Нет, я не опасался. Но всё равно, как-то неудобно вышло.

Кварта и Секунда — раздвоились. Дубликаты не были дуальностями, про которые говорил Гай. Наподобие его собственной дуальности, Юлия, и двух Олегов. Двух людей из разных миров. По сути, ситуация не сильно и отличается.

Гай сказал, дублированных сестёр также можно продолжать называть дуальностью, хотя это всё те же идентичные люди. Не близняшки, не двойняшки, как шутили сёстры между собой. Один человек, с одним паттерном мыслей, желаний и чувств Порывов, пороков и переживаний.

— Чего засмотрелся на наших голубков? — сгоревший на солнце Саня перевернул шампур, плеснул пива на угли — те зашипели, выпустив облако дыма.

— Да так. Вдохновение для книги ищу. И я не назвал бы их голубками. Кварта не перестаёт заигрывать со всеми подряд, если ты не заметил, — допитый мной напиток был сладким на вкус; ещё б солнце так в глаза не светило.

— Зато Лега вдохновение от этой горячей девчули черпает явно, — Саня зажал горлышко бутылки, взболтал и ещё раз брызнул на мясо — то зашипело, наполнив воздух ароматом дыма и тимьяна; второй рукой протянул мне новую бутылку из холодильника. — Слушай, а ты тоже ща в единственном числе её назвал, да?! Я ж не ослышался?

— В общем-то, да Я больше удивился, что ты мне вторил.

— Да как тут не вторить, когда они буквально делают всё одно и то же почти!.. А вот глянь на старшую сеструху! Вот это мяу-мяу-мяу, мой друг! На твоём месте я б уже кувыр-кался с ней весь этот месяц, не пойму, чего ты ждёшь

Как и любой нормальный мужчина, позволяющий себе вольности в отсутствие жены рядом, Саня даже и близко не перегнул палку в любовании естественной женской красотой

Секунд. Две обворожительные итальянки в наиоткровеннейших мини-бикини абсолютно синхронно вышли из воды и начали вытираться полотенцами.

Бикини. Смешное слово, давненько не слышал

Вода стекала по девичьим телам, как мёд по стеклу — гладко, без спешки. Обе — стройные, но не хрупкие: плечи закалены работой, бёдра округлые. Девушки выросли на хлебе и оливковом масле, а не на модных диетах. Кожа — золотистая, уже тронутая солнцем, с лёгким румянцем от солёного ветра.

Мини-бикини Красота. Не вызывающие, но игривые.

У первой — тёмно-синий верх в виде треугольников, перевитых тонкой золотой нитью, нижнее — такие же линии, едва прикрывающие бёдра.

У второй — бордовый, почти винный, с вышивкой в виде маленьких звёзд, будто ночное небо сошло на её коже. Ткань — лёгкая, как дыхание, облегает тело, не скрывая, но и не выпячивая — просто принимая формы такими, как есть.

Забавно, выбирать разную одежду девушкам их дуальность одного сознания не мешала совершенно. Скорее наоборот — помогала.

Красавицы вытирались полотенцами синхронно — одна

поднимает руку, другая повторяет — и даже в этом движении чувствовалась та самая задержка в 0,75 миллисекунды, что делала их не близняшками, а одной душой в двух телах.

На удивление, редко мне попадались Миры, где я мог наслаждаться созерцанием прекрасных особ именно в бикини. А для моих итальянок, не видавших прежде моря, такой наряд стал откровением. Как и вся современная мода в целом. Первое, что итальянские красотки из глуши ведьмовского мира принялись изучать в глобальной сети, с чем познакомились сквозь охи и ахи, — одежда! И освоились с нею быстро

Но если вспомнить, я в свои первые путешествия также не прочь был переодеться

Обе Кварты — тоже в купальниках, но более закрытых: чёрные, с высокой талией, напоминающие старинные купальные костюмы, но с современным кроем. Младшенькие не заходили в воду дальше щиколотки — только опускали ноги, будто проверяя, не обожжёт ли. Не обжигало, особенно после нашего заплыва. Но учиться купаться пока не торопились. Хотя Леги в своих шортах с цветочками, да и я с Секундами постоянно их сегодня зазывали, а пару раз и за-таскивали силком.

И мой взгляд вновь невольно перевелся на мини-бикини Секунды.

Что ж, глядя на эту горячую, словно уголёк под пригорающим шашлыком, девушку будто с картинки, могу подтвердить слова Александра.

— Мяу-мяу и вправду, мой друг. Каждое твоё слово верно!

За исключением того, Саня, что я уже покувыркался с ней. С ними И множество раз И это ощущалось крайне странно. Только никому этого знать не надо. Я вообще не из тех, кто хвастает каждой победой. Особенно, если эти победы у меня в каждом мире тянутся шлейфом. Как не попробовать все необычности каждого мира? Особенно, когда тебя ничего не обременяет и не обязывает. Случайные параллели, случайные связи Девушки-кошки, девушки-телепатки, девушки-русалки, девушки, девушки, девушки Но вот чтобы с двумя сразу, как с одним человеком Нет. Они определённо не близняшки. Этот этап я когда-то проходил, и он другой.

И это меня смущает в них ещё больше. В них. В ней Один человек, который никогда не сможет заполучить то, что желает, единолично. Невозможно восполнить мечту на сто процентов, если она хоть немного эгоистична. Не будь Секунда столь открыта к самой себе Хотя как можно не быть?

Опять в голове вспышка боли. Зараза! Мысли путаются.

Я сидел за барной стойкой, крутя в руках запотевший бокал.

Первая Секунда — в легком шелковом парео, с волосами, собранными в тугий пучок, — подседа вплотную. Плечо к плечу. Без слов выпила мой недопитый коктейль, глядя прямо в глаза. Затем горячие, цепкие пальцы сомкнулись на моем запястье, потянули к бассейну.

Там, в тени белой колонны, поцелуй. Короткий. Вкусный. И сразу — шаг назад. Кивок в сторону главного корпуса: — Отойду.

Остался один. Лед в бокале таял, оставляя водяные кольца на дереве.

Минуты через три из сада появилась Вторая Секунда; рядом Лега и сестры. На Второй Секунде — короткие джинсовые шорты и топ, волосы распущены и развеваются на ветру. Шла впереди, смеясь над чьей-то шуткой, но у поворота к бару резко свернула.

— Догоню! — бросила компании, даже не оборачиваясь.

Подошла ко мне. Та же походка. Тот же сладкий запах духов. Но взгляд — другой, более игривый, оценивающий.

— Скучаешь? — усмехнулась, поправляя лямку топа.

Не дав ответить, наклонилась и поцеловала. Так же уверенно. Так же глубоко.

Я отстранился первым. Перехватил её локоть, не давая уйти, хотя та уже, смеясь, пыривалась последовать за компанией в бар.

— Стоп. Это несправедливо. По отношению к тебе. Другой.

Вторая не удивилась. Не смутилась. Лишь мягко высвободила руку и кивнула на стеклянные двери ресторана:

— Пойдем спросим.

Двери распахнулись. Первая вышла, вытирая руки бумажным полотенцем. Всё то же парео, тот же пучок. Увидела нас.

Улыбнулась. И медленно, зеркально отражая вторую, кивнула, подмигнув мне; почти хором обе сказали:

— Я не против.

Две разные девушки. Два разных образа. Одно решение. Один человек.

Случайный мир, случайные связи

Только это всё для меня теперь Не так. Эти девушки родом из другого Мира. Откуда прошли сквозь следующий, с тьюрмой-кораблём, вместе со мной.

Один раз — случайность, два — закономерность. Третий раз Обязательно будет. И совсем не уверен, что увижусь с Секундой после следующего своего Моргания.

После первой нашей ночи мы лежали на пляже под звёздами, где песок ещё хранил тепло дня, а волны шептали на языке, которого не знал ни один мир.

Луна только-только встала, серебряная, чем-то напоминающая свечение обручей Лёхи и Маши.

Секунды — обе — приподнялись на локтях, как две половины одного дыхания.

Кожа — тёплая, гладкая, покрытая лёгкой испариной и крошечными каплями морской соли, будто росой.

Волосы — растрёпаны, чёрные, как ночь над Антаресом.

Девушки смотрели не друг на друга, не на меня — а в одну точку, туда, где заканчивался пляж и начиналось море.

Туда, где их целостность когда-то была единой.

— Zio, давно уже — начала первая, голос хриплый от

усталости и чего-то большего.

— младшая поведала, zio, что положила глаз на тебя с первой встречи, — подхватила вторая, не поворачивая головы.

— И мечется теперь между Легой и тобой последние недели, — закончили хором, как будто одна мысль вырвалась из двух уст.

Одна обхватила колени руками, другая — провела ладонью по песку, будто стирая след.

— Влюбчивые сестрёнки у нас Che disastro! — вздохнули обе почти одновременно.

Взгляд скользнул к пляжу, где вдалеке Лега в одиночестве бросал камешки в воду, не замечая нашего безобразия.

— И неопытные.

— Плакались нам недавно, что не знают, что делать.

— И не готовы делиться

— друг с другом.

— Шутят: «У каждой теперь по парню!»

— Но никто не называет имён!

Красавицы усмехнулись — и в уголках глаз у обеих дрожала влага. Не слёзы. Просто отражение луны.

— Представь, Крэй, — сказала та, что ближе ко мне.

— Это не просто ревность или конкуренция, — подхватила вторая, поворачиваясь.

— Это этическая ловушка! — выпалили в унисон, и в этом хоре прозвучала вся боль.

— Сестра повторяет и повторяет: «Если я добыю Крэя

— вторая я останется ни с чем.»

— А вторая «я» — это я.

— Значит, я причиню боль себе.

— А я не хочу себе зла.

— Значит я не могу хотеть этого вообще.

— Mannaggia

Я фыркнул, откинулся на локтях, глядя, как солнце уже начинало розоветь на востоке.

— А у нас вот такого вопроса этики не возникает, представляешь?!

Девушки переглянулись — впервые за всю нашу страстную ночь, и засмеялись.

— Ночью сестры плачут вместе.

— Одна пытается «уступить»

— а вторая отказывается: «Ты — это я. Если ты уйдёшь — я перестану существовать», — прошептали, почти касаясь лбами.

— «Я откажусь от себя. Пусть она будет я, а я стану тенью», — повторили хором, будто цитируя чужую молитву, притом изменив тон так, что стали похожи на Кварту.

— Одна может сказать: «Может, мне лучше уйти? Ты больше подходишь ему»

— А вторая тут же отвечает: «No, tesoro! Ты — это я. Если ты уйдёшь я умру».

Секунды замолчали.

Ветер шелестел пальмами.

Волны лизали берег.

А я понял: это не любовный треугольник. И девушки говорят не только за Кварту.

Это зеркало, разбитое пополам.

И каждая половина боится, что если одна исчезнет — упадёт и смысл отражения.

Честно — за всю мою жизнь это самая странная беседа после ночи жаркой любви. Учитывая, что девушки часто говорили хором и подхватывали друг друга с разных сторон, как стерео-музыка, записанная на профессиональной студии. Флорентийский я стал разбирать куда лучше, но Кажется, в ту ночь многие смыслы сильно исказились в моей и так забродившей голове.

Но я их понимал. Даже не слова. Душу. Секунде, как старшей сестре, единственной родной крови для младшей, сложно — не делиться эмоциями. И у неё свои переживания о самоидентификации. Просто Секунда — открытее и взрослее. Хотя нельзя всё спихивать лишь на возраст. Они с сестрой разные.

И наверняка с более близким по возрасту Легой младшей легче общаться. И скорее всего, именно с ним Кварта и делится переживаниями. Ну, кроме интимных. Это она оставляет сестре, судя по всем рассказам Секунд. Сестре Сёстрам и Элизабет в экране планшета по ночам. Викторианской англичанке, продолжающей мало что о себе рассказывать.

Нам парням и «Мимезису». Как сказали Секунды — де-

вешкам Элизабет уже многое поведала.

Но даже мне Секунда не стала рассказывать — что. А возможно, и рассказала, но я не понял. Тогда глаза уже невольно слипались, а речь итальянок звучала столь упоительно на их родном языке.

— Женская тайна — сказали хором, и улыгнулись, но в глазах у обеих мелькнула тень.

Одна отвернулась, поправляя лямку купальника — чёрного, строгого, как её совесть.

Другая провела пальцем по песку, будто чертя границу между тем, что можно сказать, и тем, что — нет.

— Между словами и делами *cè di mezzo il mare*

— И право слово, Крэй, *giuro su Dio* — начала первая.

— я не должна такое рассказывать, *non posso*, — подхватила вторая, не глядя на меня.

— Пусть сама вам всё перескажет. *Quando sarà pronta*, — произнесли почти одновременно. — По-своему.

Голоса стали тише, почти шёпот, как прилив, отступающий в темноту.

— Там всё очень *troppo oscuro*.

Секунды замолчали, глядя на виллу Элизабет, где за жалюзи мелькнула тень.

— Да и потом — произнесла первая.

— она даже нам рассказала далеко не всё, — добавила вторая.

— *Solo frammenti* осколки души.

Одна из девушек вздохнула, провела пальцем по песку, рисуя круг — идеальный, как луна над нами.

Другая тут же стёрла круг ногой, будто боясь, что кто-то прочтёт этот след.

— *Meglio dimenticare* Но даже в карантине она не сломалась, — словно пропели одновременно, и в этом хоре прозвучала не жалость, а уважение.

— Только закрылась, словно цветок в ночи.

— Как книга, которую боятся читать.

— *Overina* бедная заблудшая душа

Тишина повисла между нами, заполненная только шелестом пальм и дыханием океана.

— А возможно, эти недели в полу одиночестве пошли ей на пользу, *Zio*? — спросила одна, глядя на звёзды.

— С этой технологией связи, — подхватила другая, касаясь наушника в ухе, — бедняжка никогда не оставалась в одиночестве, *mai davvero*.

— Мне кажется, это чудесная терапия, — закончили в унисон, и в их голосах — ни сомнения, ни страха. Только тихая надежда.

Глава 2. Карантин

— Крэй, есть какие-нибудь фокусы из других миров, которые ты можешь делать здесь? — Саня сосредоточенно ковырялся с открывашкой.

— Что? Не понял, — я оторвался от горизонта.

— Ну, магию ты отмёл Говоришь, эфир не тот, или чего-то ещё

— Да, нужны мана, специфическая атмосфера, или

— Ага. Вот и спрашиваю: есть что-то еще, что ты «почерпнул»? Чему можно научиться без прыжков по мирам? Чтобы каждый мог?

Я посмотрел на Саню, затем перевёл взгляд дальше, к белой вилле, где в гамаке в тени пальм устроилась Ира. Метров полтора, не меньше.

— Хм Александр, ты знаешь, что леопарды видят жертву за полтора километра? Даже в сумерках. По движению мышцы. Слышат шаги за версту, отсекая гул ветра.

Саня справился с крышкой. Щелчок прозвучал резко, как выстрел, в тишине полудня. Он протянул мне запотевшую бутылку:

— Ты к чему это? Как это связано с фокусами?

— Вспомнилось, — буркнул я, игнорируя пиво, и сделал глоток из кокоса. — Мир Зверолюдей. Их шаман любил повторять: «Леопард видит суть через расстояние, ухом ловит

дрожь земли». Человек, если хочет выжить, может не хуже. Нужно убрать внутренний шум и сфокусироваться. Настроить зрение и слух, как радиоприёмник, на нужную волну.

Саня замер с бутылкой у рта, оценивающе глядя на меня.

— И? Ты сейчас можешь так же? Видеть и слышать лучше меня? Расслышать, о чём птицы щебечут?

— Тебя научить? — хитро прищурился я.

Саня поморщился, представив часы медитаций под палящим солнцем.

— Жуткие навыки, путешественник, — подумал вслух, отхлёбывая пиво и устраиваясь в шезлонге. — Ладно, давай потом. Леня напрягать мозги и уши. Это сложно? Я смогу?

— Непросто. Требуется дисциплины. Теоретически — почти каждый может. Есть те, кто рождается с этим. Главное — желание видеть и слышать больше, чем показывают по умолчанию.

— Тогда точно потом. Сейчас время пива и солнца.

Я усмехнулся. Спорить не стал. Саня имеет право на лень — он турист, гость. А я — наблюдатель. Охотник.

Для Сани планшет в руках Иры на расстоянии метров пятидесяти стал бы едва заметным бликом в густой тени. Мои же глаза, натренированные в мирах, где от зоркости зависела жизнь, работали лучше любой оптики.

Я прищурился, ловя фокус, отсекая марево горячего воздуха над раскалённым песком. Дыхание замерло, пульс замедлился, уступая место звенящей концентрации. Я видел

не пиксели. Я видел лицо девушки на экране планшета. Видел, как подрагивают ресницы, как на рельефной текстуре блестит крошечная, непролитая слеза в уголке глаза, как шевелятся губы, чеканя слова.

Видеть легко. Можно и в десятки раз дальше.

А вот слышать

Глаза дали цель, и я позволил слуху догнать зрение.

Внутри черепа, за барабанными перепонками, привычно сжались стремленные мышцы. В глубине среднего уха возник низкий гул — реакция тела на предельную акустическую фокусировку. Напрягшиеся перепонки сработали как эквалайзер: мгновенно «срезали» низкочастотный хаос пляжа. Грохот прибоя стал шелестом, крики чаек и смех растворились в белом шуме.

На дистанции в полсотню метров воздух сжирает согласные, донося лишь обрывки гласных. Обычный человек услышал бы мертвое бубнение. Но годы медитаций научили мой мозг главному трюку — синергии чувств. Сознание поймало звуковые волны и мгновенно склеило их с артикуляцией Ириных губ. Размытый сигнал наложил на четкую картинку, и звук в голове обрел цифровую четкость. Дистанция испарилась. Я слышал каждое слово.

Ира погрузилась в свой мир, ведя тихую интимную беседу с Элизабет; наше балагурство её не касалось.

На экране, который она осторожно держала на красных коленях (как и муж, Ира уже успела сильно обгореть на

пляже), лицо Элизабет было залито светом. Не агрессивным тропическим солнцем, а чистым, прозрачным сиянием, словно остров старался быть с британкой бережнее, смывая память о пережитом ужасе.

Изолированная от всех девушка сидела на террасе карантинной зоны — белой, стерильной виллы с бассейном. На заднем фоне синел океан, но рядом не было ни души. Только она и отражение в чёрном стекле камеры.

Почти две недели карантина прошло. Последние дни изоляции.

— Итак? Что скажете? — голос Элизабет донёлся из динамика чуть искажённым, с вибрацией, но в глазах невольной узницы горела искра, которую я научился распознавать за десятилетия скитаний. Искра жизни, пробивающаяся сквозь страх.

Ира приподняла брови, замерев. Будто увидела чудо. Или призрак, обретший плоть.

— Элизабет Ты это ты? — её шепот сорвался едва слышно, но я поймал смысл скорее по движению губ, чем по звуку.

Элизабет медленно встала перед камерой. Движения плавные, выверенные, словно выход на сцену королевского театра.

На ней был купальник. Но не такой, как у Секунд, — не яркий, открытый наряд, сверкающий на пляже.

Чёрный. Строгий. Шорты до середины бедра, топ с высоким воротом, переходящим в тонкие лямки. Рукава до локтя

— напоминание о манжетах старинных платьев, о кружевах, которых здесь нет. На талии узкий пояс, подчёркивающий стан, но не обнажающий его. Всё из плотного, матового трикотажа. Без блёсток. Без вызывающих вырезов. Без вызова современности.

Даже не компромисс между эпохами. Это заявление. Манифест личности, отказывающейся раствориться в чуждом времени.

— Осмелюсь спросить сочтёт ли общество мой наряд приличным? — произнесла британка, поправляя лямку с таким достоинством, будто цитировала викторианский этикетный мануал. — Я избрала его сама из альбома с образцами, что вы мне прислали. Назвали его «винтажным стилем». Мне показалось достаточно скромным.

— Достаточно скромным?! — Ира рассмеялась звонко и искренне, но тут же осеклась, увидев, как Элизабет слегка напряглась в ожидании осуждения. — Прости Просто Ты выглядишь — Ира замолчала, подбирая слово, способное вместить и облегчение, и уважение. — Как женщина, которая снова владеет собой.

Элизабет опустила взгляд. Помолчала, собираясь с мыслями.

— Во времена мои полагалось, что тело — храм. Священный. Частный. Здесь же оно, кажется, стало площадью для всеобщего обозрения и оценки достоинства, — она сделала паузу, затем тихо добавила, и в голосе её прозвучала едва

уловимая грусть: — Но возможно даже храм может порой отворить свои двери перед светом.

За её спиной шумел океан. Перед ней — холодный экран. Она ещё не вышла за пределы виллы, но уже вышла из тени болезни. Молодец, девочка. Странная отцовская гордость, несвойственная мне, привыкшему полагаться только на себя.

— Завтра моё прискорбно-вынужденное заточение окончится, — произнесла девушка, не глядя в камеру, словно обращаясь к невидимому судье. — Полагаю, совершу краткую прогулку к берегу. Исключительно для наблюдения. За природой, разумеется.

— Хочешь, чтобы я была рядом? — мягко спросила Ира.

— Предпочла бы уединение, если позволите, миссис Ирэн, — ответила Элизабет, и в этом обращении звучала вся дистанция, которую она выстроила как защиту. — Но если я, быть может, помашу вам оттуда соизволите ли вы ответить тем же?

— Обязательно, — улыбнулась Ира. — Обещаю.

До раскованности итальянок Элизабет было, конечно, как до луны. Но луна тоже светит, пусть и холодным светом.

Я разжал мысленный захват, позволяя звукам прибоя и ветра вернуться в нормальный объем. Ира продолжала болтать, смеясь чему-то своему, но мой взгляд уже скользнул дальше, через раскаленный воздух, к белой стене виллы, полускрытой за пальмами.

Сто пятьдесят метров. Для глаза — просто архитектура.

Для памяти — шрам.

Вид этой стерильной белизны, этой «тюрьмы» с бассейном, всегда отбрасывал меня назад. Туда, где сладкая, липкая идиллия Гуама впервые дала трещину. Что ж, нет нигде абсолютного покоя для всех

Воспоминание накрыло меня резко, смывая шум прибора звуком сирены и тяжёлым топотом ног по плитке.

Мы только прибыли на остров. Первые дни прошли относительно спокойно, в режиме «туристического ада», пока не случился тот ужин.

Элизабет сидела за общим столом, бледнее обычного, словно фарфоровая кукла, с которой стерли румяна. Вдруг она замерла. Ложка выпала из пальцев. Из носа, прямо во время трапезы, потекла бордовая, густая кровь. Кожа стала горячей на ощупь — жар пробивался сквозь поры, а взгляд стал пустым, стеклянным, устремленным в какую-то внутреннюю бездну. Когда Ира попыталась помочь, схватив её за руку, на коже девушки проступили свежие синяки, словно от невидимых ударов. Глаза заплыли нездоровой желтизной.

Гай среагировал мгновенно. В нём проснулся не куратор, а врач полевого госпиталя, видевший слишком много смертей.

— Карантин! Обязательный, безоговорочный! — его голос не терпел возражений, он резал воздух, как скальпель.

Он перехватил Иру, которая уже собиралась бежать к подруге, забыв об осторожности, и твердо, почти жестко поло-

жил ей руку на плечо.

— Это не наказание, Ира. Это защита — для неё и для вас. Через два дня — видеосвязь. Обещаю. А сейчас дай ей отдохнуть. Дай ей шанс.

Так Элизабет оказалась заперта на вилле. Карантинная зона всё равно выглядела как приватный рай с бассейном, потому британка не сильно жаловалась на условия. Но общаться ей приходилось по беспроводной связи.

Для девушек, собравшихся на конференц-связь с большой, это стало шоком.

— Оно оно переводит в реальном времени? — Кварта теребила маленький наушник, словно боялась его уронить. — Прямо в ухо?

— Ага, — кивнул Гай, настраивая свой планшет. — Стирает границы понимания. Магия, если хочешь.

Кварта надела «ушечку», как их тут же прозвали девчонки, и осторожно произнесла в микрофон:

— Элизабет, ты меня слышишь?

Голос британки в ответ прозвучал четко, без задержек, хотя она говорила на своем старомодном английском. Девушки ахнули. Для меня же, прошедшего через десяток лингвистических шоков и выучившего полмира на коленке, ничего нового.

В общем, так и общались. Все, кто не знал языков друг друга, цепляли эти чудо-гаджеты. Кроме меня, Гая, Юлия и Леги-Один.

Юлий и Гай были просто подкованы и образованны.

Лега же, когда начался видеозвонок, сидел рядом, лениво жуя фрукт. Его нейроинтерфейс позволял ему понимать любой язык напрямую, всасывая смысл из потока данных. Но вот говорить он мог только на русском и английском — речевой аппарат просто не успевал за скоростью мысли, обрабатывающей синтаксис суахили или китайского за наносекунды.

Я же говорил без всяких наушников. Итальянки иногда вытаскивали свои «ушечки», но скорее из спортивного интереса и практики разговора с другими, обучаясь языку сильнее. Их лексикон был очень скуден, а язык мог пригодиться. Не всё же время батарейный наушник возводить на пьедестал? На Гуаме родной язык английский, так что практики предостаточно.

С Элизабет же девицы говорили только через переводчик, боясь ошибиться в нюансах этикета и обидеть «леди».

Лега молчал, наблюдая за этой возней. Когда Лёха спросил его однажды:

— Слухай, а как ты так свободно ориентируешься в терминах? Да и итальянский, вроде, не в сфере твоих интересов?

Лега даже бровью не повел.

— Корпоративные курсы, — буркнул он, не отрываясь от книги. — Учили понимать на слух. Говорить не научился особо — за ненужностью. Скудная история.

Лёха пожал плечами и поверил. Второй Лега от подобных курсов в своем мире отказался сразу. История сходилась.

Казалось, все поверили в эту байку. Почти все.

Только Мария, девушка Лёхи, сидящая поодаль, хитро прищурилась. Она медленно кивнула, и в этой улыбке читалось: «Знаю я таких клёрков, дорогой».

Мария была той еще занозой. Её едкие фразы и токсичный юмор служили ей броней. Видимо, поэтому наши девчонки не особо с ней сдружились и не позвали в свой «клуб секретов». Маша, впрочем, и не рвалась. Ей было интереснее трепаться с нами — с мужской компанией.

— Попаданец ты наш, жопаданец, — бросила она мне как-то, когда я очередную попытку объяснить квантовую природу своих вещей назвал «научной». — Ты всю жизнь проморгал, походу, залётный.

Я расхохотался. Громко, искренне. Аки конь в стойле Ватсхаба.

Мне нравились эти подколы. Они напоминали армейский юмор — черный, грубый, но единственно возможный способ не сойти с ума от страха и неопределенности. Смех был лекарством. И пока мы смеялись над Марией, над Легой, над собой, мир казался чуть менее чужим.

Но меня грыз вопрос. Спустя пару дней я нашел Гая у бара. Он выглядел уставшим, несмотря на внешнюю невозмутимость, под глазами залегли тени бессонных ночей.

— Почему только Элизабет? — спросил я, глядя на вил-

ду, отгороженную невидимым, но осязаемым внутренним барьером. — Почему мы гуляем свободно, дышим этим воздухом, а она в клетке? Разве так работает карантин? Я сам сажал людей в изоляцию, не столь сладкую, и не без жертв. Сам сидел в ней, вместе со всеми контактирующими. Но почему сейчас так просто? Где логика?

Гай отложил планшет, провёл рукой по лицу — усталость проступала даже сквозь всю его профессиональную броню.

— Потому что вы здоровы, Крэй. У нас очень чуткие сенсоры отклонений. Мы не заметили сразу паттерна заражения из-за его необычности и уникальности. Моя ошибка в первую очередь, да, признаю. Первая неделя в Красной Поляне — всё хорошо, легкие отклонения. Но паттерн куда страшнее проявился всю эту неделю, до её «приступа», просто он очень напоминал обычную простуду.

— Так мы как, чистые?

— Как девушка слегла, сравнили с вашими анализами еще раз — даже не близко. Вы чистые. Кристально чистые. Да, у тебя есть проблема с регенерацией, оттого нейронные нарушения. Но всё поправимо. Не столь страшно.

— Как лечить будущее?

— Говорит тебе что-то регенератика и облучение?

Я поморщился.

— К сожалению. Но такое использовали в военных мирах и часто не в добрых целях. Что ты удумал? Убить меня медленно?

— Боже упаси! Просто методика лечения. Да, от военной разработки. Но знаешь ли, многие хорошие вещи после военных разработок развеиваются!

— Ладно. Я подумаю. А Элизабет?

— Тот же метод будет. У неё — инфекция неизвестного происхождения. Не вирус. Не бактерия. Не грибок. Что-то архаичное. Первобытное. Возможно, занесено из её времени. Из её мира Если б она хоть рассказала, что за мир. Может, я б уже понял. Или ты. Наши анализы не могут идентифицировать структуру. Антибиотики — бесполезны, как горох об стену. Иммунная система — в панике, она атакует саму себя.

— Архаичное? — переспросил я, чувствуя, как холодеет внутри. — Ты хочешь сказать, это что-то из прошлого?

Гай помолчал, глядя на океан, словно ища там ответы.

— Скажем так: биология, которую мы считали побежденной эволюцией миллионы лет назад. Но девушка выздоровеет через две недели изоляции. Мы справимся. Просто приходится обрабатывать ее ударной дозой облучения и особой регенеративикой. Такое лечение не проходит никто на этой планете, риски колоссальны, но и такого уникального гостя у нас не было.

— Так, стой, стой! Ты сказал, меня будешь тем же самым лечить и что это безопасно!

— Выразился неверно. Иногда начинаю заговариваться, думая, что все вокруг и так понимают. Повторю, Крэй. У нее

будет не микро-доза, как у тебя. Ударная. Я бы сказал: такую, какую ты получишь за весь курс, она получит дозой за вечер. И регенератика Особая. Тут можно не буду вдаваться в подробности?

— Что утаиваешь?

— Что-то утаиваю. То, что не знает никто в «Мимезисе»: откуда этот регенератив и чем я готов рискнуть, спасая человеку жизнь. Такой ответ устроит?

— Устроит. Даже сотрудники твои не знают?

— Только те, у которых встроен компьютер в мозг и режим самоуничтожения, если кому тайну раскроют.

— Шутишь?

Гай засмеялся. Но я б не удивился, будь это правдой.

— Просто им память изменяется на этот счет тайны. Языком бы трепать и так не смогли, но Лекарство такого рода — не то, что им лучше помнить. Сложно жить будет со знанием. Мы вылечим Элизабет. Это главное. И потом — мы же не хотим, чтобы вся планета вдруг ушла в пандемию и вымерла из-за неё, верно? Всех я не вылечу. Даже летальный исход не гарантирует избавления от этой Заразы. Она может остаться в почве, в воде. Потому приходится Так Жестко.

— Я лишь спросил, почему только она; не ожидал лекции о вопросах жизни и смерти, — буркнул я тогда, скрывая тревогу за грубостью.

— Ах, да, прости — Гай вышел из глубоких раздумий и вздохнул, словно сбрасывая с плеч невидимый груз. Он по-

смотрел на меня уже другим взглядом — менее научным, более человеческим. — А у вас — всё в порядке. Даже у Алексея, несмотря на истощение после вашего контакта. Ваша физиология совместима с этим миром. Вы — хамелеоны. Приспосабливаетесь на лету.

Он помолчал, барабанил пальцами по столу.

— Ну и, возможно, ленты им с Марией чем-то помогают. Стабилизируют фон. А у остальных — Гай нахмурился, глядя куда-то сквозь меня. — Я до сих пор изучаю те разработки из «Квест-рума» и «Мимезиса» их мира. Странные вообще дела. Там было что-то нездоровое. Какой-то фон, радиация иного порядка. Без понятия, чем их облучили в параллельном мире, но это оставило след. Глубокий. Мне очень сложно, Крэй. Даже суперкомпьютер в нервной системе — не помогает.

Я кивнул, но промолчал, не вдаваясь в подробности своих прошлых жизней. Гай не нуждался в исповедях, ему нужны были факты. Но его слова о «совместимости» задели струну, которая ныла уже десятки лет.

— Совместимость — повторил я тихо, глядя на свои руки. — Знаешь, Гай, первое «Моргание» было адом. Я лежал в лихорадке, дрожа под мокрой, грязной тряпкой в мире, где небо было цвета свинца, а воздух пах гнилью. Хотя Нет. Розовые облака. Да, точно. Облака из ваты. А потом лихорадка. Бред, который ты не можешь представить. Я буквально умирал.

Гай поднял на меня взгляд, оторвавшись от планшета.

— И как ты выжил?

— Выходила добрая немка-партизанка А потом — при-
вык, — пожал плечами я. — С тех пор переходы стали мягче.
Или, может, я просто перестал обращать внимание на боль,
став толстокожим, как носорог. Каждый новый мир встречал
меня «не слишком радужно». Новые микробы, новые виру-
сы, новые реакции организма, который учился выживать за-
ново, стирая старые настройки. Я давно перестал думать об
иммунитете как о чём-то, что нужно «поддерживать» вита-
минами. Просто выживал. Как все. Как всегда. Так что да,
мы хамелеоны. Мы просто не ломаемся там, где другие гнут-
ся.

Гай задумчиво постучал ручкой по столу.

— Хамелеоны Интересная метафора получилась. Но даже
хамелеонам нужна среда. И наблюдение.

Он кивнул в сторону окна, за которым виднелась очередь
к медблоку.

— Обследования стали вашей новой рутинной, вплетенной
в ткань отдыха. Это не может нравиться, понимаю. Каждое
утро начинается не с кофе, а с анализов. Хочешь, прекра-
тим? Только необходимое лечение тебе и девушке, осталь-
ным скажу не приходить больше.

— Мы все ходим, как на работу, на обследования не по-
тому, что нас заставляют, а потому, что каждому хочется по-
нять. Заглянуть внутрь себя. Найти ответ на вопросы, кото-

рые звучат в голове громче прибое: «Что со мной?», «Почему я здесь?» и главное — «Что будет, если я останусь?».

Гай вздохнул, и в его взгляде появилась тень беспокойства, которую он обычно тщательно скрывал.

— Я рад, что ты откровенен со мной. Позволь и мне поделиться. Может, другие тебе и не сказали, и ты не заметил, но Проблемы нашлись у всех, Крэй. И в первую очередь даже не физиологические. А психические. Травмы перемещения, разрыв связи с реальностью. Это тихий убийца.

— Я заметил, — кивнул я. — Ира ходит как в воду опущенная. Саня пытается шутить, но глаза пустые.

— Беседы с профессиональными психиатрами и психологами происходят строго секретно, — продолжил Гай, понизив голос. — За закрытыми дверями, куда нам с тобой входа нет. Это необходимо. Они должны выговориться тому, кто не связан с их прошлым или будущим. А мы видим только последствия. И иногда эти последствия пугают больше, чем любая инфекция.

— Например? — спросил я, хотя догадывался.

— Я тоже не знаю, о чем они говорят. Но знаю выводы на бумажках, что доставляют. Например, осознание того, что ты — призрак в собственном доме, — тихо ответил Гай. — Но об этом позже. Сначала нужно стабилизировать физическое состояние. А потом потом мы поговорим о том, как жить дальше, когда твоё место в мире уже занято тобой самим.

В подкрепление беседы о тщетности бытия, я тогда застал Саню и Иру на террасе поздним вечером. Воздух был пропитан солью и тишиной, но напряжение между ними висело густое, как туман.

Саня сидел, сгорбившись, и смотрел в планшет. Экран отбрасывал на его лицо мертвенно-бледный свет, делая кожу серой, как пепел после пожара. Ира стояла рядом, вцепившись руками в перила. Она не плакала открыто, но плечи её мелко дрожали.

— У них дети, Крэй, — тихо сказал Саня, не поднимая глаз. Голос его звучал глухо, словно из колодца. — Двое. Мальчик и девочка.

Он провел пальцем по экрану, где замерло фото: счастливая семья задувает свечи на торте.

— Смеются, — продолжил он, и в этом звуке было больше боли, чем в крике. — Блин, они даже не знают про нас, а если Ира резко отвернулась к океану, скрывая лицо в ладонях.

— Мы лишние, — прошептала она, и ветер унес её слова, но я услышал. — Если мы появимся там если постучим в их дверь Мы не вернемся домой, Крэй. Мы станем вирусом. Мы разрушим их жизнь. Их покой. Да и нашу жизнь раздробим. Все жизни. А как их дети воспримут? Я Ужас!

Молодожены столкнулись с истиной жестче любой физической боли: их двойники здесь, в Москве этого мира, живы, здоровы и абсолютно счастливы. У тех «других» была работа, дом, будущее. А наши герои оказались призраками

на чужом празднике жизни. «Женатикам», как я их про себя называл, пришлось тяжелее всех. Ведь они помнили радость той самой жизни, которую теперь смотрели со стороны, как запрещенный фильм.

С остальными было иначе, но не легче.

Олеги-Леги не устраивали драм. Они подошли к вопросу холодно, как к аудиту. Проверили информацию, нашли своих оригиналов. Результат был тем же: этот Мир не их. Точка.

— Ну и черт с ним, — буркнул Лега-Второй, когда я спросил его о реакции. — Все равно не любил свою жизнь.

Алексей и Мария тоже узнали правду. У каждого из влюбленных «москвичей» здесь есть свои оригиналы, живущие полноценный, насыщенный жизнью. Без особых отличий от их прошлой, но вместе эти двое в данном мире не были.

Путешественники стали настоящей ошибкой системы. И каждому предстояло решить: стереть себя или попытаться вписаться в чужой пазл, сломав картинку.

Ведь их никто и не сдерживал. Гай даже предлагал устроить встречу с двойниками, дать пообщаться. Но все отказались.

Лега-Один страдал молча. Я нашел его однажды в библиотеке базы. Парень сидел в углу, держась за виски, глаза бежали по невидимым строкам кода.

— Крэй, — прохрипел натужно, — Мозг он кипит. Слишком много шума.

— Тебе нужна помощь Гая.

— Нет, — мотнул головой Лега. — «Мимезис» не видит мою «Задолбашку». Я сам как-нибудь. Но ладно. Да, обследование нужно.

— Система сказала?

— Да

— Ты бы меньше повиновался ей, а то рабом станешь. Я же говорил: не пытайся сложные задачи ею решать, или тебе кранты. Твой мозг не предназначен для квантовых систем. А она и так работает в постоянном пассиве.

— Да понял я, понял. Просто проверил на всякий.

— Раз уж, все же Ты взломал заодно базы данных «Мимезиса» на обследованиях?

— Да, как ты и просил, если вдруг

— И?

— Все чисто. Никаких угроз. Челы никогда не впрягались в темы параллельных миров слишком глубоко. Их проекты все на эту шнягу прикрыты и не особо развиваются. Что бы там ни было — Гай и местные «мимезичи» пока не враги. Можем спокойно обращаться за помощью.

— Тогда — вперед!

Гай, узнав про состояние мозга Леги (за исключением того, что у парня в башке квантовый компьютер, который не видит ни один аппарат «Мимезиса»), и про мучившую того жесткую мигрень, после обследования тут же попросил помощи у дуальности-Леги. Двойник сразу согласился на всё, узнав, что у его «близнеца» ужасные боли.

— Мда Я ведь реально чуть в глаз не засветил лучом оттуда. Говоришь, в квесте словил луч стремный, а затем у клона башка болеть начала? Верно понял, Гай?

— Дуальность, Олег. Вы не клоны друг друга. И никаких подробностей, Олег Или Олег-Один? Вы уверены, что вам нормально так называть друг дружку?

— А фигли нет, зовите. Так проще. Только Лега-Один. Да, все верно. Вилкой в глаз, как говорится, или Лучом раз. Вот я луч и выбрал.

— Только я в своем мире и вилку не выбирал, ага. Если ему плохо, значит, и мне будет хреново, если я не впрягусь, — философски заметил Лега-Два, ложась на кушетку. — Хильте его. Хильте меня. Мне пофиг, чьи руки меня чинят, лишь бы голова не трещала. Как я могу отказать в фиксах самому себе, блин!

За три недели парню полегчало благодаря таблеткам, уколам и процедурам с электрошоком. Регенеративная хирургия с вмешательством перестроения нейронов. Я впервые наблюдал, как методы, что использовались в армиях нескольких миров для допросов или контроля, применяются для лечения. Леги-Первого. И меня самого.

— Было Неприятно, — ответил я Сане, делая глоток пива. Тот смотрел на меня с сомнением, потирая свой висок, где ещё недавно ныло после первого сканирования.

— Тебе было больно, а Крэй?

— Представь, что твой мозг — это старый, разболтанный

радиоприёмник, который ловит только шум и треск помех. А они берут паяльник и начинают переплавлять контакты прямо внутри головы. Без анестезии для души.

— Ешки-матрешки! — Саня поморщился. — Звучит как пытка.

— Ещё не всё. Послушай дальше. Электрошок не бил током в привычном смысле. Он выдёргивал мысли. С хрустом, как вырывают зуб с корнем. На секунду ты чувствуешь, как обрывается нить: запах дождя, лицо матери, вкус вина — и на этом месте остаётся гладкая, выжженная дыра. Звенящая пустота.

— Епрст, брат. Кажется, тебе нужно что-то покрепче пивка — Саня протянул мне свою бутылку, но я покачал головой.

— Я не закончил. Только потом в эту пустоту впрыскивают «регенеративику». Это ощущается не как прохлада бальзама, а как вторжение. Будто тебе под кожу запускают рой механических муравьев. Они ползут по извилинам, штопают разрывы, склеивают концы нервов синтетическим клеем. Ты лежишь и чувствуешь, как хаос внутри черепа начинает упорядочиваться. Становится тесно, странно, чуждо.

— Крэй Это звучит жутко. Неужели оно того стоило? Я постучал пальцем по своему виску.

— Перебор? Нет. Лечение. И скажу честно: оно работает. Боль ушла. Мигрень исчезла полностью. Голова стала пугающе лёгкой, ясной, словно её вымыли изнутри ледяной во-

дой. Никакого шума, никакой тяжести. Только тишина. Идеальная, звонкая тишина.

— У Леги с Элизабет также? — спросил Саня, глядя на парня с «Задолбашкой», который спокойно читал книгу неподалёку.

— Вроде того. Но парень, как видишь, не жалуется. А Элизабет У нее все, что у нас, но помноженное на квадриллион, как я понимаю. Ира с ней общается постоянно, ничего не говорила?

— Викторианка, ну Вроде бодрячком. Женщины, знаешь, своими секретами не делятся. Но Ирка проронила в постели разок, засыпая, что все, что с англичанкой делают здесь, — приятнее того, что делали раньше

— Что?!

— Я без понятия, Крэй. Видимо, девчушка повидала некоторое дерьмо.

— Если она говорит о процедуре такое, то это уже не дерьмо, мой друг, а откровенная ктхарг.

Саня поперхнулся пивом:

— Че?

— Звучит грубо, да? Не хочу даже пытаться это перевести. Просто прими на веру, что оно самое. И, как видишь — они все не жалуется! Эх, сдаю я позиции, старый пердун.

Саня усмехнулся:

— Ты молодой! Лет на сорок точно тянешь, а для этого мира это почти молодежь

— На вид, — кивнул я, чувствуя странное спокойствие внутри, которого не было уже много лет. — В душе я всё тот же. Просто теперь этот «старый приёмник» наконец-то настроен на нужную волну.

Лёха и Маша не стали скрывать своей телепатии и лент. Им было всё равно на конспирацию.

— Нам не нужны врачи; ученых давай и психологов, возможно, побольше, — сказала Маша, когда Гай предложил ей осмотр. — Нам нужно понять, почему мы слышим друг друга и во снах витаем.

Обручи-ленты, вживленные под кожу головы изящным узором, скрывали технологию, но не суть. Полёты сквозь сны и странное, ускоренное старение Алексея стали хорошим поводом согласиться на любую помощь. Лишь бы не потерять друг друга в этом лабиринте миров. Ребята ходили за ручку, и иногда я видел, как они переглядываются без слов, улыбаясь чему-то своему, недоступному остальным. Слишком приторно, но опасность сближает. Мне ли не знать.

А Кварта и Секунда Сестры просто не хотели стать обузой. Да и интересно им было всё. Для них, выросших в тиши флорентийской деревни, этот мир был сплошным волшебством.

— Эй, Крэй! — крикнула как-то одна из Секунд, подбегая ко мне. В руках она держала нечто круглое, красное и шипучее. — Что это за зелье? Щиплет язык, но сладкое!

Я глянул на банку.

— Это газировка, красавица. Не зелье. Просто вода с сахаром и пузырьками.

— Пузырьки! — восхищенно повторила вторая Кварта, пробуя напиток из той же банки. — Магия воздуха в воде! А эти повозки без лошадей они сами бегут?

— Двигатели, — кратко объяснил я. — Механические сердца.

— Сердца из железа — прошептала Секунда, глядя на проезжающий мимо джип с благоговейным ужасом. — Этот мир полон чудовищ и богов.

— Это просто техника, — усмехнулся я. — Хотите, покажу, как работает холодильник? Там можно хранить еду без льда и погреба.

Глаза итальянок расширились.

— Холод без зимы? — переспросила Кварта. — Веди нас, странник! Это ли не настоящее приключение?

Для них не нужны прыжки с высоты. Им достаточно того, что лёд не тает летом, а свет загорается от прикосновения пальца. Этот мир стал для них лучшим аттракционом, где каждое бытовое устройство представлялось артефактом древних богов.

Итальянки ведь мечтали вырваться из рутины, и этот мир, с его технологиями и опасностями, стал для сестер лучшей площадкой. Обе Кварты и обе Секунды носились по острову, смеялись и провоцировали всех подряд.

— Про тех, что с экспериментов «Мимезиса», я понял.

Про себя — безусловно. Но почему у сестренок вообще нет симптомов? — спросил я как-то Гая, наблюдая издали, как красотки спорят из-за последнего кусочка пиццы, абсолютно здоровые и румяные. — Эти-то девушки тоже должны иметь слабый иммунитет к этому Миру, как и Элизабет. Они же тоже «чужие».

В голосе Гая прозвучало то самое благоговение ученого перед совершенством технологии.

— Потому что «Страпелька» — не просто артефакт, Крэй. Это ключ. Она перестроила их иммунную систему на уровне клеток. Их тела теперь распознают любую угрозу — даже из другого времени, даже из другой реальности. Они — будто вакцинированные против самого времени. Неуязвимые.

Я посмотрел на смеющихся итальянок. Неуязвимые. Звучало заманчиво. Но в моем опыте неуязвимость часто была лишь предвестником большой беды.

Конкуренцию в непоседливости и гиперреакции итальянкам мог составить здесь лишь один персонаж. Юлий. Дуральность Гая, в которую поначалу сложно поверить. Разная жизнь, разный возраст, история. Но характеры поведения, манеры — не отличить. Буквально не давал нам проходу. Едва мы успевали позавтракать, как Юлий уже возникал на пороге с планшетом и сияющими, как у фанатика, глазами.

— Крэй, сегодня день нейроимпульсов! — воскликнул он, едва переступив порог нашего временного жилья в Крас-

ной Поляне. — Или нет, погоди Лёха, ты согласен на забор спинномозговой жидкости? Нет? Жаль. А ты, Саня? У тебя ведь есть шрам на лопатке, интересно посмотреть, как он среагирует на локальное изменение гравитационного фона

Саня, который только что пытался натянуть свитер, замер с головой внутри рукава.

— Юлик, друг, — глухо донёлся голос из одежды. — Я тут пытаюсь согреться, а ты мне про гравитацию. Может дашь человеку просто существовать?

— Существование — это скучно! — парировал Юлий, делая пометки в планшете. — Мы — уникальный материал! Аномалия! Вы понимаете, какой это вклад в науку?

Гай, сидевший в углу с чашкой кофе, наблюдал за этой сценой с лёгкой усталостью. Он не вмешивался, пока Юлий не начал предлагать Ире «протестировать болевой порог электрическим разрядом».

— Юлий, хватит, — тихо, но твёрдо произнёс куратор.

Парень осёкся, опустив планшет.

— Но данные

— Данные подождут, — Гай поднялся, подходя к окну, за которым серыми хлопьями падал снег Красной Поляны. — У нас другая проблема.

Гай обернулся к нам. Во взгляде не было угрозы, только холодный расчёт и та самая «миролюбивая» серьёзность, которая пугала больше крика.

— Вы не можете оставаться здесь, — сказал Гай. — То,

что вас нашли так быстро и так мало людей узнало об этом — случайность. Счастлирое стечение обстоятельств. Но контракт о неразглашении, который подписали мои сотрудники, хоть и вечен, но не практичен. У них есть семьи, работы, жизни. Они не могут только охранять группу «аномальных объектов» в горах, не привлекая внимания.

В комнате повисла тишина. Слышно было только, как трещат поленья в камине.

— Что это значит? — спросила Ира, закутываясь в плед плотнее.

— Это значит, что вам нужно исчезнуть, — ответил Гай. — Для безопасности этого мира и вашего собственного комфорта. Вы же понимаете, что произойдет, если правительство узнает, СМИ, мир? Вам покоя не дадут! Да и вашим дуальностям этого мира придётся несладко. Потому я подготовил вариант.

Куратор положил на стол несколько фотографий. Белый песок, бирюзовая вода, пальмы. Резкий контраст с серым снегом за окном.

— Остров Гуам. Тихий океан. Территория под контролем «Мимезиса» и США, — продолжил Гай, и в его голосе появились нотки той самой убеждающей интонации. — Вы просто люди. Уставшие, но целые. Хотите — отдохайте. Хотите — исследуйте паранормальщину вместе с моей местной ячейкой. Хотите — уходите. Когда того пожелаете. Решать вам.

Юлий присвистнул, глядя на фото:

— Там же тропики! Там можно изучать влияние климата на

— Юлий, — перебил Гай, не повышая голоса. — Там тепло. Там тихо. Там вас никто не найдёт. Я пробью всем новые документы. Скажем, что вы — часть исследовательской группы, добровольцы. Вы можете остаться там столько, сколько нужно. Или уйти — когда решите, что готовы. Мы обеспечим вас деньгами и всем необходимым.

Гай сделал паузу, посмотрел на каждого из нас, и его взгляд стал чуть мягче, почти сочувствующим.

— Но я понимаю ваши ситуации. Я знаю, что уйти в этот мир и начать всё с нуля будет «нелегко» — это слишком мягко сказано. Это прыжок в пропасть, так как ваши корни заняты другими деревьями. Есть только новое, что вы унесёте с собой.

Никто не сказал «да» сразу. Но когда вечером Гай разложил перед нами билеты и новые паспорта, молчаливое согласие читалось в каждом. Остаться в Красной Поляне значило ждать конца. А уехать — значит получить шанс начать заново. Пусть и на чужой территории, под чужими именами, но в тепле.

И все это еще — до тотального карантина Элизабет

Со всем этим калейдоскопом событий в первую неделю в горах одна только Элизабет молчала. Она почти не высывалась из номера, и лишь молча и тихо иногда выходила

поеть; слушала остальных, редко вставляя вежливые речи, да опять молча шла на лечение в лазарет. Избитая британка не говорила, что с ней произошло до перехода, про свой мир — ничего. Но для лечения ран — слова и не требовались. Гай не давил. Не требовал истории. Только однажды тихо и вежливо предложил:

— Когда захотите говорить — я буду слушать. А пока — просто дышите.

И насколько я смог понять, английский у Гая оказался высокого слога. Такой, какого я не встречал очень давно, напоминая мне балы, которых я никогда не посещал, но о которых читал.

Голос Сани выдернул меня из воспоминаний. Мы снова на пляже. Солнце пекло, песок жёг пятки, возвращая в реальность.

— Слушай, Крэй. Как тебе вообще всё это? Можешь поверить, что мы будем зависать тут в раю вечно? Или всё-таки стоит двигаться дальше?

Саня протянул мне новую бутылку пива, прищурившись на солнце, и в его вопросе звучала не просто любопытство, а проверка на прочность.

— Ох, не тому ты этот вопрос задаёшь. Ты же знаешь, моё положение весьма зыбкое, я могу исчезнуть в любой момент.

— Ой, да, да Не начинай. Я, честно, тебе не до конца верю. Мы знакомы всего три недели, а я уже вижу, как много ты юлишь да недоговариваешь. Ты же явно что-то скрываешь!

— Слишком многое, друг мой, но не то, что ты думаешь — уклончиво ответил я, улыбаясь уголками губ.

— А ты знаешь, о чём я думаю? — улыбнулся Саня и подмигнул в сторону Секунд, которые резвились неподалеку, словно русалки.

— Что ж Верно думаешь!

— Ах ты, чертяга!

Саша похлопал меня по спине холодной бутылкой, и конденсат обжег кожу.

— Но на счёт остального — никаких тайн. Поверь. Чист, как белый лист в Страдонхеме.

— Верю на слово, черт!

К сожалению (или к радости), мой собеседник не знает, что в Страдонхеме пишут на чёрной бумаге белыми чернилами, и чистота там — понятие относительное.

А вокруг так много тайн У Секунд, радующихся нагретому песку, у Лег и Кварт, режущихся в карты на цветастом матрасе, у Гая и Юлия, распивающих ром за столиком и жующих некое подобие пиццы, у Иры, болтающей по видеосвязи с Элизабет в тени гамака. У Маши и Лёхи, гуляющих где-то на другом конце острова с самого утра и, наверное, до ночи. У меня. И у Сани. В каждом углу, у каждого — свои секреты, от всех на свете. И только настоящий чертяка знает, что у них на уме. А я точно не демон из преисподней или другое мифическое существо из религии. Я просто человек, который слишком много видел.

— Ладно, ладно, путешественник наш. А ты не боишься, кстати, «переместиться» в одних лишь трусах? Сидишь так вальяжно, загораеться А вдруг «хоп» и

— Не страшно. Уже давно выяснил, что все мои вещи со мной утекут. Даже рядом окажутся в шаговой доступности Проще говоря. Неживые атомы контакта следуют за мной. Потому и не голышом перейду. Это нечто вроде квантовой привязки, или как там это называют ваши ученые.

— Ага, ага, мамба-джамба что-то на ученом, понял. Это можешь дальше с нашими профессорами обсуждать за ромом. У нас тут легкая пивная беседа за шашлычком. Ты что, кстати, пишешь там? — Саня кивнул на мой журнал.

Я постучал пальцем по кожаному переплету — потрёпанному, с пятнами от кокосового молока, соляных брызг и, кажется, следом от чьего-то любопытного женского пальца. Артефакту, пережившему больше миров, чем некоторые люди.

— Да вот думаю, может, книжку написать. Про всё это.

Я сделал глоток, прищурился на закат, окрашивающий небо в цвета старого вина.

— «Хроники Крэя», например. Или «Мемуары странника, который слишком часто оказывался не в том месте и не в то время».

Саня фыркнул:

— О, писатель! Ты еще Начатками назови! Или Початками Начатки и Початки Крэя

— Пафосно, — буркнул я, но усмехнулся.

— А глава про две секунды с двумя Секундами будет? С подробностями?

— Конечно! Даже про все три с половиной секунды! Если допишу до этих времен. Я от начала начинаю, как никак. А там все иначе. Просто история. Как есть. Про братьев-монахов, про чуму, про то, как мне двенадцать лет было, потом про слизней, первую любовь, революцию, войну

— А, ты ж у нас из средневековья! — засмеялся он. — Прямо как в книжках про Оливера Твиста какого?!

— Хех. Путаешь века немного. У меня все было суровее тогда В общем по-другому. И приключения, они Без счастливого конца. Потому что его нет. Есть только следующий мир. И следующий переход. И снова — вопрос: «Кто я здесь? Что я делаю? Зачем это все? Когда я смогу просто остановиться и отдохнуть?»

Я замолчал, взгляд упал на горизонт, где за изгибом острова скрывалась тропа к старому маяку — туда ушли Маша и Лёха с утра, с рюкзаками и обручами, что слегка мерцали под солнцем, как маячки в тумане реальности.

Чем ребята там сейчас занимаются? Ищут руины? Или просто хотят быть наедине?.. Или что-то почувствовали, что решили вдруг пойти на исследование острова?

Пусть пишут свою историю. А я — свою.

Показалось, что в сумке дёрнулись стрापельки, принесенные из мира итальянок — едва заметно, как пульс. Но я за-

метил

Нет. Прочь эту мысль. Во мне говорит хмель. За три недели я так и не уловил связи с этими Кварками.

— Пиши, Крэй, — сказал Саня, поднимая бутылку в тосте. — Авось кто-нибудь однажды прочтёт и скажет: «Да бред же!»

— Главное — не издатель, — усмехнулся я. — А то запрут в Дыре для «дополнительных исследований».

Саня нахмурился, отставляя бутылку:

— А что за Дыра? Ты упоминаешь её, словно самое страшное ругательство.

— Хех. Такое, друг мой, все не говорят. Прочитаешь в книге.

Саня рассмеялся, качая головой, а я снова прижал ручку к бумаге, чувствуя, как под пальцами пульсирует кожа дневника, готовая впитать ещё одну страницу моей бесконечной дороги.

Глава 3. Джунгли зовут

— Лови, Лёх!

— Ай! Блин!

Увесистый рюкзак Машки прилетел мне прямо в башку. Чётко в зону той самой прозрачной ленты, что вросла в кожу над ухом, как шрам от инопланетной прививки. И удар совпал секунда в секунду с её бодрым возгласом. Подстава чистая!

— Твою ж, Машка, ну ты — обернулся я, потирая уши-бленное место.

— Кто?! — зверски щурясь, пролепетала моя пассия.

Грозный взгляд разъярённого хомяка, честно, пугает сильнее любой попытки угадать стоя спиной Машкин бросок через нашу «псионическую связь».

— Снайпер, блин. В упор.

— Ещё разок? — она уже босиком шлёпала по тёплому асфальту, подбирая свой снаряд. Сандалии болтались в руке — как всегда, сняла сразу, едва выйдя из тени. «Зачем застёгивать то, что мешает?» — её коронная фраза. Девиз жизни, можно сказать.

— Нет, пойдём дальше. Не выходит — и хрен с ним.

Хоть эта «псионическая связь» между нами и работала — типа, чувствуем друг друга, эмоции ловим, иногда даже одну и ту же мысль цепляем одновременно, — но вот видеть

Машкиными глазами или предугадывать, когда она решит швырнуть рюкзак в затылок, куда конкретно, и поймать, не глядя Фиг там. Гай, конечно, надеялся, что мы станем единым организмом, каким-нибудь ульем на двоих, но пока что максимум, что получается — синхронно зевнуть или одновременно захотеть пить. Телепатия уровня «начинающий», короче.

— Может, мы ещё недостаточно «парочка» просто, Лёш? — Машка перекинула рюкзак за плечо, усмехнулась. — Ничего, ещё пара скандалов, ссор, секса со слезами после истерик — и наверстаем. Статистику подтянем.

И тут — лёгкое покалывание в висках. Давление, как от голода в полдень, плюс головокружение, будто кровь в черепе перелилась волной. Передача мыслей? Вроде да. Машка думала про то же самое — про нас, про эту странную связку, про то, что мы всё ещё не понимаем, как этот гаджет работает. Но что значит это головокружение? Хрен знает Побочка от перегрузки или просто жары нахватался?

— Солнце уже припекать начинает, — сказал я, вытирая пот со лба. — Помажешь мне спинку от загара, родная? А то сторю к чертям, потом лечить придётся.

— Родная у тебя твоя голова тупенькая, — бросила язвительно, но уже доставала из кармана шорт тубик с кокосовым SPF50. — А я — чудесно снизошедшая до тебя королева красоты. Намажу. Но только если не будешь вертеться, как школьник на первом свидании. Не ровен час — смажу

не туда.

Мы вышли из особняка Гая часа четыре назад. Сначала побродили по кварталу — Хагатня, центр Гуама. Совсем не похоже на Москву, понятное дело: узкие улочки, дома в пастельных тонах, жалюзи на окнах, запах жареного бананового хлеба и кофе из маленькой забегаловки у причала. Туристы тут ходят почти голышом — в бикини по тротуарам, в шлёпанцах, без майки. Местные — в лёгких футболках и бермудах. Американские морпехи с базы — вообще в майках-алкоголичках и шортах до колен, качки местные. Даже с раннего утра народу немало. Так что мы с Машкой — она в белой майке без рукавов и коротких льняных шортах, я в одних плавках-бордшортах — выглядели вполне органично. Свои в доску.

Зашли в «Micronesia Market» — местный супермаркет с кондеем, который спасает от жары, как ангел-хранитель в белом халате. Расплатился я картой от «Мимезиса» — чёрная, без логотипа, но с бесконтактной оплатой и лимитом, как у депутата на командировке. Гай вручил по приезду на Гуам всем: «Считайте, что вы в служебной поездке. Только вместо отчётов — отдых». Местный налик тоже дали — под косарь баксов на брата, но тут всё принимают по карте, даже в ларьках у причала. В принципе, проблем с деньгами под теплым бочком «Мимезиса» у нас не было. Знай себе — давай себя исследуй. А мы и не против. Почему бы и нет?

Закупились: бананы, ананасы в контейнерах, местные

чипсы «latundan», сладкая рисовая паста «kalamay», две бутылки «Tropical Chill» с маракуйей и большая бутылка воды с электролитами — «для жары», — сказала продавщица, глядя на нас, как на очередных туристов-лохов, которые не знают, что на Гуаме в полдень можно свариться заживо, как раки.

Ага, ща. Мы вам тут не какие-то лежебоки в шлёпках с коктейлем в руке. Машка — опытная выживальщица, объездила полмира: от сибирских сопок до амазонских джунглей, и в каждом биоме знает, где ядовитая змея, а где просто очень злая птица. А я, может, и не выживальщик по умолчанию, но экстремальный отдых — моя стезя. Не то что Лега с компанией — те бы сейчас уже раскинули полотенца под пальмой и требовали бы массаж от местной красотки. Нам же — подавай пещеры, заброшки и латте, покрытые мхом. Стоп.

— Латте? — переспросил я, когда впервые услышал это слово от местного гида на обзорной экскурсии. — Как кофе такой? Капучино с сиропом?

Машка закатила глаза так, будто я только что предложил помолиться кокосу или съесть его целиком.

— Нет, дурень, не кофе. Это каменные столбы. Древние.

— Ты-то откуда знаешь? Геолог скрытый?

— Дизайнер я, блин, по образованию, мне положено знать такие вещи. Эстетика, композиция, вся эта хрень.

— Я думал, вам положено сидеть и фантазировать в тихом

пыльном углу, по твоим же рассказам, а потом всю фантазию спускать в помойку ради хотелок «более умных и знающих боссов», и делать по шаблону и тупо. Стандартный офисный планктон, короче.

— И это тоже, — фыркнула она. — Ладно, это я просто любознательная и уже начиталась о культуре Гуама, как только инет выдали и сказали, что сюда летим. В общем, латте — такие колонны из базальта, сверху — плита. Фундамент древних домов знати у местных — чаморро. Считается, что рядом с ними живут духи предков. Атмосферно, да?

— А, ну типа наших менгиров, да? Стоунхендж на мини-малках?

— О, а ты, гляжу, тоже не конченный дурачок у меня. Прогресс налицо.

— Я ж ваши диз-проекты на собраниях и защищал. Тоже изучал из интереса. Только меня никто не слушал, как обычно. Голос вопиющего в пустыне.

— Ну спасибо, императорское в ноги. Ценю, — сарказм капал с каждого слова.

— В общем, как менгиры? Работает аналогия?

— Почти. Только тут духи не просто сидят — они наблюдают. И если ты нарушишь табу — например, возьмёшь камешек на память или будешь орать ночью под окном — они тебя найдут. И мало не покажется.

— Ой, боюсь-боюсь! — нарочито дрожащим голосом сказал я, изображая ужас. — А если я просто сфоткаю и скажу:

«Смотри, Маш, латте!» — они подумают, что я заказываю эспрессо? Обидятся, что без сахара?

Машка фыркнула, но улыбнулась. С тех пор «латте» у нас стало кодовым словом для всего, что выглядит священно, но на самом деле просто очень старое и немного жуткое. Универсальный термин.

На эти латте мы и сгоняли первым делом. Потом еще по знаковым точкам. Нереал сидеть на жопе смиренно неделями, даже в раю. Крэя я еще понимаю — за недели знакомства видно, что задрали его приключения, ему покоя нет. А вот ребят Ну, их выбор. Кто-то любит лежать, кто-то бегать.

Говорят тут в основном по-английски — удобно, учитывая, что Гуам хоть и не штат, а так называемая «неприсоединённая организованная территория США», но граждане всё равно американцы. Просто голосовать за президента не могут, зато доллары в ходу, Wi-Fi ловит даже в джунглях (удобно, заразы), а на каждом углу — кофе, бургеры и военные радары, дроны; B-52 над головой пролетают порой, землю трясут. Жесть.

Я сначала подумал: ну конечно, это же параллельный мир — тут всё должно быть иначе. Ан нет. Юлий, хоть и выглядел как парень с другого конца галактики, оказался удивительно образованным и спокойно объяснил: «Да у вас в реальности то же самое». Оказалось, я просто никогда не интересовался, что такое Гуам. Типично. Дома не знаешь, что под носом, зато в другие миры лезешь.

Но настоящие хозяева острова — чаморро. Живут здесь больше четырёх тысяч лет, ещё до испанцев, японцев и американцев. У них свой язык, свои традиции, свои духи — Тао-тао Мона. И хоть сейчас чаморро вроде как «местные», многие работают в туризме или на базах, но по глазам видно, они помнят, кто пришёл, а кто всегда был. В общем, Америка, только с пальмами, предками в камнях и чувством, что ты гость — даже если у тебя паспорт США. Вежливо, но дистанция чувствуется.

Вот и получается: кому нужны параллельные миры, если про свой — родной — почти ничего и не знаешь? Философия дня.

В общем, перенос нас с Машкой особо не напряг. Не то чтобы мы сразу поверили, что «всё реально». Потом уже свыклись. Или скорее, отнеслись как к особенно жёсткому корпоративу с продленкой: «Ладно, раз уж занесло в эту задницу — будем разбираться». Авось пронесёт.

Разве что кот жалко. Один в квартире, автоматическая кормушка, поилка — хватит, наверное, на месяц, может, больше. Но всё равно чувствую себя немного убудком. Хотя, надеюсь, как только на работе заметят, что я пропал, а мама не дозвонится до «любимого сыночка», кто-нибудь вломится проверить, не валяется ли у меня дома тухлый труп. Заодно и кот покормят. Надеюсь, он не сожрёт мои носки от тоски.

Машка, кстати, вообще не парилась насчёт «дома». Ска-

зала: «Если вернёмся — хорошо. Если нет — значит, там было и не место». Жёстко. Но честно. И, чёрт возьми, правда. Зачем грузиться тем, на что повлиять не можешь?

Рюкзаки — чёрные, компактные, водонепроницаемые, от «Мимезиса». Взяли их не для того, чтобы уходить в джунгли на неделю, а просто чтобы не таскать всё в руках: в моём — пауэрбанк с солнечной зарядкой, мой новоиспеченный мобильник ReaYou 14 Pro+ в чехле из чёрной эко-кожи — Машка посоветовала, со словами: «чтобы не выskalзывал, как твой мозг в критический момент». Забавно: вот марки брендов тут от наших и правда отличались, хотя учитывая количество китайских мобилок на рынке — за этими названиями не угнаться-то и у нас в реальности. Названия меняются, суть одна. И, конечно, Пустышка, завёрнутая в мягкую тряпочку и запиханная в боковой карман. Тяжёлая зараза.

Гай утром, когда вручал рюкзак, махнул рукой: «Носите её при себе, раз уж нашли. Пусть будет сувениром и якорем На всякий случай». А так, похоже, находка теперь ничем и не является — ни тесты, ни сканирования после той ночи не помогли разбудить её «суперсилы». Просто тяжёлая чёрная штука, которая иногда греется. Мы с Машей уже забили и оставили Пустышку так — авось, пригодится как пресс-папье в новой реальности. Или оружие ближнего боя, если что.

В Машкином рюкзаке — почти то же самое, плюс её DuoPlus 13R, блокнот с карандашом (Машка всё записывает — символы на камнях, слова на чаморро, координаты подо-

зрительных латте) и лёгкое пончо от дождя — «вдруг ливень, тут это за пять минут». Тотем-человечек валяется у меня в основном отделении, рядом с бутылкой воды — просто сувенир из леса, ничего магического, по крайней мере, пока. А фенечка — наша парная, с пером сокола и двулистником — болтается у меня на шее, как всегда. Машка свою тоже носит под майкой. Талисманы, блин.

Теперь шли вдоль дороги к маяку — той самой, что на карте помечена как «туристический маршрут». Хотя не маяк был нашей конечной целью, а кое-что «в стороне от маршрута по пути». Секретная точка. Асфальт уже горячий, аж воздух дрожит, пальмы шелестят, где-то из джунглей доносится музыка — будто радио у кого-то включено, но без рекламы. Странно. Машины и мопеды здесь редкость: туристы либо на такси, либо вообще пешком — зачем спешить, если ты на острове? Логично.

— Ай, полегче! — холодная мазь, как ни парадоксально, обжигала шероховатые плечи. Больно же!

— Извини. Забываю, что у тебя теперь такая нежная кожа. Принцесса на горошине.

«Нежная» — неверное слово. Просто ощущается не совсем по-родному. Будто на меня натянули чужую плоть, как костюм с чужого плеча, который немного велик. Обид на Крэя не держал — не он виноват, явно. Как я понял, его «омоложение» тогда просто не закончилось, как у того горца из фильма, а тут я, ещё сильнее подпитал процесс Сначала му-

жик «стянул» у кого-то молодость из другой реальности, а потом я стал буквально пауэрбанком: а что — рядом, схож по группе крови и фиг знает чему ещё, тоже из другого мира. Да и чёрная хренотень Пустышка явно подсобила, химичила что-то.

Поначалу последствия выглядели жутко — и ощущались ещё хуже: кости ломило, будто их заново собирали из щепок после взрыва, лицо стянуло, как после недельного запоя, кожа стала какой-то каменной. Фу, даже вспоминать противно! Ощущение, что тебя заживо оштукатурили.

Щас уже полегче. Сгладилось, но не до конца — всё равно чувствую себя, как будто на меня натянули чужую морду, слегка перекошенную временем. Маска какая-то. Но я привык. Внутри-то я снова свежий, как огурчик: бегаю, прыгаю, с тростью не хожу. Так что пусть внешность пока шутит — главное, что внутри опять двадцать пять. Энергии хоть отбавляй.

А вот образы со слизью черной и сферами с другими мирами разноцветными не уходят. Что я видел в ту ночь у Кр-эя в голове Или где мы там побывали Мы решили не рассказывать никому. Обсудили с ним наедине — похоже, это был наш общий вариант того, как выбраться и найти дорогу домой. Да и не лезу я в чужие тайны. Лишняя головная боль. Больше, слава яйцам, таких путешествий сквозь сны не случалось. А вот полёты с Машкой — астральные, бестелесные — порой случались. Редко, да и не очень метко: то ли мы

не до конца отключаемся, то ли мозг просто сходит с ума от жары и стресса. Глюки локальные.

Чаще всего просто парили над островом — как два призрака на прогулке. Видели всякое. Подслушать заговоры сотрудников «Мимезиса» или тайные планы Гая не довелось — всё, что ловили, было либо шумом, либо болтовнёй про обед. Скучно. Зато ну, допустим, подглядели, как Крэй устроился с итальянскими двойняшками.

Это было странно. Эротичная порнушка, которую я вместе с девушками ещё никогда не смотрел, а тут — с Машкой, да ещё и без своего и ее тел. Ладно бы хоть тело было, знал бы куда отвести взгляд, да разговор Но нет. Даже так — наш «войяризм» продлился недолго. Неловко как-то.

После чего нас просто пронесло над островом — не как в том дурацком рекламном ролике про пляжи и закаты для пенсионеров, а будто кто-то решил показать, что скрыто за этой картинкой из буклета. Водопады — да, латте в джунглях — тоже. Но ещё: огни в чаще, где ни дороги, ни домов; люди в белом у круга из камней, поющие на стремном языке; военный КПП у горы, где солдаты стояли, уставившись не вперёд, а прямо в землю — будто слушали, что там шевелится под корнями; и та самая пещера у Talofofa, до которой «трудно добраться и экскурсии не ходят, ибо охраняемая зона», у входа в которую лежали свежие цветы и следы, похожие на змеиные, но слишком ровные, почти вырезанные лазером.

Ничего прямо жуткого — ни демонов, ни крови. Просто

не для туристов. Что-то древнее, тихое, но живое. И явно не рвавшееся наружу — скорее, наблюдающее. Как камера видеонаблюдения, только древняя.

И это, зараза такая, манило! Что меня, что Машку. Зов приключений, мать его.

Иногда мне даже казалось, будто оттуда в момент нашего «полета» доносится голос — знакомый, почти мой собственный, или крик о помощи, приглушённый веками. Но Машка только пожимала плечами: «Фантазии от жары». Хотя в её глазах читалось то же самое — любопытство, смешанное с тревогой. Праздное? Возможно. Но именно поэтому мы и решили выйти дальше — за пределы «презентационного маршрута». Потому что настоящий Гуам, как я уже начинаю подозревать, начинается там, куда карты не ведут, а солдаты не пускают. Там, где интересно.

— И здесь! Вот, это ж тот камень, Лешк? — Машка ткнула пальцем вперёд.

— Ну, вроде Он самый.

Перед нами стоял валун — не просто булыжник, а гигантский красный утёс, выветренный веками до формы, напоминающей то ли рыбу, то ли женщину с развевающимся хвостом. Камень возвышался над тропой, будто местный вояка на проходной к базам, решавший, кому идти дальше, а кому получить по шапке. За ним — пыльная дорога без асфальта, только колеи от мопедов и следы босых ног, уходящие в зелёную мглу джунглей.

Выглядит атмосферно.

— Нам туда, если я верно помню. На карте тропа ведёт прямо к поселению. А потом — дальше, к пещере. Цель близка.

— Питстопим у локалов? Горячего обеда хочется. Желудок уже музыку играет.

— Давай. Может, кто-то за пару сотен поведёт в джунгли — без этой театральщины про «духов предков за 50 баксов». Хочется аутентичности, а не шоу.

— Было б здорово. А то всё как в том ролике: «Добро пожаловать в аутентичный Гуам!» — а на деле ребята в футболках с надписью I love Talofofa и Wi-Fi на пляже. Туристический диснейленд.

Мы пошли. Воздух густой — от жары, от запаха мокрой земли и цветущего пандануса. Пальмы сменились баньяном, потом — плотной стеной ферн и бамбука. Джунгли сжимают кольца. Через полчаса тропа резко свернула вниз, и вдруг — звук воды.

Не ручей. Не речка. А грохот, будто небо рухнуло на землю. Мощь!

— Ты слышишь? — спросила Машка, останавливаясь как вкопанная.

— Слышу. И чувствую вибрацию всем телом. Освежимся? А то скоро сваримся.

А то! Конечно.

Мы протиснулись сквозь лианы — и перед нами открылся

грот. Не как в тех роликах про Мексику, где всё глянцевое и для Инсты и Рилсов, отфильтрованное до блеска. Тут — настоящему: вода падала с уступа метров на пятнадцать, была в круглый бассейн, выточенный в базальте веками. Природный джакузи. По краям — плиты, покрытые мхом и символами. Не граффити, не надписи «Вася + Маша», а что-то старое, почти стёртое, будто камень сам пытался забыть, что на нём написано. Тайное знание.

От воды тянуло прохладой — даже в этой жаре. Спасение. Вода прозрачная, с лёгким синеватым отливом, как будто кто-то капнул в неё кусочек неба. Красотища.

— Ну чё, первая? — спросила Машка, уже стягивая майку. Без комплексов.

— Давай, только не ныряй головой — опять шишку набьёшь. Помнишь прошлый раз?

— Ка-ва-бангааа! — плюхнулась подруга, зажав нос, без всякой грации, как настоящий человек, а не модель из рекламы. Шлёп! Брызги во все стороны.

Я последовал за ней — бомбочкой, с разбегу, чтобы уж точно поднять фонтан. Врывайся так врывайся!

Холод ударил так, будто в грудь воткнули ледяной нож. На секунду — больно, дыхание перехватило. Потом — странно легко. Кайф. Под водой выдохнул весь воздух, потянулся к дну, но не достал. Глубже, чем кажется. Опасная глубина.

Вынырнул, отфыркиваясь, как морж.

— Чувствуешь? — спросила Маша, уже рядом, хотя ныр-

нула первой. Быстрая.

— Что? — отплёвываясь.

— Как будто нас кто-то видит. Не враг. Просто смотрит. Следит.

Я поднял глаза. У корней баньяна, на краю грота, лежали цветы — белые, с длинными тычинками, свежие, только что сорванные. А рядом — следы. Не босые ноги, не копыта. Слишком ровные, почти геометричные. Как будто их вырезали скальпелем или на 3D-принтере напечатали. Жесть.

— Мда, — сказал я, пытаюсь разрядить обстановку шуткой, — мистика, Машуль. Извращенец какой-то в джунглях цветы раскладывает! Романтик хренов.

— Тьфу на тебя! — Она ткнула меня ладонью в грудь, но мягко, почти ласково. Беззлобно.

Я и прижал её к себе — мокрую, дрожащую, тёплую под холодной кожей. Контраст температур.

И в этот миг — щелчок. Всё остальное отключилось. Джунгли, духи, эти чёртовы ленты, весь этот безумный мир с его глюками — всё растворилось в воде. Осталась только она. Реальная. Настоящая. Моя.

Только её пальцы в моих волосах, и смех, от которого мурашки бегут сильнее, чем от холода.

Мы замерли. Просто стояли посреди этого чёрного, как смола, озера, слушая, как колотятся наши сердца. Тук-тук. Тук-тук.

Побултыхались немного, смеясь друг другу прямо в губы,

целуясь так, будто завтра не наступит никогда.

Без спешки. Без мыслей. Без слов.

Чистый дофамин. Момент. Состояние. Абсолютное, звенящее, пугающе яркое счастье здесь и сейчас.

И хотелось, чтобы эта секунда растянулась до бесконечности.

И вот — пора вылезать. Солнце уже грело спину, пока я вытирался полотенцем. Машка тем временем сидела на камне, поджав колени, и быстро рисовала в блокноте символы с плиты. Фиксирует улики.

— У чаморро есть легенда, — сказала, не отрываясь от бумаги. — Таотао Мона не нападают. Они проверяют. Если сердце чисто — покажут путь. Если нет — оставят в ловушке. Навсегда. Капец.

— А у нас сердца чистые? — усмехнулся я. — После всего-то?

— У тебя — точно нет. Грязный ты наш, — хихикнула она. — Но может, хватит для пропуска. Заодно и меня контрабандой провезёшь. Протащишь за пазухой.

Кожа сохла быстро — слишком быстро для такой влажности. Странно. И пока мы шли дальше, мне показалось, что камни под ногами стали мягче, а пение птиц — глубже, почти как голос. Не один. Много. Шепчущих. Сговорились, что ли?

Через час джунгли расступились — и мы увидели поселение. Наконец-то цивилизация, или что тут вместо неё.

Глава 4. Туристам - не сюда

Дорога кончилась там, где колея стала глубже, чем мой интерес к этим «туристическим маршрутам». Красная глина, утрамбованная мопедами и пикапами, вела прямо в пыльное пятно между джунглями и тем, что можно назвать «цивилизацией» — если, конечно, считать цивилизацией место, куда нас занесло.

Асфальт? Забудь. Только следы шин, лужи, которые не высохали даже под таким адским солнцем, и запах — смесь свежей жареной рыбы, выхлопов и чего-то сладковато-прелого. Будто бананы сгнили у обочины. Или, может, это я уже начал галлюцинировать от жары. Мозг кипит, картинки плывут. Пот течет по спине ручьями, майка прилипла к телу, как вторая кожа.

Дома — бетонные коробки, построенные лет тридцать назад. Ржавые жалюзи, треснувшая плитка. Некоторые — с новыми кондерами, гудящими как самолеты, другие — с брезентовыми навесами вместо крыши. Вывески — самопал, из фанеры или старых щитов: Talofofa Inn, Marias Snacks, WiFi \$2/hr. Дождь и солнце почти стёрли буквы, но смысл понятен: здесь можно пожрать, бухнуть и на пять минут залезть в инет — если генератор не сдохнет.

— Ну, это как-то не «дух предков», — пробормотал я, вытирая пот со лба и оглядываясь по сторонам. Депресняком

веет.

— Нет, — фыркнула Машка, шагая рядом. Она тоже вся мокрая, волосы прилипли к шее. — Это дух того, что осталось после них. И после американцев. И после испанцев. И после всех, кто думал, что «развивает» остров, а по итогу загадил всё бетоном.

Где-то за забором из профлиста тарахтел генератор — единственный источник электричества для пол-улицы. У обочины — пикап с помятым бампером и мопед с самодельной коляской, набитой пустыми бутылками. Чуть дальше — старый военный «Хаммер», покрытый слоем пыли, будто его бросили еще при Буше и забыли. На заднем сиденье — потрёпанная тактическая сумка, пустая бутылка и обрывок карты. Никого рядом. Как часть пейзажа. Атмосферно, блин.

В центре — бар под навесом. Пластиковые столы, холодильник с Budweiser и местным Tropical Chill, телек на стене гонит ESPN, и выцветший плакат: US NAVY — GUAM SUPPORTS LOCAL BUSINESS. На стенах — фото: морпехи у вертушки, рыбаки, свадьба или похороны. Хрен разберешь. Все лица — одинаково уставшие. Не от жизни, а от того, что каждый день одно и то же. День сурка какой-то.

Туристов почти нет. Только пара немцев с рюкзаками у столика спорят над картой, тычут пальцами и перебивают друг друга на языке, от которого у меня сразу заскребло за ухом. Ненавижу этот звук.

— Links! Nein, rechts! — донеслось до нас.

— Aber die Straße ist gesperrt!

— Scheiße

— Ну и фиг с ними, — бросил я. — Немецкий мы не знаем, а они, походу, не знают, куда идти. Классический тупик Лост ин транслейшн.

Машка хмыкнула:

— Зато знают, как громко материться. Уже полезно. Жизненный навык.

У барной стойки, откинувшись на пластиковом стуле, сидит американский морпех в шортах и майке с логотипом базы. В одной руке — банка пива, в другой — планшет. Пальцы листают что-то быстро, с паузами на «лайках». Патрульный маршрут сверяет?

— Смотри, — толкнул я Машку локтем. — Либо работу работает, либо

— Либо Тиндер, — закончила она. — Хотя вопрос — кого он тут найдёт? Девушек-то в округе раз-два и обчёлся. Разве что кокосовые пальмы свайпнуть.

— Ну, не скажи, в городе много красоток. А, может, у него вкус на местных экзотических бабушек? Фетиш такой.

— Тогда точно патрульный маршрут. Иначе скучно.

Мы прошли мимо, но не дальше забегаловки — жрать хотелось. Серьёзно. После водопада, жары и этой тропы желудок требовал хоть чего-то, кроме воспоминаний о каламаи. Рычит как зверь.

Женщина у порога соседнего домишка мыла пол тряпкой, даже не подняв глаз. А мальчишка лет двенадцати сидел прямо на земле, разложив вокруг себя детали мопеда — гайки, пружины, кусок цепи. Всё блестело от масла и солнца. Маленький механик.

— Эй, малыш, — окликнул я, подходя ближе. — Знаешь, где тут можно найти ну, тех, кто шарит про пещеры? Про старые места? Не туристические понты, а реальные?

Малец взглянул, будто я сотый раз за день задаю этот вопрос. Потом плюнул под ноги и кивнул подбородком в сторону скамейки под баньяном. Мол, вон тот дед.

— Эээ Ну, спасибо, наверное.

Он не ответил. Взял гайку и начал её крутить. Бизнес есть бизнес.

— Вот это да, — пробормотала Машка. — Послал, не сказав ни слова. Мастерство высшего пилотажа. Краткость — сестра таланта. Ты располагаешь к себе детей, я погляжу.

— Зато честно. Не стал врать, что «прямо по дороге, за углом», а потом водить кругами за деньги. Уважаю.

— Там, под баньяном

Старик. На коленях — нож и точило. Движения медленные, размеренные, будто не точит лезвие, а отсчитывает вре-

мя. Лицо — как вырезанное из того же базальта, что и латте: морщины глубокие, шрам над бровью, глаза — спокойные. Взгляд прошёл сквозь нас, как будто мы были частью пейзажа, мебелью. Присутствием.

— Он, — сказала Машка, и глаза её заблестели. — Точно он. Нутром чую — либо наркодилер, либо контрабандист, или ещё кто из тeneвых, но такой отведёт нас поглубже в джунгли. К тем, кого нет на Трипэдвайзере.

— А если нет? — усомнился я. — Может, это маньяк-одиночка? Обворует нас и закопает тут же.

— Тогда хотя бы нож острый. Быстро отмучаемся. Или кинет нам его на прощание. Пригодится, если нас в джунглях бросят босыми. Оптимизм, однако.

Старик поднял глаза. Потом снова опустил взгляд на нож.

Цок-цок-цок.

Звук гипнотизирует.

— Сначала похаваем, ок?

Мы подошли к бару. На вывеске — Talofofu Inn, буквы почти стёрты. Внутри пахнет рыбой, луком, жареным бананом и чем-то острым — не перцем, а чем-то земным, как будто корень выкопали и сразу кинули на сковородку. Душно. Мухи лениво ползают по липкому столу.

Всё здесь работало. Но ничего не радовало. Всё — функционально. Даже усталость тут какая-то рабочая, профессиональная.

И всё же, между пылью, дымом от кухни и тишиной, кото-

рая наступает, когда музыка в баре внезапно смолкает, чувствовалось: это не конец пути. Это последняя точка перед тем, что скрыто. И, чёрт возьми, мне уже не терпелось узнать — что там, за этой пылью? Адреналин начинает потихоньку закипать.

— Э, сеньорита! Можно у вас отобедать? — позвал я, усаживаясь за шаткий стол и кидая рюкзак на пластиковый стул. Стул жалобно скрипнул.

Из-за барной стойки вышла женщина — лет пятидесяти, может, больше. Лицо — как карта острова: морщины от солнца, шрамы от ураганов, взгляд, который видел и японскую оккупацию, и американские базы, и туристов с кредитками, требующих «аутентичного опыта за 20 баксов». Видела всё, ничем не удивишь.

На ней — хлопковая рубашка, волосы собраны в тугий пучок, руки — в мозолях, но чистые.

— Что хотите? — ни улыбки, ни меню. Сразу к делу.

— Рыбу. Посвежее. Горячую. Чтобы аж пар шёл.

— У нас все свежее, океан вокруг. Логично же.

Машка тут же добавила, не глядя на меня:

— А есть что-то местное? Не та синтетика, что в туристических кафе подсуют. Настоящее «ваше».

Женщина прищурилась, как будто взвешивала на весах, достойны ли мы ответа. Потом кивнула:

— Есть kâdu — рыба в кокосовом молоке. Или tinu — обжаренная на камне, с нашей пастой. Острая. Берегите огонь

внутри.

— Давайте оба, — решил я. Гулять так гулять.

— Я тоже попробую *tinu*, — поддержала Машка. — Люблю, когда еда говорит правду.

Женщина кивнула, исчезла за занавеской из мешковины, пропахшей дымом и рыбой.

Через десять минут вернулась с двумя деревянными тарелками, гладко выструганное дерево, смазанное маслом. Стиль минимализм. Поставила их с тяжелым стуком.

— Первая — *kādu*. Луциан с рифа. Тушим в кокосовом молоке с зеленью *donne'*. Пахнет дымом и дождём. Пробуйте.

Потом поставила вторую тарелку — дым ещё шёл от камня. Жар знатный.

— Вторая — *tinu*. Филе на раскалённом базальте. Сверху — наша паста из таро, чеснока и перца. Щиплет в носу — нормально. Глаза слезятся — тоже. Никаких бутылочек. Еда — как есть. Простая. Честная.

Внимательно посмотрела на нас, чуть улыбнулась уголком губ:

— Не туристическая. Настоящая. Для своих.

Я отломил кусок рыбы, отправил в рот. Острота ударила в лоб сразу, как удар тока, но потом раскрылся вкус — глубокий, земляной, почти животный. Мощь! Слезы выступили на глазах от перца, но я не остановился.

— Да уж, точно! — ответила Машка, уже строча что-то в блокноте, вытирая лоб салфеткой. — Вот что едят, когда

не хотят никого впечатлять. Только накормить. Вкуснятина нереальная.

Женщина, услышав это, впервые чуть улыбнулась. Лёд тронулся.

— Меня зовут Лина, — представилась она. — Моя бабушка варила kãdu для японских солдат, чтобы они не трогали детей. Мой отец готовил tĩnu для американцев, чтобы они не лезли в наши пещеры. А я — для тех, кто приходит сюда за сутью жизни. Обычно такого не заказывают. Бургеры, картошку

— А у вас вообще вроде не особо ходовое местечко.

— Не жалуемся.

Хозяйка добавила на стол маленькую глиняную миску с крупной морской солью — сероватой, с кристаллами, будто вырезанными из камня.

— Соль — не для вкуса, — объяснила, ставя перед нами тарелки с рисом. — Для уважения. Если вам понравилось — возьмите щепотку и положите себе на ладонь. Подержите. Это значит: «я принял вашу еду как дар». Ритуал такой.

Я посмотрел на Машку. Та уже аккуратно взяла щепотку и осторожно сложила пальцы, как будто бережёт что-то хрупкое, драгоценное.

Я почувствовал себя неловко. Как школьник на экзамене, который не знает правил. Но делать нечего. Аккуратно взял соль, положил на ладонь. Кристаллы кололись, напоминая о реальности этого места.

— Умница, — прошептал я. Горжусь своей девочкой.

— Не умница, тупень, — ответила тихонько, не отводя глаз от Лины. — Так положено. Здесь еда — не сервис. Это язык. Способ общения, да?

Лина улыбнулась — тепло, по-родственному.

— Верно. Мы делаем соль сами. Наливаем морскую воду в скорлупки от кокосов, ставим на солнце. День, два пока не останется только соль. Потом складываем в такие горшочки. — Она провела пальцем по краю миски. — Этот — моей бабушки. Ему больше шестидесяти лет. Говорят, в нём соль помнит все руки, которые её брали. Энергетика.

Женщина села напротив, сложила ладони.

— У нас, у чаморро, и у многих на островах Тихого океана еда — это то, как мы говорим «ты в безопасности». Даже если не знаешь нашего языка. Даже если ты пришёл с другого конца света. Мы не спрашиваем, откуда ты. Мы даём тебе есть. А ты — берёшь соль. И этого хватает. Договор заключён.

— Поэтично, — пожал я плечами и закинул вкуснятины полный рот.

— Да, везде так, — кивнула Лина. — Только город забывает. Туристы — тоже. Они платят, едят, уходят. А мы мы помним, что готовить — это не работа. Это способ сказать: «я тебя вижу». Даже если ты молчишь. Даже если ты чужак.

Она замолчала. Ветер шевелил занавески. Где-то за домом кричала птица. Тишина повисла, но не напряжная, а

уютная.

— Так что держите соль. Вы здесь — не гости. Вы — приняты. Свои.

Старик сидит рядом. Всё ещё точит нож. Но теперь — чуть медленнее. Задумался, что ли?

Я доел *tinu*, обжёг язык в хлам, но не пожалел. Оно того стоило. Машка уже вытерла руки о полотенце, которое Лина молча подала, и теперь смотрела на старика под баньяном. Пора переходить к делу.

— Скажи, Лина, нам тут нужен специфический человек, что отведет в глубины джунглей к местным аборигенам и племенам. Сдается, тот чудик с ножом может быть верным парнем. Или мы ошибаемся, и он стремный маньяк?

— А зачем вам такой экстрим? — нахмурилась Лина. — Это ж опасно. Там не прогулочная зона.

— Ты только что говорила о еде как об универсальном языке. Мы, в своем роде, хотим почувствовать и их культуру, язык. Понять душу острова, а не фасад.

— Для этого вам так нужны дикари? — Лина покачала головой, усмехнувшись. — На Гуаме нет диких племён. Уже давно. Мы идём в ногу со временем, развиваемся — и при этом храним свою культуру. Весь регион Микронезии знаком с христианством, интегрирован в мировую экономику. Если вам дикари — летите на Яп. Полтора часа полёта или несколько дней на лодке. Там до сих пор судят по старым каменным законам, а дороги вымощены монетами из раковин.

Или на Агрихан, Паган к северу — там вулканы дымятся, а деревни стоят пустые с семидесятых. Острова закрыты, но говорят, кто-то всё ещё живёт в лавовых пещерах. Вот там реально хардкор.

— Ты как, Машк, готова уже свалить туда? — повернулся я к ней. — На край света?

— Можно, но хотелось бы и местный народ сегодня увидеть сначала, закрыть гештальт Неужели ни одного дикаря тут не осталось? Совсем? — в голосе Маши проскользнуло разочарование.

— Ни одного. — Лина закатила глаза, устав объяснять очевидное. — Но если подумать

И тут она покосилась в сторону старикана с ножом. Многозначительно так.

— Что? — не понял я.

— В закрытых зонах возможны. Ходят слухи. Говорят, есть те, кто ушёл вглубь — ещё до испанцев, ещё до японцев. И живут так, будто времени нет. Военные молчат. Может, охраняют. Может, боятся. Но это скорее байки для туристов. Страшилки.

— Слушай, — остановил я её, чувствуя, как накипает. Пот снова залил лицо. — Мы не туристы. Мы уже и так всё на этом гребаном острове за две недели видели: латге в парке, танцы у причала, актёры в шарманках, поющие про «духов предков» между рекламными паузами.

— А я тут причём? — Лина тяжело вздохнула. — Сказала

же

— Я, конечно, понимаю, что часть острова — природа, тридцать процентов военные базы, а еще тридцать — вот эта вся театральщина для лохов. Но нам этого не надо. Процент настоящего-то тут есть?

Лина резко стукнула половником по краю стола. Звук был коротким и жестким, заставившим меня вздрогнуть.

— Еда холодная стала? Или соли мало? — голос Лины стал стальным, она пристально посмотрела мне в глаза. — Ты жрал с аппетитом, парень. Чего теперь бузишь?

— Да вкусно, чёрт возьми! Лучшее, что я ел за две недели! — я не отвел взгляд. — Но после еды что? Снова сидеть и смотреть, как пыль оседает? Я не за гастрономическим туrom приперся. Мне движухи надо! Драйва! Блин, а ведь я думал — мы попали в параллельный мир. Приключения на носу, движуха, необычное. А оказалось — в санаторий на курорте завезли, тишина да комары. Скучища смертная.

— Леш — Машка попыталась меня одёрнуть, дернув за рукав.

— Не, Маш, ну серьезно. Лабораторные крысы под иглами в отпуске. Ни движения, ни драйва. Одна скука с Wi-Fi и пивком под пальмами, барахтаньем в водичке. Раз уж не видать мне моего кота больше, то хоть хочу найти тех, кто не играет на потеху публике как на том Острове Проклятых. Таких, кто живёт так, как жили всегда. Лина, ты же знаешь, где они на самом деле? Или будешь дальше сказки расска-

зывать?

Лина помолчала. Тяжелый взгляд. Медленно вытерла руки о фартук, посмотрела на меня, потом на Машку, оценивая нашу «жажду приключений». Потом перевела взгляд на старика под баньяном, потом снова на меня. Пауза затянулась, становясь тяжелой, как влажный воздух.

Наконец, вздохнула и махнула рукой в сторону баньяна.

— Ладно. Как вы и догадывались — он что-то знает. Спросите сами. Но предупреждаю: старик экскурсоводом не работает. Он не любит болтунов. Если начнешь ныть про скуку или вести себя как типичный турист — он тебя просто проигнорирует. Понял? Если решит, что вы не лезете туда, куда не надо — пойдёт с вами. Если нет — даже не посмотрит в вашу сторону. Характер такой.

— А если мы хотим увидеть? — спросил я, стараясь звучать спокойнее. — Не снимать. Не трогать. Побывать рядом. По-человечески.

— Тогда вам повезло, — ответила женщина, её тон смягчился, но в глазах осталась настороженность. — Большинство приходит, чтобы забрать. Фото. Историю. Эмоцию. А вы говорите — побывать. Это редкость. Не мешаете спокойной, нетронутой чужаками жизни местных. Может, и пронесёт.

Цок-цок-цок.

Тяжелые башмаки отбивались эхом по скрипучей половице. Звук приближался.

Из-за угла бара вышел морпех — тот самый, что листал планшет. Только теперь он был в ботинках, с рацией на поясе и взглядом, который уже не искал себе девушку на вечер. Теперь это был взгляд копателя.

— Эй! Вы двое.

Военный подошёл, рука легла на ремень. Поза угрожающая.

— У вас есть разрешение на передвижение за пределами туристической зоны? Документики покажите.

— А мы не в ней? — буркнула Машка, изображая непонимание. — Да и потом, мы просто едим. Нарушаем закон о поглощении рыбы?

Военный сплюнул в сторону и заскрежетал зубами. Нервный тип.

— В туристической, пока Но дальше не соваться. Еда — да. Передвижение — нет. Особенно после инцидента у Talofofa Falls. Вы там были? Признавайтесь.

— Нет, — соврал я, даже не моргнув. Враньё — второе имя путешественника.

Морпех прищурился, посмотрел на наши рюкзаки. Потом уставился прямо в глаза. Буравит взглядом.

Ну давай, кто кого в гляделки переиграет? Я в этой игре не новичок.

— Вы с «Мимезиса»? — выпалил он вдруг. Попал в точку.

— Да, — ответила Машка спокойно. — Гай нас отпустил. Разрешил гулять.

— Гай не решает, куда можно идти, — почти промычал солдафон, нависая над нами. — Это решаем мы. Может, начальство с ними и на легкой волне, договаривается, но главные тут мы. Запомните. Вы в гостях у Дядюшки Сэма, а не он у вас. До получения допуска от генерала — вы не выходите за пределы этого поселения. Поняли или повторить?

— Поняли, — мой обожженный перцем язык явно придавал голосу хриплые, грубые оттенки. Звучало зло. — Но мы не хотим нарушать. Мы просто

— Хотеть — не значит можно. Вернитесь на свою базу. Завтра — с разрешением можете валить на все четыре стороны. Или не приходите вообще. Мне без разницы.

Морпех развернулся, но перед уходом бросил через плечо, как последнее предупреждение:

— И не пытайтесь ночью. Мы видим всё. Даже то, что вы думаете.

Параноик хренов.

Когда военный скрылся за углом, Лина тихо сказала:

— Он не враждебен. Просто работает. И немного боится. У них тут свои заморочки.

— Да псих какой-то, — пробурчал я, глядя мужлану вслед. — В общем, к старику обращаться, да? Другого выхода нет.

— Но вам же сказали — начала Лина, пытаясь предостеречь.

Маша уже шла. Перекинула рюкзак за плечо и направи-

лась к сидящему. Вот что значит быть «на одной волне». Телепатия срабатывает даже без обручей.

— Сколько с нас, Лина? — спросил я, доставая кошелек.

— Двадцать долларов

— Вот, держите. Сдачи не надо.

Зелёный полтос исчез с ладони, пока я подходил к старику. Сердце колотилось чаще. А вдруг упадет?

Мужик продолжил точить. Потом резко остановился, поднял глаза — не на меня, а на Машу. Смотрит ей в душу.

Помолчал. Почему-то и мы не сказали ни слова. Неловко как-то обращаться первыми к старику с заточенным лезвием в руках. Тишина давила.

Потом — хрипло, будто голос давно не использовал, заржавел, тот прохрипел:

— Я слышал речь парня. Согласен. С вас пять сотен. Цена вопроса.

— Меркантильно как-то для человека с идеями, — усмехнулся я. — Душа должна быть бесплатной.

— На идеи не проживешь, — отрезал старик. — Да и зона — запретная. Риск большой. Деньги любят тишину и компенсацию.

Значит, я прав. Мужик явно промышляет чернухой. Контрабанда, проводники, всё в одном флаконе.

Под лопаткой кольнуло. Я глянул на Машку. Та улыбнулась. Хитро так.

«Ты прав.»

Четко сейчас услышал эти слова в голове. Голос Маши. Видимо, и она мои мысли прочитала, реакцию мою. Иногда все же эти обручи из себя представляют толк. Научиться бы еще контролировать этот канал, а то как радио с помехами.

Я достал из кармана пачку — не считая, протянул. Старик решил перебрать купюры, проверить на подлинность, затем засунул в нагрудный карман рубашки. Надежно.

Не торопясь встал. Оперся на палку — не трость, а просто обломок железного дерева, заострённый с одного конца, будто прямиком из джунглей выдрал. Без слов двинулся к задней части бара.

— Пошли, — бросила Машка, уже шагая за ним. Без колебаний.

— А если это ловушка? — спросил я, догоняя её. — Вдруг нас в рабство продадут?

— Ну всё равно обратно уже не пойдём, — она пожалала плечами, не оглядываясь. — И тогда хотя бы не скучно умрём. С приключениями.

Ха! Оптимизм по-машкински

За кафе, среди баньянов и ржавых бочек из-под масла, стоял джип — старый, похожий на военный из какого-нибудь сериала типа MAS*H, покрытый пылью и пятнами от дождя. Шины целые, но протектор стёрт почти до основы. Брезентовый тент натянут туго, местами прошит проволокой — колхозный тюнинг. На капоте — царапины, глубокие, как будто что-то большое и голодное пыталось его открыть. Или

медведь? Внутри — карта, компас, пустая канистра и ружьё, привязанное к спинке сиденья верёвкой, смазанной жиром. Арсенал.

Машина завелась с третьего раза — хрипло, закашлявшись как старик, проснувшийся после долгого сна. Медленно мы выехали в джунгли. Вперед, к неизвестности.

Дороги не было. Только колея, вытоптанная копытами или наезженная шинами — трудно сказать. Справа — река, мутная, с плавающими лилиями. Слева — стена из ферн, бамбука и лиан, где каждое движение казалось чужим. Иногда — глаза. Не звериные. Просто глаза. Следят.

Салон джипа набит всяким-разным, но вроде ничего лишнего: на приборной панели — оберег из костей и перьев, на зеркале — потрёпанная фотография женщины с ребёнком, под сиденьем — пустые бутылки, рулоны верёвки, мешок с солью, на полу — грязные сапоги, ножны без ножа и карта, исписанная карандашом до дыр. Всё в деле.

Всё пахло потом, дымом и чем-то сладковатым — не парфюмом, а, похоже, жиром от оружия. Запах опасности.

Машка любовалась видами и медитативно о чем-то размышляла. Старик сидел за рулём так, словно вырастал из него. Часть машины. Пальцы — короткие, с мозолями, но

движения — точные. Иногда он прикрывал глаза на несколько добрых секунд, что вводило нас в ужас, будто ориентировался не по дороге, а по запаху или звуку. Интуиция джунглей. Лицо — неподвижное, но уголки губ чуть дёргались, когда мы начинали болтать. Реагирует.

— Как тебя звать? — спросил я, перекрикивая рев мотора.

Он помолчал. Долго.

— Тано.

— Тано что? Фамилия есть? Или только имя?

— Просто Тано.

— Ты давно тут? — влезла Машка.

— Угу.

— Ну, типа родом отсюда? Коренной?

— Угу.

— А сколько лет на Гуаме? Всю жизнь?

— Всю жизнь.

— Серьёзно? Даже в США не был? Не тянуло в большой мир?

— Был. На базе работал. Пять лет. Ушёл.

— Почему? Что случилось?

— Надоело.

— И всё? Так просто?

— И всё.

Машка переглянулась со мной. Я знал, что она думает: «Он врёт. В каждом слове — дыра. Но лезть не стоит».

— А ты рыбак? Охотник? — спросил я уже почти в шутку, чтобы разрядить обстановку.

— Всё понемногу, — бросил старикан, и впервые усмехнулся — быстро, как будто случайно. Улыбка преобразила лицо.

Машина провалилась в яму, тряхнуло знатно. Машка схватилась за ручку, я — за сиденье. Тано даже не сбавил скорость. Только пальцы на руле чуть сжались, и он плюнул в окно — не от злости, а будто отгонял что-то. Ритуал такой.

— Ты часто возишь туристов? — спросила Машка.

— Нет.

— А нас почему повёз? Что в нас особенного?

Тано помолчал. Потом с намеком на улыбку добавил:

— Вы не туристы.

И больше не сказал ни слова. Молчаливый тип.

Включил радио — старую волну, где играли что-то на гитаре, пели что-то по-чаморрски; звучало тихо, как молитва. Душевно. Но через минуту выключил — словно передумал. Не время для музыки.

Воздух стал тяжелее. Сырее. Пахло землёй, гниющими листьями и чем-то сладким — не цветами, а чем-то, что не должно расти в тени. Запах тления?

Джунгли сомкнулись за нами, как вода после прыжка. Небо исчезло. Только листва, сплетённая в свод. Ни птиц, ни насекомых — только мы и этот двигатель, протестующий прерывистым ревом против безмолвия. Нарушаем тишину

веков.

Иногда — звук, похожий на голос. Ветер?

Иногда — тишина, в которой слышно, как бьётся собственное сердце. Тук-тук-тук.

Ни следа дороги впереди — только тропа, едва угадываемая по сломанным веткам и примятым папоротникам.

Джип скакал по корням, проваливался в ямы, где стояла вода, чёрная, как масло. Ветки хлестали по бокам, оставляя царапины на металле. Джип стонал.

Водитель вдруг вдарил по тормозам. Джип остановился. Резко. Без предупреждения. Тано заглушил движок. Тишина навалилась мгновенно.

— Дальше — пешком, — констатировал он. Первое слово за час. Голос — как скрежет камня о камень. Жёстко.

— Почему? — спросил я, оглядываясь. Тут же темно хоть глаз выколи.

Старик посмотрел на меня. Не в глаза. Выше. Туда, где под кожей пульсировала лента. Намёк понятен. Техника мешает.

Потом медленно кивнул, как будто ответил, — но ничего так и не сказал.

Вышел из машины, снял с пояса нож — длинный, с деревянной рукоятью, с лезвием, потемневшим от времени и смазки. Протянул мне.

— Мешает, — буркнул он коротко, кивая на багажник. — Подержи.

Я взял. Тяжёлый. Сбалансированный. Красивый. Оружие воина, а не кухонный тесак. Рукоять тёплая, впитавшая чужой пот.

— О, да это же почти как у Рэмбо — начал я шутить, пытаюсь скрыть внезапную неловкость. В руке теперь была реальная угроза, а не просто реквизит.

Не успел договорить — провёл большим пальцем по краю лезвия, проверяя остроту. Дурак набитый. Режущая кромка оказалась бритвенной. Кожа лопнула мгновенно.

— Ай, ля! Больно же!

Капля крови упала на сухую землю. Тано даже не моргнул. Каменное лицо. Он уже отвернулся, занятый своим делом, будто моя кровь для него — просто ещё одна жидкость в этом мире.

Машка фыркнула, потом расхохоталась. Громко, нервно.

— Ну ты и турист! — смеялась она, но в смехе сквозило напряжение. — Нож — не игрушка, Лёш. Не проверяй остроту пальцем, это правило номер один!

— Может лучше ты забереешь? Явно умелее.

— Нет уж, держи, да учись, ты у нас хранитель острия теперь. Рэмбо!

Но вдруг Машка замерла. Взгляд скользнул мимо меня — к джипу. Что она увидела?

Тано уже стоял у заднего бампера. Одной рукой нажал на ржавую заклёпку под номерным знаком — и часть пола в багажнике тихо опустилась, открывая скрытый отсек. Не

для запаски. Не для туристов. Для провизии: пакеты с рисом, банки с рыбой, мешок с солью, пластиковые бутылки с водой — всё аккуратно уложено, подготовлено к переброске. Склад на колесах.

Но это еще не все. Затем старикан потянул какой-то рычаг под номером, и в отсеке открылась дополнительная щель. Двойное дно. А вот там уже лежало совсем другое. Контрабанда?

Металлические коробки, на крышках — чёткая надпись: «7.62». Патроны. Рядом — ярко-зелёная упаковка без маркировки, аж светится в полумраке. Три компактных рации с потёртыми антеннами — не новые, а прямо из 90-х, с потрескавшимися корпусами. На одной — выгравированная надпись: «NAVY — DO NOT REMOVE». Военное имущество?

Металлическая шкатулка с замком — внутри, скорее всего, документы или образцы чего-то, о чём лучше не знать. Рулон ткани, похожей на ту, из чего сделаны наши рюкзаки, завёрнутый вокруг чего-то длинного. Возможно, разборный карабин? Оружие.

Следом — нечто совсем странное. Мешки, из-под грубой ткани которых просвечивало содержимое, похожее на крупную морскую соль. Только слишком чистое. Слишком стеклянное. Странно.

Мет По словам Гая, здесь, на острове, проблема номер один. Везут с Филиппин, прячут в подобных мешках, и наркотик разъедает остров изнутри. Я ведь видел таких обдол-

банцев ночью на улицах этого райского клочка земли. Глаза пустые, как у выброшенных на берег медуз, а руки дрожат, будто их бьёт током от самой земли. Так что не удивлюсь, если в мешке вместо соли — нечто куда убойнее и отвратнее. Хотя может, я насмотрелся сериалов, а там — просто соль. Обычная поваренная.

Лучше буду думать, что это просто соль. Возможно, для каких-то местных ритуалов, наподобие того, какой мы проводили за столом с Машкой. Обычная морская соль. Всем так спокойнее. Игнорирование — лучшая стратегия выживания.

Ещё лежали маленькие деревянные фигурки, сухие травы в вакуумных пакетах, пластиковые бутылки с водой — прозрачные, но с лёгким синеватым отливом. На этикетке — ничего, кроме даты и буквы «Т». Два цилиндра из чёрного пластика, плотно закупоренные, с этикетками, испещрёнными символами, похожими на те, что мы видели на местных латте. Мистика и технология вперемешку.

Закрыв секретное отверстие, старик начал вытаскивать груз, быстро, без лишних движений, направляясь к дереву у тропы — там, едва заметно среди лиан, закреплен идол: грубая деревянная фигурка, похожая на человечка с раскинутыми руками. Тотем? Тано клал мешок за мешком под его основание. Действовал так, будто это не склад, а подношение. Жертва духам?

— Все же контрабандист? — тихо спросила Машка, не от-

вода глаз. Глаза широко раскрыты от удивления. Она смотрела не на груз, а на мою руку с ножом.

— А может, священник? — прошептал я в ответ, чувствуя, как тяжесть стали тянет запястье вниз. — Ну как тот, из «Остаться в живых»

Шутка так себе, особенно если вспомнить, как лихо там священник всаживал мачете в лобешники. Но Нож у меня.

Машка не улыбнулась. Только сжала мою свободную руку. Крепко. Бойтся? Или предчувствует?

Закончив — Тано вернулся. Молча. Быстро.

Не стал ждать приглашения. Протянул ладонь. Открытую. Требовательную.

— Нож, — приказал он.

Воздух сгустился. Машка затаила дыхание. Я посмотрел на старика. Потом на лезвие, где уже запеклась моя кровь. Секунда колебания.

— А не зарежешь за то, что увидели? — спросил я, стараясь звучать дерзко, но голос вышел хриплым.

Тано даже не моргнул. Лишь чуть наклонил голову, прожигая меня взглядом. И вдруг — резкое движение. Я даже не успел заметить взмаха руки, как маленький кинжал, разме-

ром с пол-ладони, который старик прятал непонятно где, со свистом впился в ствол ближайшего баньяна. Лезвие дрогнуло, уйдя в дерево по самую рукоять.

— Хотел бы навредить — нож бы тебя не спас, — тихо произнес он, не отрывая взгляда. — Я же сказал: мешал. А теперь давай сюда нож.

Я медленно разжал пальцы. Рукоять перешла в его мозолистую ладонь. Облегчения не было. Скорее чувство собственной наготы.

— Ты мой защитничек, — усмехнулась Машка, но при этом на автомате шагнула мне за спину, прячась за моим плечом.

— Маш, ну ты видела ж? — буркнул я, чувствуя себя идиотом.

Старик словно не слышал нашего шепота. Сплюнул на лезвие моего ножа, провел большим пальцем по режущей кромке — чисто. Больше никакой крови. И ни царапины на его старых, узловатых пальцах.

— Все режутся, — отметил он, наконец улыбнувшись. Улыбка вышла сухой, без тепла, как трещина на глине. — Только охотники — нет. Ты не хищник, парень.

— Почему?

— Не твое. По глазам вижу. Потому и отдал нож без волнения: знал, что скорее воткнешь его себе в ногу, а не мне в спину.

Старик спрятал нож за пояс. Щелчок ножен прозвучал

резко, как затвор винтовки.

— Идём, — кивнул он вглубь джунглей. — Недалеко.

И мы пошли вперед.

Потому что пути назад уже не было. Точка невозврата пройдена.

Глава 5. Племя, укрытое временем

Окружили. Человек тридцать. Не с криками, не с копьями наперевес — возникли из-за лиан, будто там росли. Молчат. Смотрят. И не в глаза — это я сразу заметил — а чуть ниже, на грудь. Будто у них так принято: смотри на сердце, а не в душу. Уважение или осторожность? Хрен разберешь с первого взгляда.

И выше, туда тоже поглядывают. Туда, где под кожей пульсируют наши с Машкой ленты. Ну да, да Заметные такие «та-тушки», ничего не попишешь. Все замечают. Нам лишь отбrehиваться потом, что это мы в честь юбилея себе набили Модный тренд, блин.

А одежда на наших аборигенов, вопреки ожиданиям по фильмам и ютубчику — имеется. Мда, не полюбоваться нагими членами до колена и обвисшими грудями, да и слава богу! А то неловко как-то было бы. В самом деле!

Мужики — в узких повязках из плотной мешковины. Ткань жёлто-коричневая, грубая. Точно! Длинные, жёсткие листья местных деревьев, коих мы сегодня прошли с десятков, если не сотню — таких, что хрустят, как сухая солома, но не рвутся. Блестит слегка от смазки? Я не швея, конечно, но выглядит так, будто листья пропитали рыбьим жиром для прочности. На плечах и груди — чёрные узоры-татуировки, геометрические, глубокие, аж рельеф чувствуется. На поясе

— ножи. Рабочие, с потемневшими лезвиями. Ух, Крэй бы оценил такой инструмент! Кости на верёвочках бряцают, мешочки с чем-то шуршащим внутри. Аптечка первобытного человека?

Бабёнки — в коротких юбках до колена, из той же ткани, но плотнее. Почти как половик, только прочный, выдерживающий дождь, грязь и любые испытания. На шеях и запястьях — ракушки, чёрное дерево, камешки, всё перевязано бечёвкой. Амулеты? Украшения? Скорее и то, и другое.

Ничего яркого. Ничего лишнего. Ни блёсток, ни «этно-шика» с вечеров для гостей острова. Одеты, и всё. Функционально. По-нашему.

Тано не шелохнулся. Стоит, руки по швам, взгляд в землю. Покорством не назовешь. Скорее — уважение к старшим. Ждёт разрешения? Знака? А от кого? Кто из этих тут главный?

Старый мужик, что языком почесывает край губ? Нет Он стоит чуть сзади. Тенью. А впереди вот — женщина. Пожилая, лицо исчерчено морщинами, будто карта острова со всеми тропами и пещерами. Взгляд неподвижный, каменный, но видит явно всё. Сквозь нас смотрит. На плечах — узоры сложнее, чем у остальных. Она не двигается. Остальные — тоже. Статуи живые. Ждут её. Главная. Точно главная. Матриархат в чистом виде.

— Фаса, хайю — Машка, как всегда, перее меня вышла из ступора в незнакомой ситуации; попыталась что-то ска-

зять — запнулась на полуслове. — Хафа адай?

Ааа С утра слышали эту фразу от продавщицы в магазине. Приветствие типа. «Как дела?» Скорее всего, повторила невпопад — контекст не тот. Но старый мужик всё равно чуть кивнул. Вежливый, однако. А женщина — нет. Глядит, не моргая. Как робот с искусственным интеллектом, сканирующий угрозу.

Ожидал чего угодно — криков, костра, плясок с бубнами. Может, смеяться будут, разглядывая нас, как папуасов в Москве до «дружбы народов». А они тупо стоят. Будто мы — те, кого ждали, но не знали, когда придём. Запрограммированы на встречу.

Воздух густой — от влаги, от дыма, от чего-то сладкого, что цветет в тени. Ни птиц, ни насекомых. Тишина звенит в ушах. И стук. Тук-тук Наши сердца. Моё, Маши Проводника и этих людей. И стук этот отдается не в ушах, а в мозгу, в наших лентах. Резонирует, блин.

«Слышишь?» — Машин голос четко просверлил перепонки и кости. Прямо в черепушке раздался.

Ртом она не шевелила. Телепатия. Редко, но метко возникает у нас вне снов. Глюк системы или новая фишка?

«Да» — больше и не знаю, что ей ответить. Мысли путаются.

«И не придумывай, я про себя тоже подумала.» — усмешка в голосе.

«Ага»

Телепатия — не так романтична и гениальна, как в фильмах. Весь мыслительный поток льётся рекой, мысли сплетаются в клубок. Не всегда чёткий «разговор». Потому люди и ведут диалог ртом, думая, прежде чем говорят, чтобы не происходило сумбура в голове. Ну, большинство так делает.

«Ты вот не думаешь.» — поддела она.

«Да и ты тоже, дорогая моя» — огрызнулся я мысленно.

Перед глазами мелькнула бело-черная вспышка, похожая на радиочастоты в программе монтажа. Звуковая дорожка от визуализации трека скачет. Помехи.

Мысли Машки исчезли. Обрыв связи.

Тано медленно опустился на одно колено. Вынул мешок с «солью» — той самой, грубой, крупной, которую мы с пассией принимаем до сих пор за «не соль» — и положил на землю перед женщиной. Дань принес.

Главная не двинулась. Лицо как маска. Старый мужик — тот, что стоит рядом — протянул мускулистую руку. Не взял. Только коснулся кончиком среднего пальца. Проверка? Потом посмотрел на нас и сказал что-то на местном — быстро, низким басовитым голосом. Видимо, все-таки какую-то роль в племени он точно имел, не зря взгляд зацепился. Переводчик местный?

Машка переглянулась со мной, пожалала плечами: мол, я в шоке.

— Не поняла ни слова. Но, похоже, это не «убить их». Пока живы — уже хорошо.

Старый снова заговорил на своем непонятном языке — теперь медленнее, почти как для ребёнка. Объясняет что-то. А женщина молчала. Смотрела. Сверлила взглядом.

И вдруг старый добавил по-английски, с сильным ломаным акцентом, будто каждый звук давался с трудом:

— Вы-и при-ишли за ка-аменным-и голосом?

— Ага-а. Точно-а, как ты-и сказа-ал, мужи-ик! — вырвалось у меня автоматом на столь же ломаном, пародирующем акцент старика инглише. Решил подыграть. Дурак, наверное.

Машка косо взглянула на меня с порицающей улыбкой. Мол, заткнись уже.

«Дурак, ты, Лёха» — читалось без всякой телепатии, по лицу понятно.

А что?! Ну пусть подыграем, весело ж! Разрядка обстановки.

Старик кивнул. Медленно. Взвешенно. Без эмоций.

— Si. Вы слышите. Хорошо. Значит, путь открыт.

Тано вдруг поднялся. Повернулся к нам. Лицо проводника спокойное, но в глазах — что-то, чего я раньше не видел за наше недолгое знакомство. Серьезность какая-то древняя.

— Говорю один раз, — голос тихий, почти шёпотом, но чёткий, каждое слово как гвоздь. — Эти люди они не «дикие». Не актёры для туристов. Они — Матан-Талофо. «Люди Талофо». Так они себя называют.

Незаметно кивнул на женщину.

— Магахаге. Старшая женщина рода. Хозяйка земли. У

них так — женщина держит землю, дом, знания. Мужчина — её брат, Магалáхи — говорит за неё с чужими. Защищает. Охотится. Это не обычай чаморро-сегодня, где всё смешалось. Это обычай чаморро-предков. И у них — остался. Законсервировался.

Помолчал, давая инфе усвоиться. Потом продолжил, медленнее:

— Они ушли сюда давно. Когда пришли испанцы — часть ушла. Когда японцы — ещё часть. Когда американцы — последние. Не потому что боялись. А потому что выбрали. Отшельники. Аналог мормонов, но от местной культуры. Еще и перемешанные сквозь эпохи. Но все объединены одним — они не хотят быть частью мира, где всё продаётся. Где культура — шоу для туристов. Где прогресс щемит обычай и традиции, перекраивая на свой лад. Они хотят жить так, как жили всегда. Без электричества. Без баз. Без лжи. Честно.

Тано посмотрел на старого мужчину. Тот стоял недвижимо.

— Он говорит по-английски. Немного. Учился давно. Когда ещё был ребёнком, до того как уйти. Больше никто из них не говорит. Насколько мне известно Вглубь территорий я не заходил. Я им — они мне; обмен, бизнес — ничего более. Торговля веками отлажена.

— Чего именно? — Машка прошептала, хотя аборигенов явно не волновали длинная речь от Тано и наши беседы: те разбирают припасы от контрабандиста и сами общаются

между собой. Свои дела делают.

Лишь старая женщина Магахаче стоит неподвижно и смотрит на нас, не моргая. Статуя.

— Они говорят на старом чаморро. На том, что был до испанцев. Языке предков.

Тано замолчал на секунд пять, затем коротко добавил:

— Военные знают. Молчат. Не трогают. Зона вокруг — закрыта. Официально — учения. На самом деле — охрана. Оберегают от остальных. Может, боятся. Может, уважают. Не спрашивайте меня. Я не военный, как вы уже поняли. Курьер.

Провожатый посмотрел на нас — впервые прямо в глаза. В упор.

— Я прихожу сюда. Привожу еду. Соль. Иногда — лекарства. Они не просят. Но принимают. Единственное, что иногда заказывают из «вне» Еще кое-что, для их «обрядов». Потому что я — не чужой. Моя бабушка она была из их рода. Ушла обратно из цивилизации. Когда поняла, что мир слишком шумный. Надоело.

Уголок губ Тано дрогнул. Не улыбка. Что-то другое. Боль? Ностальгия?

— Я ухожу. Вы — остаётесь. Они вас не тронут. Если вы их не тронете. Хотите — фотографируйте вдоволь. Они любят позировать. Напомню — они не отсталые. Не в край «дикие». У них своя логика. Но — не трогайте. В плохом смысле. Не спрашивайте лишнего. Если те сами не попросят.

Будьте живыми, не мешайте им жить. Наблюдайте.

Наш проводник достал из-за пояса мешочек с тёмными блестящими камешками. Передал старику. Оплата услуг?

— Para el camino, — старик цокнул языком. По-своему поблагодарил.

Тано кивнул на прощание и пошёл обратно к протоптанной нами свежей тропе. Без оглядки. Быстро. Бесшумно, как призрак. Через минуту его уже не было слышно. Растворился в джунглях.

И вот — мы остаёмся одни. С ними. Тридцать пар глаз. Давление чувствуется.

Старик машет рукой. Двое мужчин двигаются вперёд, остальные — по бокам. Сопровождение. Конвой. Ну, по крайней мере, не связали. Пока. И ладно.

Мы идём вверх. Тропа петляет между баньянов и папоротников, то уходя в тень густых лиан, то выходя на солнечные полянки, где свет пробивается сквозь листву пятнами. Свет и тень играют. Воздух тяжёлый, влажный. Пахнет землёй, гниющими листьями и чем-то сладким — чем-то, что не должно расти в тени. Запах тайны.

Мимо нас мелькают входы в пещеры — тёмные, зияющие дыры в скалах. Пасти чудовищ. Некоторые завалены камнями, другие прикрыты лианами. Одна особенно большая — с резьбой над входом. Знаки.

— О, Лёша, мы ж на экскурсию к такой здесь ездили, да? — вспомнила Машка.

— Ага, похожая — кивнул я.

Магалáхи, шедший впереди, вдруг остановился. Посмотрел на пещеру долгим, тяжёлым взглядом. И тихо, почти шёпотом, выдал из себя английские слова, будто камни перекатывал во рту:

— Здесь жил человек. Солдат. Война кончилась. Он — нет. Двадцать восемь лет. Дух леса. Мы боялись. Но он не злой. Прятался. Стыдно было вернуться.

Старик замолчал, отвернулся и двинулся дальше. Ему явно не хотелось развивать тему. Для него это было священное или болезненное воспоминание.

В голове мгновенно всплыла история, которую рассказывал гид ещё в начале нашего путешествия по острову. Про того самого японца. Шоити Йокои. Сержант императорской армии. Когда американцы отбили Гуам в 1944-м, японец не сдался. Ушёл в джунгли. Не воевал. Скрывался. Партизан-одиночка.

Двадцать восемь лет в такой дыре Без еды, без воды, без людей. Питался крабами, ловил рыбу голыми руками, строил укрытие из пальмовых листьев. Делал одежду из коры. Выходил за пищей только в сумерках. Мастерски заметал следы. Находил старые газеты, листовки — знал, что война кончилась. Но не сдавался. Стыдно было. Японский кодекс чести — вернуться живым после поражения? Позор. Лучше смерть.

Гид рассказал эту историю, а заодно — и историю другого

японца, Хиро Оноды. Для сравнения судеб и взглядов. Тот скрывался на Филиппинах. Двадцать девять лет. Но Онода — воевал. Убил около тридцати человек. Совершал вылазки. Участвовал в перестрелках. Считал, что война не кончилась. И не верил никому. Пока в 1974-м к нему не привезли бывшего майора — Ёсими Танигути. Только после официального приказа от командира Онода сложил оружие. Приказ есть приказ.

А Йокои Выживал. Никого не трогал. Никого не убивал. Его главная цель — остаться незамеченным. Тенью. Когда местные рыбаки нашли его в 1972-м, он не требовал приказа. Вышел. Ну как вышел. Сначала попытался наброситься на них от испуга, как зверь загнанный, но из-за сильного истощения не смог оказать сопротивления. И по возвращении в Японию сказал фразу, которая стала крылатой: «Мне очень стыдно, что я вернулся живым». Вот это понимание долга!

Помню, Крэй, услышав эти дивности, ужаснувшись, поведал, что бывал в похожей ситуации в одном из миров. Месяц, два, может дольше. В подробности вдаваться не пожелал, но сказал, что он ближе к Йокои, если уж сравнивать. По духу и по взглядам. Время в таких местах теряет счёт. Отрезан от своих, без связи, без помощи. Говорит, что это входит в топ худших моментов его жизни. «Меня бы убило — психологически, если не физически, продлись это чуточку дольше».

А этот японец — двадцать восемь лет. А другой — двадцать девять. И это реальность, жизнь, не фантастика. Как?!

Как вообще можно выжить в одиночестве три десятилетия? Как не сойти с ума? Мозг должен был расплавиться.

Оба японца не сошли. Феномен.

Йокои вернулся — тихо, без оружия. Женился, завёл детей, даже в парламент баллотировался. Читал лекции по выживанию, пропагандировал аскетизм, критиковал избыточное потребление. Его философию называли «школой жизни Йокои». В родном Нагое ему открыли музей — там до сих пор хранятся его самодельные инструменты, самодельный ткацкий станок и одежда из коры. Умер в 1997-м. В восемьдесят два. Дожил.

Онода вернулся — с винтовкой в руках, по приказу командира. Уехал позже в Бразилию, стал фермером. Открыл ранчо для детей. Дожил до девяносто одного года и спокойно умер. На Филиппинах его до сих пор считают убийцей. В Японии — героем. Два мира. Два суда. История зависит от того, кто пишет.

А Крэй

Его война окончилась? Он ведь «моргнул» — и ушёл из того мира навсегда. Не вернулся. Не узнал, кто победил. Не ждал приказа. Не искал газет. Исчез. Испарился.

Йокои вернулся с пустыми руками и мудростью. Онода — с винтовкой и приказом. Крэй — ни с чем. И, может, именно поэтому до сих пор жив. Потому что не вернулся вообще. А жизнь и судьба ждут возвращения, чтобы дать право на спокойную жизнь: ее продолжение и завершение. Точку

поставить.

Десять минут. Двадцать. Час. Время тянется резиной.

Джунгли расступаются. Внезапно.

Серьёзно?! Глазам не верю.

Перед нами — скрытая долина. Окружена со всех сторон горными склонами, покрытыми зеленью. Чаша. Сверху — только клочок неба, синий, как глаз ребёнка. Идеально круглый. Воздух здесь другой — легче, чище. Слышен шум воды где-то вдалеке. Звук жизни.

Все напоминает дорогостоящий сет киноплощадки. Декорации Голливуда. Слишком красиво, чтобы быть правдой.

Посреди раскинулась просторная поляна, а там соломенные хижины на высоких латте — каменных пилонках с грибовидными плитами сверху. Жилые дома. Активно используются. Стены из плетеного тростника, крыши из пальмовых листьев. Эко-стиль.

И везде — панданус. Дерево с длинными узкими листьями, похожими на мечи. Из них плетут всё: сети, циновки, корзины, даже одежду. Женщины сидят под деревьями, скручивают листья в верёвки, ткут, сплетают. Руки двигаются быстро, уверенно — будто делают это всю жизнь. А может, и правда всю. Автоматизм.

На земле — утопанные тропинки, ведущие к кострам и садам таро. Огороды свои. Рядом с поляной — небольшой водопад, стекающий по скале в каменный бассейн. Стиральная машина и бассейн в одном флаконе. Женщины стирают

там одежду, дети плещутся. Идиллия.

В центре поляны — круг из латте. Целые, покрытые резьбой. Святилище. Вот это да Они не живут — они сохранили всё, что строили даже древние. Традиции в бетоне.

И там — люди. Жизнь кипит.

Дети бегают босиком. Грязные колени, спутанные волосы, смех — громкий, заливистый. Один мальчик лет шести катается по грязи, потом вскакивает и бежит к девочке, держа в руках кость. Игрушка.

Если приглядеться Тонкая, изогнутая, с длинными пальцами Крыло. Летучей мыши?

Глаза сами скользят по поляне в поисках ответа. У одной из хижин, привязанный к колышку, висит скелет. Не целиком — только крылья, распятые на бамбуковых прутьях, как трофей. Кости тонкие, почти прозрачные на солнце. Это не птица. Слишком большие пальцы. Слишком странная форма.

Летучая мышь. Местная, фруктовая. Те самые, что висят гроздьями в пещерах. Коих тут, наверное, тысячи. Какая здесь ещё может быть кость? Не оленья же, не человеческая. Тьфу, не дай бог.

Девчонка берёт кость из рук парнишки, рассматривает, возвращает. Парнишка улыбается и бежит дальше. Игра продолжается.

Одеты ну, как одеты дети в джунглях. Мальчишки — в коротких набедренных повязках из грубой ткани, девочки

— в юбочках до колена. Ничего лишнего. Ни мульташных футболок с Микки Маусом, ни брендовых кроссовок Найк. Ткань и тело. И, блин! Никто не стесняется. Ни они сами, ни взрослые вокруг. Для них это нормально. Нагота естественна. А мы-то, в нашем мире, наверное, уже вызвали бы опеку своим видом. Хипстеры долбаные.

И тут — один из ребяташек подбегает ко мне. Маленький торнадо.

Оглядывай, оглядывай. Смотри внимательно и на мою ленту, на мою одежду, на мои чистые руки. Я же для тебя диковинка! Экзотический зверь из зоопарка. Вот такого и ожидал от аборигенов. Любопытство.

А теперь тянешься потрогать волосы?.. Да на здоровье! Мне не жалко.

— Эй! — дернул малец за рукав; не буду отстраняться. Пусть делает что хочет.

Мальчишка улыбается. Широко. Без стеснения. Зубы белые. И тянет меня за руку — к луже. В грязь.

— Куда, братан? — удивился я. — Ты куда меня тащишь? Машка фыркает рядом:

— Кажется, тебя зовут. Признали равного по возрасту. Иди. Посмотри, что будет. Не бойся.

Хм Ну, чё. Почему бы и нет. В жизни не катался по грязи. Разве что в детстве, и то мама потом ругалась, отмывала часами. А сейчас можно.

Лишнее долой, оставим лишь плавки. Раздеваться в джун-

глях — норма.

А лужа-то большая, грязная, с листьями хлебного дерева на поверхности. Суп из грязи. Мальчик уже там, катается, как щенок. Кайфует.

Ну, давай, Лех! Один раз живем.

И прыжок. Полёт нормальный.

Брызги. Грязь летит во все стороны. Смех.

Ух, вот это прокаточка! Что-то совсем иное по ощущениям. Настоящее, живое Это их игры? Так они развлекаются? Если припомнить, и у нас дети во дворе, хоть грязь, хоть зной, — всегда рады прыгать и кувыркаться Встречаешь это все меньше и меньше. Стоит одному достать телефон, и Все сторбились к экрану. Зомби. Но есть это живое и у нас в цивилизации. Дети — есть дети. Инстинкт. А вот взрослые дяди, как я, в грязи валяются очень редко Здесь же — это вполне себе норма, как погляжу. Свобода.

Мальчик хохочет, хлопает меня по спине, показывает, как надо — «вот так, вот так!». Учит жизни. Я повторяю. Неуклюже. Грязь в волосах, в ушах, в носу. Фу. Противно немного. Но весело. Чёрт, а ведь правда весело! Детство возвращается.

Другие дети подбегают. Да и взрослые! Тоже улыбаются.

Девочка — лет четырёх, вся в грязи, с косичками потянулась ко лбу Трогает мою ленту на лбу. Интересует её эта штука. Улыбается.

— Она не боится, Машк. И я не про эту ересь научно-фан-

тастическую у нас на лобешниках, я в целом. Нас не боится! А мы ведь для них буквально «белые люди» Чужаки. Буквально нас увидели впервые! Должны бы шарахаться.

— Они не знают, чего бояться, — отвечает удивленно Машка. — Им не нужно. У них есть всё для счастья. Нет причин для страха.

И правда. Эти дети — не хотят моего телефона. Не просят денег. Не спрашивают, откуда я. В Индии в бедном квартале дети без устали засыпали вопросами, в гетто иных стран попрошайничали. А тут — нет ничего такого. И дело не в барьере языка. Ребятишки хотят от меня только одного — прикоснуться, обнять, потрогать мою странную голову с лентой, поиграть в грязи. Вот и всё — радости полные безштанины. Простота бытия.

Мы-то, взрослые, с нашими телефонами, проблемами и вечным «хочу больше», забыли, как это. Просто играть. Радоваться без причины, цели и выгоды.

У этих детей нет зависти. Нет нужды в том, чего у них нет. Есть племенной дом, полный людей, которые их любят. И гигантская игровая площадка — земля, джунгли, грязь. Рай на земле.

Мда, вылезать нелегко. Грязь так и норовит удержать. Засасывает. Так можно и весь день тут провести, а все уже собираются вокруг костра неподалеку. Зовут. Пора и мне из лужи. И что неудивительно, я теперь насквозь мокрый и грязный. Чумазый.

У кострища сидит та самая главная женщина. А рядом с ней — старик. Всё также стоит чуть позади, руки сложены. Её брат, если верить Тано. Тень хранителя.

Главная поднимает руку. Жест властный.

Старик кивает и говорит по-английски, что едва можно понять, скрипит как несмазанная дверь:

— Она — Магахаге. Хозяйка земли. Я — Магалáхи. Её брат. Я говорю за неё с чужими. Голос рода.

Магахаге смотрит на меня. Не в глаза — опять-таки чуть ниже, на грудь. Энергетический центр? Потом переводит взгляд на Машку. Тоже — не в глаза. Избегает прямого контакта.

Не торопясь протягивает руку. В ладони — горсть красной глины. Цвет крови.

Поднимается. Подходит ко мне. Медленно. Грациозно. Все молчат. Тишина звенит.

Берёт мою руку — ту, что я порезал ножом Тано. Рана уже подсохла, но ещё видна. Шрам свежий. Намазывает глину на порез. Для чего? Не лечить же ты собралась Грязью?

Ой, холодная. Что это она делает? Ритуал какой-то? Проверка на вшивость? Метка свояка?

Повторяет то же самое с Машкой. Её ладонь — чистая, но Магахаге всё равно намазывает глину. Всем поровну.

Смотрит на нас. Кивает. Губы шевелятся — впервые за всё время. Заговорила.

— *Ti magamo' hamyo. Mâ'gas i sanguen-mami.*

Голос низкий, еще ниже, чем у брата, хриплый, будто не привык говорить вслух. Слова звучат странно — не по-английски, не по-испански. Что-то древнее. Язык предков. За-
кливание?

Старик переводит, старательно подбирая слова:

— Она говорит: вы не враги. Кровь ваша — чистая. При-
няты.

Магахаге отходит. Садится обратно на своё место. Власть
вернулась. Магалáхи остаётся стоять. Охраняет.

— Ешьте сначала. Потом — говорить. Голодным разговор
не клеится.

Женщины у костра готовят: рыба в листьях банана, мясо
Неужто тоже Летучая мышь? Брр.

Магалáхи кивает, видя мою покошенную физиономию,
мое сомнение:

— Да. Летучая мыша. Таро в глиняных горшках. Ешьте.
Это — для вас. Гостям лучшее.

Запах — дым, соль, океан. Мда, живот уже урчит. После
грязелечения — аппетит разыгрался зверский.

Одна из женщин поднимает глаза. Смотрит на Машку.
Улыбается — тихо, без слов. Доброжелательно. Кивает к ко-
стру. Приглашает.

Мы садимся на циновки из сплетённых листьев пандану-
са. Жёстко, но терпимо. Перед нами ставят деревянные мис-
ки — грубо выструганные, без лака, чистое дерево и масло.
Эко-посуда.

— А это что? — спрашиваю я, разглядывая содержимое. Сюрприз в миске.

Кусок рыбы на вид — как кусок рыбы. Завёрнут в листья банана, запечён прямо на углях. Только дым и огонь. Минимализм кулинарный.

Что ж, пока местная кухня меня не подводила. Рискнём.
— Ам!

Громко причмокнул, ну да ладно. Манеры в джунглях не нужны.

Жёсткая. Очень. Жевать долго надо. Но вкусная. Не как в ресторане, где всё приправлено и замариновано, чтобы скрыть несвежесть. Здесь — только суть. Рыба. Огонь. Дым. Вкус природы.

Интересно, а они вообще соль используют? У них она везде, да и вокруг же море Должна быть.

Машка жуёт молча. Тщательно пережевывает. Потом откладывает кусок. Философствует:

— Представь, сколько это стоило им усилий. Восемь часов охоты, чтобы найти хоть что-то. Восемь часов в джунглях, без еды, без воды — ищешь. И это не для удовольствия. Это для выживания. Цена обеда высока.

— Откуда ты знаешь про восемь часов? — удивился я.

— На ютубе на одного красавчика залипла. Алгоритм подсунул, пока выживальщиков смотрела. Актёр к роли готовился — Санжи из «Ван Писа», кажется. Ездил к аборигенам в Амазонку. Рассказывал, что охота — это не весело. Изну-

рительно. Душераздирающе. Сначала восемь часов ищешь животное. Потом — стреляешь дротиками с ядом. Намазываете вату ядом, вставляешь в дротик, целишься как снайпер — и в дерево. Потом ещё часы разделки, потрошения Жесть.

— Мы не Амазонка, — Магалáхи медленно покачал головой, и в его глазах мелькнула тень усмешки — не злой, а снисходительной, как у взрослого над ребенком, начитавшимся комиксов. — У нас нет яда. Нет дротиков. Мы ловим летучих мышей в пещерах — сетями. Рыбу — крючками из ракушек. Птиц — ловушками. Это не восемь часов. Это — два. Три. Зависит от удачи. Повезёт — быстрее. Не повезёт — голод.

Жестом ткнул костлявым пальцем в свою миску.

— Но она права в одном. Каждый кусок — это труд. Это уважение. Ничего даром не достаётся. Голод учит быстро.

Я смотрю на свою миску. На рыбу. На мясо летучей мыши рядом — тоже без специй, поджаренное на углях. Черное, копченое.

— Вот оно как Осознание приходит.

Мясо такое же жёсткое, как и рыба. Почти как жвачка. Челюсти устают. Но вкус другой. Не такой, как в магазине. Здесь — земляной, дикий. Жарят, потом тушат в глиняных горшках. Без соли, хотя её вокруг — завались. Без перца. Без ничего. Мясо, вода, огонь Чистый продукт.

Опыт выживания.

Не хочу есть быстро. Торопиться некуда. Каждая порция — отдельная история. Кто это добыл? Сколько потратил? Сколько раз промахнулся? Сколько вернулся ни с чем? Цена жизни.

Машка смотрит на меня. Понимает мои мысли.

— Ты впервые так ешь?

— Да. Впервые понимаю, что еда — это не про вкус. Это про усилие. Про труд. Про то, что кто-то отдал своё время, свою энергию, чтобы я сейчас сидел здесь и жевал этот кусок. Благодарность возникает.

Согласно кивает.

— Именно. И поэтому они не выбрасывают. Не тратят. Не требуют «ещё». У них каждая еда — это уважение к тому, кто её добыл. Священное действие.

Всё — доедаю. До последней крошки.

Миску на землю. Женщины у костра молча готовят следующую порцию. Для них это не суета — работа. Routine.

Странно. Никогда раньше не задумывался. Особенно при своём достатке. Мы, в нашем мире, забыли, что такое еда. Для нас — это товар. Что-то, что можно купить в супермаркете, выбросить, заменить. А здесь — еда это жизнь. Чья-то жизнь, чьи-то усилия, чья-то боль. Кровь и пот в тарелке.

Крэй Путешественник между мирами Как часто ты, мужик, жил именно так? Или Постоянно? Наверное. Иначе бы не выжил.

— А это что за?! Машка, берегись! — шепчу я.

Из-под одной из хижин выползает ящерица. Небольшая, но заметная. Серо-коричневая, с узорами. Ползёт мимо костра — никто не пугается. Дети даже не отвлекаются от игры! Игнорируют полностью.

Магалáхи кивает спокойно:

— Это геккон. Живёт здесь. Ловит насекомых. Помогает. Санитар джунглей.

Какого?! У них геккон как кошка. Живёт- не горюет! Домашний питомец, только дикий. Никто не пугается. Никто не кричит «убить!». Часть дома и интерьера! Симбиоз.

Машка смотрит на ящерицу заморожено — не с ужасом, а с интересом. Глаза горят.

— Вот это да. Круто.

— Ага Живут же люди. В гармонии.

Магалáхи поднимает руку. Жест — мягкий, но уверенный. Стоп.

— Вы поели. Теперь — можно говорить. Время пришло.

Мужчина смотрит на Магахаге. Та кивает — едва заметно. Разрешение дано.

Костёр потрескивает. Темнота подкралась незаметно. Ночь наступила. Искры взлетают вверх, к звёздам, и гаснут. Звёзды яркие, как никогда. Тени от огня пляшут на лицах племени — люди сидят вокруг, молчат, наблюдают. Дети уже спят, укутанные в материнские юбки. Ангелы спят. Женщины перешёптываются, мужчины точат ножи. Звук стали о камень. Воздух густой — от дыма, от влаги, от чего-то древне-

го. Магия в воздухе.

Машка смотрит на Магахаге. Потом — на свои руки. На глину, что всё ещё там. Засохла.

— А почему — она запинается. — Почему вы намазали нам глину на руки? Какой смысл?

Магалáхи переводит. Магахаге смотрит на нас. Её глаза — не пустые. Зрачки — вертикальные, как у кошки. И не моргают. Слишком долго. Жутковато.

Наконец говорит. Голос — низкий, хриплый, но не совсем человеческий. Слишком много слогов. Звуки, которых не должно быть в горле. Гортанное пение.

Магалáхи переводит — медленно, с запинками. Иногда останавливается, будто не знает, как сказать. Слова теряются.

— Sanguen. Tãno'. Latte.

— Кровь. Земля. Камень. Триединство.

Машка моргает. Не понимает.

— Это что это значит?

Магахаге не отвечает. Долго смотрит сквозь нас. Внутрь. Потом — кивает. Один раз. Решение принято.

— Taotaomona, — говорит она. — Puntan. Fuuna. Para i tãno'. Para i taotao.

Магалáхи переводит — тихо, почти шёпотом, с благоговением:

— Те, кто был до нас. Те, кто не ушёл. Те, кто ждёт Или как это верно сказать. Духи предков. Пунтан. Фууна. Для

земли. Для людей. Боги творцы.

Он замолкает. Потом продолжает, медленнее, объясняя концепцию:

— Будет сложно. Понятия вашего языка и нашего могут ввести в заблуждение. Пунтан — бог, который создал мир. Он отдал своё тело, чтобы мы могли жить. Жертва творца. Фууна — его сестра — превратила его плоть в землю, кости — в камни, кровь — в реки. Мир создан из тела бога. Духи предков они не уходят. Они остаются. Это тени. Отражения. То, что осталось, когда они ушли. В камнях. В деревьях. В воде. В нас. Мы часть их.

Магахаге поднимает руку к небу. Показывает на звёзды. Связь с космосом.

— Latte, — говорит она. — Para i taotaomona. Para i humānao.

Магалāхи:

— Латте это дома для духов. Мосты между миром живых и миром мёртвых. Порталы. Когда вы стоите на латте — вы слышите. Стену между мирами. Она тонкая, как кожа на барабане. Если ударить — она лопнет. Разрыв реальности.

Машка смотрит на круг латте. Потом — на меня. Страх в глазах.

Магахаге поднимает руку. В ладони — горсть красной глины. Снова.

— Para i taotaomona, — говорит она. — Para i tāno'. Para i taotao.

Магалáхи переводит, тихо:

— Для духов. Для земли. Для людей. Жертва принята.

Магахаге бросает глину в костёр.

Пламя вспыхивает — не красное, не жёлтое. Серое. Почти чёрное, но с фиолетовыми прожилками. Мистический огонь. И пахнет сладко. Гнило. Как будто горит не дерево, а что-то другое. Плоть?

Искры не летят вверх. Они висают в воздухе, дрожат, словно насекомые в пауке, а затем резко срываются в стороны, нарушая законы тяготения. Огонь движется рывками, словно заедающая киноплёнка, выхватывая из тьмы фрагменты реальности.

И в этом огне

Лица.

Не людей. Не животных. Что-то между. Химеры.

Глаза разнесены по сторонам черепа, блестящие, как полированный обсидиан. Рты растянуты до ушей, обнажая ряды мелких, острых зубов. Кожа переливается чешуей или покрыта каменной корой. Демоны?

И среди этой хтони Мальчик. Блондин. Где-то я уже видел знакомое лицо. Сон?

Машка хватает меня за руку. Сжимает до боли.

Лента сжимает разум — вибрацией, болью. Голова раскалывается.

«Ты это видел?!» — крик в голове.

«Да.» — мой ответ.

«Что это?!» — паника.

«Не знаю. Но они смотрят.» — на нас.

Магалáхи смотрит на огонь. Потом — на нас. Спокоен.

— Примите участие в нашем вечернем обряде? Вопрос повис в воздухе.

В глазах Машки читается страх. Паника.

— Лёха — шепчет она.

А в моих — лица и огонь, который горит не так. Реальность плывёт, края зрения размываются в фиолетовой дымке.

Ленты пульсируют — больно. Как эпилептический припадок.

Тьма вокруг. Тьма внутри.

И что-то между ними. Грань истончается, трещит по швам.

— А почему бы и нет. Хуже, чем двадцать восемь лет в дыре, всё равно не будет. Да и потом, ведь что-то сюда нас манило? Почему бы не очередной древний обряд! Авось пронесёт.

Но голос дрожит. Нет, не от страха, дрожит Почему? Адриналин?

Магалáхи кивает и широко улыбается. Зубы белые в темноте, слишком белые, слишком ровные для этого места.

— Вуено, — говорит он. — Тогда идём. В огонь.

Глава 6. Омовение

Звёзды. Бесконечное множество ярчайших звёзд. Жесть какая-то.

Крыша из листьев пандануса уложена плотно, но небо будто специально ищет, куда протиснуться в щели. Узкие лучи, россыпи туманностей — всё это безумство глубин висит прямо над лицом. За неделю глаза привыкли к этой карте. Уже знаю созвездия наизусть, так что листья, преграждающие путь, словно становятся прозрачными. Они не отделяют меня от космоса. Полотно путей по галактикам разворачивается передо мной. Такого не увидишь в Москве никогда. Там только фонари и смог.

Даже в Доминикане или Тае, куда сбегал от серой реальности на пару неделек, я лишь изредка задираю голову. Был занят: фоточки для инсты, ужин, планы — успеть всё до конца отдыха. Бежал, но не останавливался. Гнал коней.

А теперь — остановился. Тормознул резко.

Нет забот. Нет плана. Нет рамок. И вот я — не спешу жить. Лежу и люблюсь звёздным небом. Уже какую ночь подряд. С обнажённой Машкой под боком. Лучший вид из всех возможных.

Лежим, вот же сюрприз, на циновках. Жёстких, шершавых, пахнущих сухой травой и солнцем. Вездесущих здесь циновках, кажется, их даже больше, чем людей. На каждом

шагу.

Внутри *гума' уритао* — дома для гостей. Так, кажется, назвал его старикан. С глухой, глотающейся «а» на «гума» и паузой перед «уритао». Звучит как заклинание какое-то. *Гума-уритао*. Магия слов.

Сама хижина стоит особняком, на самом краю поселения. Возвышается на высоких *латте* — каменных столбах с грибовидными шляпками. Будто парит над землёй, отрезанная от остального мира. Дом на курьих ножках, только каменных.

Стены — из сплетённого бамбука. Светло-коричневые, гибкие, дышат. Внутри — одна большая комната. Без перегородок. Без углов, где можно спрятаться. Всё на виду. Открытость полная.

Никакой мебели. Стульев, кроватей, столов — ничего. Только земля под бамбуковым полом, сами стены и небо над головой, за листьями. Минимализм по-джунгельски.

Мага'лахи привёл нас сюда. Сказал коротко, без лишних эмоций. Констатация факта, как приговор:

— Здесь жил старый воин. Ушёл в джунгли. Не вернулся. Его жена умерла. Дети разбрелись. Теперь — для вас. Поспите, отдохните. Вас позовут много позже в ночи.

И всё. Оставил нас на пороге, кивнул и растворился в темноте. Как призрак.

И сейчас лежу здесь, а мысль не отпускает. Всё мелькает в голове, раз за разом: это не ночлег. Это часть правила. Быть

ближе к земле. К небу. К тому, что вокруг. Это их часть единения с природой и подготовки к ритуалу, каким бы он ни был? Подготовка души?

Никаких стен между нами и миром. Только плетёные листья и звёзды над глазами. Прямая связь с космосом.

Звёзды.

Их бесконечно много Глаза разбегаются.

Раньше я думал, что хочу увидеть всё. Весь мир. Все миры. Чтобы заглянуть за каждый горизонт. А сейчас смотрю в эту чёрную бездну над крышей и понимаю: бесконечность мне не нужна. Она холодная. Пустая. Пугающая своей масштабностью.

А одной Машки — достаточно. Она мой якорь.

Тёплая. Моя точка опоры в этом шатком мире. Единственная константа.

Её тело — спортивное, подтянутое, но мягкое. Живое. Грудь — небольшая, с тёмными сосками, твёрдыми от ночного воздуха. Живот — плоский, с кубиками и лёгкими изгибами, которые я чувствую пальцами. Бёдра — широкие, плавные, с ямочками на коже от напряжения. Ноги — длинные, с сильными икрами. На одном бедре — родинка, маленькая, коричневая. Я целую её. Девушка вздрагивает, но не отстраняется. Наоборот — прижимается ближе, будто хочет влиться в меня. Стать единым целым.

И вот — Машка во мраке двигается сверху. Наездница. Медленно. Ритмично. Её волосы — спутанные, грязные от

дня в племени — падают мне на лицо. Пахнут дымом, потом и чем-то сладким — может, цветами, что она собирала днём. Запах джунглей и женщины.

В её глазах — тоже вспыхивают звёзды. Но другие. Маленькие точки света в тёмных зрачках. Взрывы сверхновых. Зарождения галактик внутри неё.

И в отличие от космической мёртвой тишины — стоны и возгласы. Её. Мои. Наши. Симфония плоти.

Тут нас никто не слышит. А если и слышат — пусть завидуют. Нам пофиг.

Главное — я слышу её прекрасно.

Не только ушами. Не только телом. А внутри. Головой.

Лента на лбу — обычно вибрирует, сжимает, пульсирует болью. Сейчас — освободила. Как будто кто-то развязал тугой узел вокруг мозга. Отпустило. И в этой свободе — её мысли. Чистый канал.

Не слова. Не предложения. Образы. Эмоции. Импульсы.
raw data.

«Боже, как он меня держит»

«Его пальцы такие тёплые»

«Почему я такая мокрая?.. Не важно»

«Он смотрит не отводит глаз»

«Хочу больше хочу его»

«Больно?.. Нет хорошо»

«Он внутри я чувствую»

«Почему я такая громкая?.. Плевать»

«Его запах дым мужчина»

«Я люблю его не за что-то»

И тут — она слышит меня. Обратная связь работает.

Не потому что я думаю громко. А потому что она тоже хочет слышать. Хочет чувствовать, понимать. И она знает, что я слышу. И я знаю, что она знает. Замкнутый круг.

Мы не прячемся. Не фильтруем. Всё наружу.

Я ловлю её взгляд и посылаю ей всё, что копилось внутри, без слов, прямо в этот канал между нами:

«Ты красивая сейчас больше чем всегда»

Её движения сбиваются на секунду. Она замирает, глядя мне в глаза. Пальцы сильнее сжимают мои плечи. Она почувствовала. Считала сигнал.

«Не останавливайся» — мысль рвётся сама, импульсивно.

Команда принята.

Машка кусает губу. Уголки дрожат. Она снова начинает двигаться, но медленнее, глубже, будто проверяя мою реакцию. Калибровка.

«Я здесь я никуда не уйду» — это уже про страх. Про тот самый, что сидит во мне с самого начала. Про страх остаться одному. Быть брошенным.

Она наклоняется ниже. Лоб касается моего лба. Лента к ленте. Контакт замыкается. Короткое замыкание душ.

«Я знаю» — её ответ приходит как тёплая волна. Как объятие, которое не нужно совершать руками. Телепатия в действии.

«Мы вместе не только телом»

«Красивый настоящий» — это уже её ответ на мою неуверенность. Принятие.

«Люблю»

«Люблю»

И в этот момент — всплеск. Пик.

Мой. Её. Наш. Синхронизация.

Мысли смешиваются в одну точку. Белый шум. Тишина. Абсолютная пустота и наполненность одновременно.

В голове. В теле. В мире.

Звёзды над крышей перестали двигаться. Время остановилось. Стоп-кадр.

Мы лежим. Потные. Запыхавшиеся. Счастливые. Кайф.

Её голова — на моей груди. Мои пальцы — в её волосах. Звёзды — над нами. Картина маслом.

Лента постепенно возвращает вес. Узел затягивается обратно, но теперь не давит. Есть. Как напоминание. Как браслет.

— Это было — голос у неё хриплый, тихий. Села батарейка.

— Ага, — отвечаю, глядя её по спине. — Неплохо так. Семь из десяти, да? Оценка, критика - принимают.

Она смеётся. Тихо. Почти шепчущими вздохами. Смех лечит.

— Там было удобнее. На кровати. А здесь — прям хардкор.

— Ты права. Зато запоминается.

Минута тишины. Только дыхание. И далёкий костёр — треск, смех, голоса. Жизнь продолжается.

— Ты же слышал меня? — спрашивает она, проводя пальцем по моей ленте. Проверка связи.

— Да. Громко и чётко.

— Всё?

— Почти. Не слова. Чувства. Эмоциональный фон.

— И что я чувствовала? — интересуется, хитрит.

— Что любишь меня. И что хотела ну, ты знаешь. Всего и сразу.

Она краснеет. В темноте не видно, но я чувствую — кожа становится горячей. Реакция тела.

— Ты придурок, — говорит она. Любимое обращение. — Но да. Всё верно.

И вот — снова молчание. Что порой — ценнее любого разговора. Слова лишние.

И тут — шорох. Нарушение идиллии.

У входа в хижину колыхается тень от факелов. Небольшая. Кто-то идёт.

Надо быстро прикрыть свои голые тела полотенцами, взятыми с собой. Стесняемся ещё, блин.

— *Nâfa adai?* — тихий голос. Детский.

В проёме показывается лицо. Девочка лет двенадцати-тринадцати. Худенькая, локти торчат, колени в ссадинах — будто весь день бегала босиком по корням. Дикар-

ка маленькая. Волосы — тёмные, спутанные, собраны в хвостик, перевязанный верёвочкой. На щеке — свежая царапина. Глаза — тёмные, почти чёрные, смотрят прямо, без страха. В руках — ведро с водой и факел. Освещение принесла.

— *Hāfa adai*, — повторяет она. — Привет. Переход на английский.

Оп-па. Тут никто с нами не разговаривал на английском, кроме Мага'лāхи. Откуда она знает?

— Привет, — отвечает Машка. Вежливо. — Ты умеешь говорить по-английски?

Девочка хихикает — коротко, без стеснения. Ставит ведро на землю, обхватывает его обеими руками, будто боится, что мы украдём. Параноик? Или ценит воду.

— Старшой. Мага'лāхи учил. Мой дядя. — Она переступает с ноги на ногу, пальцы ног вжимаются в землю. Рефлексы. — Мага'лāхи старый. Я молодая. Он говорит — язык должен жить. Даже если мир забудет нас. Сохранение культуры.

Девчущка делает шаг вперёд. Свет факела падает на её лицо. На лбу — тонкая линия красной глины, в виде символа. Тонкий, аккуратный. Похож на птицу с расправленными крыльями. Тотем на лбу.

— Я — Ана, — «а» она что вначале, что в конце произнесла словно глотая отрывисто, явно без двойной «н», как в русском «Анна». Ближе к «Она». Звучит странно. — Дочь Марианы. Внучатая племянница Мага'хаге. Статус обозначила.

— Внучатая племянница? — на английском я это слово даже не сразу понял, а для их племени явно необычное слово. Слишком сложно для простого общества.

Ана кивает. Её пальцы — тонкие, с заусенцами и землёй под ногтями — нервно теребят край юбки. Потом опускает руки, сжимает кулаки. Борется с собой.

— Моя мама — замолкает, будто подбирает слова. Трудно говорить. — Она не отсюда. Она пришла. Из города. Чужачка.

Девочка смотрит на нас. Смотрит. Сканирует. Потом отводит глаза, смотрит на ведро. Избегает контакта.

— Мама не могла здесь. Ей было тяжело. Она не понимала песни. Не понимала камни. Не слышала голос. В целом — для нее все это было чужое. Неуютное, все эти годы. — Ана пожимает плечами. Философски. — Она сказала — я вернусь. Вернусь за Аной. За мной. Когда смогу. Два года назад. Не вернулась. Бросила.

— А отец? — тон Машки ещё никогда не был таким мягким, сколько я её знаю. Сочувствие.

— Отец — Ана замолкает. Потом — коротко, рубит правду-матку: — Он никогда не знал. О маме. О мне. Он умер до. В море. Моряк. Солдат отец мой был солдатом. Американским. До того, как я родилась, все произошло. Маме оставил меня. Потому мама и пришла сюда. Мама не знала, как быть одной со мной. Мучилась там несколько лет. Вернулась к корням. К племени. Сюда. Со мной. Но это не ее. Мучи-

лась и здесь. И ушла. Исчезла.

Говорит это, будто рассказывает про погоду. Будто это норма. Но пальцы ног всё ещё вжаты в землю. Стресс есть.

— Мага'хаге — сестра моего деда. Она взяла меня. Когда мама ушла. Она говорит — я отсюда. Даже если мама — нет. Кровь помнит. Камни помнят. Я помню. Не важно. Главное — ты здесь.

В протянутой ручонке — маленький мешочек из сухих листьев. Завязан тонкой бечевкой, волокна которой ещё хранят тепло пальцев. Подарок.

— Это для очищения. Травы. Для связи. Ритуал.

Машка, нежно улыбаясь, принимает мешочек. Развязывает. Аккуратно.

Пахнет резко. Сладко. Знакомо. Как та гниль у входа в пещеру, только мягче. Специфический аромат джунглей.

— Сухие листья, цветы, что-то похожее на кору — Машка даже языком попробовала — привычка дизайнера чувствовать текстуру даже на вкус — и тут же съежилась. Фу. — Острое. Что это?

— *Achote*, — Ана вздыхает, покачиваясь на месте. Девочке явно сложно стоять как вкопанной, ноги сами притопывают в ритм барабанам, которые я пока только чувствую вибрацией в ленте. Бит идёт. — Красный перец. Для огня внутри. *Lagu*, листья — для очищения. *Fino' Chamorro* — старые слова. Мага'лахи учил. Мама не хотела учить. Отказалась от корней.

Взгляд ребёнка вроде пытается держаться на нас, но я вижу — скользит мимо. Посматривает мельком вглубь хижин. На пол — там, где я небрежно кинул рюкзак. Из бокового кармана торчит рукоять тотема. Зацепило.

И тут она ставит с громким бряком ведро. Вода внутри не плещется. Слишком густая. Чёрная. Как нефть.

Ана бросает факел мне — я ловлю на автомате. Рефлекс выживальщика. Пламя не дрожит. Горит ровно, будто ветер обходит его стороной. Магия или физика?

— А это что это? — Ана уже у рюкзака. Наклоняется, рассматривает, будто лягушку у болота. Не спрашивает разрешения. Не стесняется нас, двух голых взрослых людей. Ей пофиг.

А что мне тебе ответить? Сам не знаю. Что сказать ребёнку про артефакты из других миров?

— Это с собой носим. Мужик мой как сувениры прихватил из приключения, — Машка нашлась, что сказать. Быстро среагировала. Голос тёплый, без защиты. Врёт во благо.

Ана берёт тотем в руки. Переворачивает. Рассматривает со всех сторон. Пальцы скользят по вырезанным рунам, будто читают шрифт Брайля. Осязание вместо зрения.

— О! — вырывается у неё. Голос звенит. Инсайт. — Это же *Taotao*!

Глаза у девчонки — широкие, возбуждённые. Страх исчез. Интерес победил.

— Видите? Ручки в стороны. Ножки врозь. Голова вверх.

— Она тычет пальцем в грубо вырезанное лицо. Опознавательные знаки. — Это же *Taotao Mo'na*! Духи! Предки!

Девочка смотрит на нас, потом — на тотем, потом — снова на нас. В её взгляде — уважение. Как к старшим, которые принесли реликвию. Святыню.

— Откуда у вас это? Это не отсюда. Не нашего племени. Это старое. Очень старое. У нас таких не делали. Чужое, но своё.

Ана кладёт тотем обратно. Но не уходит. Стоит, смотрит на него, будто пытается что-то вспомнить. Губы шевелятся без звука. Молитва?

— Бабушка рассказывала — говорит тихо. Легенды. — Про *Taotao*. Про то, как они ходили по земле. До людей. До всего. Начало начал.

Глаза девочки блестят. Не от слёз. От восхищения. Глаза горят.

— Вот это да! Можно я ещё раз посмотрю? Ещё разок!

Будто ты в первый раз разрешения спрашивала! Машка кивает. Разрешаю.

Ана снова берёт тотем. Прижимает к груди. На секунду. Заряжается энергией. Возвращает. Бережно.

— А это что? — спрашивает она, указывая на Пустышку. Чёрный камень лежит рядом, тёплый, будто живой. Пульсирует.

— Сгусток антиматерии, — бурчу я. Шутка такая.

— Чего?! — Ана морщится. Не поняла юмора. Или испу-

галась?

— Это другая штука, — Машка с укором посмотрела на меня. Взглядом, которым можно в землю втоптать. Явно симпатией к девочке прониклась, что аж потеряла строптивость свою. Стала мягкой. — Камень. Память. Сувенир.

Ана кивает. Не настаивает. Умная. Кладёт всё обратно. Завязывает мешок с травами, ссыпает их в чёрную воду в ведре. Вода не мутнеет. Трава тонет, не оставляя следа. Растворяется.

— Ладно, — говорит нам. Дело сделано. — Пойдёмте. Мага'хаге ждёт. Пора.

Она поворачивается к выходу. Спиной к нам.

— Мага'хаге говорит — Ана смотрит на нас серьёзно. Голос меняется. — Вы должны быть чистыми. Не телом. Душой. Если в вас есть страх — оставьте его здесь. Если есть сомнение — оставьте его здесь. Духи не любят грязь. Чистота помыслов.

Делает шаг к выходу. Потом останавливается. Обернулась. Поворот на 180.

— Сначала — омовение. Здесь. Ритуал начинается.

Ана кивает на ведро. Инструкция.

— Вода из озера. Где вода стоит. Где духи пьют. Намочите лица. Смешайте с глиной.

Она достаёт из-за пазухи горсть красной глины. Грубой, зернистой. Внутри — гладкая. Почти как масло. Пахнет железом. Кровью. Запах жизни и смерти.

— Намажете друг друга, — учит нас. Инструктаж. — Сначала лицо. Потом руки. Потом грудь. Не спрашивайте почему. Делайте. Слушайтесь.

Глину-то мы приняли, но девочка так и стоит, смотрит. Ждет. Контроль качества.

— А ты не отвернешься? — спрашиваю я. Стесняюсь немного.

— Зачем? Мажьтесь. Я посмотрю. Мне можно.

— Мы как бы — мнусь я.

— Что? Не понимаю.

— Голые. Взрослые. Дядя и тётя.

— И? Ну и что?

А, точно В их культуре тела — лишь тела. Тут много голышом бегают дети, взрослые порой тоже, очевидно. Нагота естественна. Нет комплексов.

— У нас не принято, чтобы дети на взрослых смотрели, пока они Не одеты. Табу такое.

— Ох, и у вас тоже?! Жаль. Скучно у вас. Ладно уж Я подожду снаружи. Не проблема.

Выхватила у меня факел, шмыгнула носом и вышла. Тень исчезает в ночи. Растворилась.

— Вот нахалка — вырвалось у меня. Характерная.

— Она подросток, чего ты, Лех. Не парься. У них свои законы, — Машка успокаивает.

Мы остаёмся одни. Ведро чёрной воды у ног. Тихо.

Машкина рука сжимает мою. Липкая от пота и любви.

Связь есть.

— Лёш Ты слышишь? — шепчет она.

— Нет. Что? Хотя Прислушиваюсь.

Мда, кажется Есть что-то.

Издали — барабаны. Медленные. Ритмичные. Призывные. Не звук. Удары прямо в грудную клетку. Бум-бум-бум. Сердце вторит.

— Встаем? — вопрос риторический.

— Ага. Одеваемся. Хотя она сказала намазать друг друга.

Сначала ритуал.

— Значит, ещё немного голыми побудем, — Машка усмеяется, но в глазах — напряжение. Страх неизвестности.

В ведре вода действительно чёрная. Не просто тёмная. Как будто в ней нет света, нет даже бликов от огня. Поглощает свет. Опускаю ладонь. Холодная. Ледяная, несмотря на жару ночи. Контраст.

Машка высыпает глину в воду. Размешивает пальцами. Глина не растворяется. Она обволакивает пальцы, как живая плоть. Слизь какая-то.

— Ну что, жрец? — шепчет Машка. Ирония спасает.

— Хочу быть лучше «шаманом», — поправляю я. Важность момента.

Она зачерпывает ладонями смесь. Подносит к моему лицу. Руки дрожат чуть.

Пахнет железом. Кровью. И тем сладким гниением, что чувствовалось у пещер. Запах древности.

Машка проводит ладонями по моим щекам. Холодно. Глина застывает мгновенно, стягивая кожу. Маска надевается.

«Больно?» — её мысль проскальзывает чётко, без помех. Телеканал открыт.

«Нет. Как будто»

«Что?»

«Неважно».

Чувство такое же, как тогда, с Пустышкой Но описывать его сложно. И холодно, и жарко одновременно. Парадокс.

— Что ж, смесь и для тебя. Твоя очередь.

Мои руки дрожат. Холодно? Нет. Страшно? Нет. От напряжения в ленте. Она пульсирует в такт барабанам. Резонанс. Звук. Тональность совпадает.

— Машка, барабаны тебе не напоминают тот гул?

— С «Острова Проклятых»?

— Да. Тот самый звук.

— Значит, мне не показалось Связь есть.

Наношу глину на её лоб. На скулы. На ключицы. Рисую узоры.

Машка закрывает глаза. Вдыхает. Принимает.

«Я чувствую будто смываем что-то лишнее.»

«Надеюсь, это не наша кожа.» Шутка.

«Идиот.» Любовь.

Но она улыбается. Мысленно. Тёплой волной. Тепло разливается по телу.

Когда заканчиваем — мы оба в красных разводах. Как воины. Как жертвы. Раскраска боевая.

Одеваемся наспех. Шорты, майки. Глина пачкает ткань, въедается в волокна красными разводами, но нам уже всё равно. Кожа стягивается, сохнет на воздухе, превращаясь в вторую корку. Броня.

Ана заглядывает внутрь. Хотя, походу, она давно на нас посматривала периодически, пока мы не видели. Подглядывала. Оценивает. Кивает. Одобрительно.

— Хорошо. Теперь — огонь. Дым. Вы сядете в хижине. Я закрою дверь. Дыма будет много. Вы будете кашлять. Предупреждаю.

— Не задохнемся? — вопрос выживания.

— Это нормально. Окей. Окей. Духи слушают через кашель. Через слёзы. Полный окей. Чистка каналов.

— Ну Окей Доверяем.

Девочка указывает на маленькую хижину в стороне от нашей хибарки. Не такую, где мы ночевали. Эта — ниже, врыта в землю почти по крышу. Землянка. Вход — низкий, придётся ползти. Бункер.

И вот мы уже внутри. А тут темнота и запах сухих листьев. Затхлость. Ана чиркает кремнём о камень, высекает искру. Огонь добыт. Трухлявая губка вспыхивает неохотно, но потом разгорается ровным, тусклым светом. Маленький огонёк в большой тьме. Девчушка бросает в очаг ту самую смесь из ведра: листья, цветы, чёрную воду. Зелье варится.

Шипение. Пар. Шипучка.

Дым не поднимается вверх. Он стелется по полу, густой, тяжёлый, как жидкость. Туман.

— Садитесь. Спина к спине. Чтобы дыхание было одним. Синхронизация.

Мы слушаемся. Маша прижимается позвоночником. Чувствую её тепло сквозь майку. Тепло жизни. Лента на лбу начинает вибрировать. Не больно. Скорее — как настройка радио на нужную волну. Поиск частоты.

Ана закрывает дверь. Плетёная циновка падает, отрезая нас от мира. Изоляция полная.

Темнота становится абсолютной. Только тлеющие угли дышат оранжевыми глазами. Светлячки в темноте.

Воздух густеет. Першит в горле. Я кашлю. Маша тоже. Звуки глухие, будто под водой. Эффект акваланга.

Слёзы текут сами. Не от боли. От того, что дым выедает что-то лишнее. Что-то, что мешало видеть. Чистка кэша.

Голос Ана доносится сквозь стену. Голос свыше.

— Не сопротивляйтесь. Если увидите своих — не пугайтесь. Если увидите чужих — не верьте. Ложь вокруг.

Маша шепчет в темноту. Не ртом. В голову. Прямая линия.

«Лёш Ты здесь?»

«Здесь. А ты?»

«Я вроде бы тут. Но ещё и там.» Двоеместие.

Её мысль размывается. Вибрация ленты усиливается. Сте-

ны хижины начинают дышать. В такт моему сердцу. В такт её сердцу. Единый ритм.

Угли вспыхивают зелёным.

Не огнём — холодным светом, идущим изнутри камней.
Радиоактивный свет?

И мир плывёт. Реальность течёт.

Мельтешение кадров. Как плёнка, которую режут ножницами. Монтаж.

Мальчик блондин. Я? Нет, не я. Но вижу его глазами. Чужое сознание.

Маша. Крэй. Лега. Лица накладываются друг на друга, словно маски. Слоёный пирог из лиц.

Горящий круг. Знаки на камнях, которые я видел утром у водопада. Скамья. Кинжал. Оружие.

Зелёный слепящий свет бьёт в сетчатку. Больно глазам.

Ира. Ее муж. Элизабет в белом платье, но с глазами, полными чёрной слизи. Монстры.

Балахоны. Глина. Воск капает на кожу, шипит. Кипит.

Полный мрак. Темнота египетская.

Крик. Мальчик кричит. Нет, кричу я. Мой голос.

Мы умираем. Все умираем. Я. Маша. Крэй. Лега. Падаем замертво одновременно, словно марионетки, у которых перерезали нити. Конец игры.

Мальчик умирает. И оживает. Воскрешение. Глаза открываются — зелёные, как эти угли. Зомби?

Мы остаёмся мертвы. Нас нет.

Голова раскалывается. Череп сжимается в тисках. Боль адская.

Я мертв. Но вибрация ленты. То, что чувствуется. Жужжит под кожей, как оса в черепе. Назойливо.

Я мертв. Но я жив. Потому что лента не даёт уйти. Якорь держит.

Вспышка. Свет в конце туннеля.

Балахоны. Мантии. Люди. Фигуры.

Тут есть люди. Балахоны, мантии — не пойму. Пурпурного цвета с каким-то узором. Роскошно. Трое стоят в кругу и держатся за руки. Цепь. Двое держат руки парня. Поддержка?

Ноги блондина (меня?) в оковах. Пленник.

Нет, это не скамья, не кровать. Койка. Она висит на двух канатах. Качается. Гамак?

Стен не видно. Только очертания незнакомцев в пурпуре. Призраки.

Качает. Ритмично. Влево. Вправо. Укачивает.

Корабль? Подводная лодка? Или гроб, плывущий по реке времени? Метафора?

Я мертв. И жив. Парадокс.

Лента на лбу горит. Огонь. Маша рядом. Я чувствую её холодную руку в своей, хотя в видении её нет. Связь сквозь миры.

Картинка проясняется. Фокус наводится.

Фон залит кислотно-пурпурным светом. Только силуэты.

Контуры.

Мы все надеваем балахоны, в которых только что были мертвы и стояли в кругу, держась за руки. Лица скрыты капюшонами. Анонимность.

Голос. Знакомый до боли. Крэй? Узнаю тембр.

«Крэй, ты уверен?» — голос дрожит. Лега? Страх в голосе.

«Да. Мы обязаны.» — ответ сухой. Без эмоций. Решение принято.

«Тогда вперед и с песней!» — смех. Нервный. Мой? Или чей-то?

«Боюсь, она будет последней, мой друг.» Пророчество.

«Не бойся, во славу императора мироустройства!» Пафос.

«Во славу Мимезиса?» Уточнение.

«Во славу, во славу, Крэй!» Клятва.

Голоса сливаются в гул. Стены сжимаются. Давление растёт.

Вдох. Резкий. Грудь расправляется. Возвращение.

В хижине всё ещё дымно, но угли погасли. Серая зола покрывает пол. Пепелище.

Маша сидит рядом. Склонилась надо мной. Лицо мокрое от слёз. Глина на её щеках потрескалась, осыпается при каждом движении. Маска осыпается.

— Ты кричал, — шепчет глухо. Голос сиплый, будто она тоже глотала дым. Обвинение?

— На двух языках сразу. Билингва.

Я пытаюсь сесть. Голова кружится. Мир качается. Лента на лбу горячая, как утюг. Жжёт кожу. Ожог.

— Что что это было? Долго я так? Сколько времени прошло?

— Не знаю. Да вот буквально на пару секунд. Мгновение. Я подумала, ты прикалываешься, но что-то слишком уж по тебе и не скажешь. Не похоже на шутку. — Она проводит пальцем по моей щеке. Стирает сажу. Палец дрожит. Страх. — И когда ты сказал про феникса что-то угли вспыхнули снова. Без огня. Чудо.

Я смотрю на свои руки. Они дрожат. На ладонях — красные следы. Не от глины. Будто кто-то вложил в них раскалённые камни. Метки.

— Ана говорила — духи слушают через кашель, — хриплю я. Горло дерёт. Как наждачкой прошлись.

— Видимо, они услышали, — Маша кивает на дверь. — Она уже ждёт. И Лёш У тебя глаза.

— Что с ними? Что не так?

— Зрачки. На секунду стремные были. Как у змеи. Вертикальные. Как у Мага'хаге. Превращение?

— Меня не одного проглючило, значит. Что-то еще видела? Подробности?

— Нет Но это, ты меня больше не пугай так, ладно? Я чувствовала будто ты умираешь. А я вместе с тобой. Разделяла смерть.

Опять потускнение. Глюк продолжается.

Балахоны. Мальчик блондин. Смеется. Смех такой зара-
зительный, такой притягательный Он смотрит прямо на ме-
ня. Сквозь само время. Сквозь пространство. Сквозь разно-
цветные пузыри и черную слизь. Прямой контакт.

Я моргаю. Мир возвращается. Реальность на месте.

Джунгли. Птицы поют. Звук океана вдалеке. Запах гари и
влажной земли. Нормальный мир.

Но вкус железа во рту остаётся. Привкус крови.

И эхо слов, которые я не учил. Чужой язык в голове:

«Дом Осириса»

«Что дом Осириса?» — спрашиваю вслух.

— Ничего. Галюны, Машк. Пройдёт. Само пройдет.

Циновка приподнимается. Свет врывается внутрь.

Девочка стоит на пороге. Ана. Кивает на факел. Инструк-
ция.

— Возьмите. Один на двоих. Держите крепко. Если по-
гаснет — вы потеряете дорогу. Свет жизни.

Я беру факел. Пламя греет, но как-то иначе, нежели обыч-
но огонь. Греет внутри, у сердца. Внутреннее тепло.

— Потом — тишина, — говорит Ана. Правило. — Вы ся-
дете у латте. Не на них. Рядом. И будете молчать. Пока не
услышите. Или не увидите. Медитация.

— Услышим что? — спрашиваю я. Вопрос повис.

Ана смотрит на меня. Её глаза — в свете факела — ка-
жутся слишком большими. Слишком тёмными. Почти чёр-
ные бездны.

— То, что всегда было, — говорит она. Загадка. — Но вы не слышали. Вроде так говорят старшие. Не знаю, что это значит. Я маленькая.

Наша юная провожатая поворачивается. Спиной.

— Идёмте. Время идёт. А духи они не ждут. Опоздаешь — уйдут.

— Подожди. Рюкзаки с собой захватим. Вещи нужны.

— Берите. Духам все равно на мирское, чтобы вы с собой не притащили. Им не важны ваши вещи.

Ночь, как и вода — чёрная, будто кто-то выключил мир. Выключатель щёлкнул.

Ана идёт вперёд. Свет факела выхватывает тропу. Мы — за ней. Тенью.

К реке. К озеру. К тому, что стоит. К цели.

— И ещё, — говорит девчужка через плечо. Голос — тихий, но чёткий. Предупреждение. — Когда увидите латте — не трогайте их. Они не для вас. Они — для них. Для духов. Табу.

Машка сжимает мою ладонь. Крепко. Глина на её коже уже высохла, трескается при движении. Хрустит.

«Лёш» — мысль тревожная.

«Я здесь.» — успокаиваю.

«Мне страшно.» — признаётся.

«Трусиска. Держись ближе тогда.» — подкальываю, но сам боюсь.

«Если что, погибать так вместе?» — вопрос о главном.

«Хех, королева драмы. Вместе.» — клятва.

Факел в моей руке вспыхивает ярче. Будто ответил. Огонь живой.

Мы шагаем в темноту. В неизвестность. Вперёд.

Глава 7. Омут и глубь

Шестиметровый широкий водопад Талофофо грохочет впереди. Ну, должен грохотать. По рассказам Маши — жемчужина туристических достопримечательностей, вкупе с реконструкцией бамбуковой пещерки того самого Япошки. В нашем мире. Там, где мы родились. Там должна быть билетная касса, очередь за фото, сувенирная лавка с магнитиками и толпы туристов в панاماх.

Здесь — всё иначе. Полный андеграунд.

Туристов нет. Военный режим. Нелегальный провожатый. И сама пещера — не реконструкция для лохов, а настоящая, в четырёх километрах отсюда. Никаких тайфунов её не коснулось. Время здесь застыло, словно муха в янтаре. Консервация эпохи.

И ещё — дикое племя. Реальные аборигены, не актёры.

Параллельный мир Что ещё тут иное? Всё, блин.

«Да походу многое.»

Мысль Маши возникает у меня в висках так чётко, будто она прошептала прямо в ухо. Я даже оборачиваюсь инстинктивно. Машка стоит в шаге, сливаясь с тенью баньяна, но её глаза отражают свет водопада. Светятся в темноте, как у кошки.

«Мысли мои подслушиваешь?» — отправляю я обратно. Лента на лбу пульсирует в такт сердцу. Стук-стук. Синхро-

низация.

«Я не нарочно. Оно само как эхо. Откликается.»

«Да это я так, не жалеюсь» — успокаиваю. Хотя немного стремно. Приватность нарушена.

«Что-то сомневаюсь, что пещеры вокруг светятся изумрудным и лиловыми цветами, словно дышат в такт мычанию-пению и барабанам. Тебе тоже не кажется?»

«И правда. Глюк системы или реальность?»

Я поправляю парный амулет и тотем на шее. Неуютно как-то с ними. Будто душат, удавка какая-то. Обычно мы носили эти штучки «вечной любви», что сплели на Острове, на запястьях — так удобнее, меньше мешают. Если я вообще не забывал про них; но Машка всегда успевала напомнить: «Надень, неудача будет!». Но сейчас аутентично предложила на шею всё же перевесить. «Чтобы духи видели», — пояснила тогда. Я не спорил. Когда вокруг начинается такая чертовщина, спорить с приметам — себе дороже. Лучше перестраховаться.

Пейзаж в ночи наводит невольно саспенс и жуть. Не ту, что в фильмах ужасов, где скримеры выпрыгивают из-за угла под громкую музыку. А тихую. Холодную. Экзистенциальную. Когда понимаешь, что законы физики здесь — просто рекомендации, которые местные духи решили не соблюдать.

Тропа приводит нас к берегу перед водопадом. Озерцо. Или старица. Вода стоит неподвижно, чёрная, как зеркало из обсидиана. В ней не отражаются звёзды. Вообще ничего.

Просто гладкая, поглощающая свет поверхность. Чёрная дыра на земле.

Водопад Талофофо гремит прямо перед нами. Я вижу. Чётко вижу, как бурные потоки бьют о воду и испаряются в пустоте, не отдавая даже ряби. Вижу это глазами. Но не слышу ушами. Звука нет. Вернее, есть. Но ощущается иначе. Вибрация в венах, под ногтями, под кожей. Бас-трек, который чувствуешь телом. Уши слышат только гул собственной крови. Шум в голове. Свет от пещеры за шторой воды отражается в бассейне внизу, окрашивая воду в цвет большого нефрита. Зелёная жижа.

— Лёх, — Маша наконец произносит вслух. Голос звучит чуждо, слишком громко в этой неестественной тишине. Как выстрел. — Ты чувствуешь запах?

Вдыхаю. Нюхаю воздух.

Озон. Гниль. И что-то сладкое. Приторное. Как цветы, оставленные в закрытой комнате на месяц. Запах смерти и увядания.

— Цветы? — предполагаю я. Надеюсь, что цветы.

— Нет, — Маша подходит ближе, её плечо касается моего. Через ткань майки я чувствую, как дрожат её мышцы. Страх. — Это камень. Пахнет камень. Древний, мокрый камень.

Вдоль берега, полукругом, стоят они. Латте.

В деревне и на экскурсиях они казались просто древними фундаментами. Камнями и камнями. Сейчас, в свете факелов, Латте выглядят иначе. Мрачно. Каменные столбы-хали-

ги и плиты наверху — таса — отбрасывают тени, которые не совпадают с источником света. Физика отдыхает. Тени живут своей жизнью — дрожат, удлиняются, иногда исчезают совсем. Играют в прятки.

Племя рассаживается вдоль круга, соблюдая дистанцию. Никто не говорит. Нет барабанов, которые мы слышали раньше. Только ритмичный стук палок о землю. Тук тук тук Метроном.

«Но Лёш Каждый стук — звучит для меня для нас как барабан. Громкий удар.»

«Чертовщина какая-то» — соглашаюсь я. Голова идёт кругом.

Ана указывает нам место у края круга, рядом с большим баньяном, чьи корни уходят прямо в воду. Щупальца дерева.

— Сидите. Не входите в круг. Смотрите. Слушайте. Если станет плохо — закройте глаза. Но не уходите. Правило номер один.

— А если — начинаю я. Хочу спросить: «что будет?».

— Не уходите. Не стоит. Иначе будет не интересно, — повторяет Ана строго и растворяется в тени деревьев. Исчезла. Ниндзя малолетняя.

Мы садимся на влажную землю. Грязь холодит задницу. Машка сразу берёт меня за руку. Её ладонь холодная. Лёд.

«Лёх, лента»

«Знаю. Грется.»

«Нет. Она не грется. Она вибрирует. Как будто пытается

настроиться на радиостанцию. Поиск частоты.»

«У тебя так?»

«А у тебя нет?»

Я касаюсь пальцами прозрачной полосы на лбу. Действительно, не жар. Вибрация. Мелкая, противная, заставляющая сводить зубы.

И не только лента. Тотем на груди дёргается. Легко, едва заметно. Будто кто-то потянул за невидимую нить из темноты. Кукольный театр. Деревянный человечек с раскинутыми руками, которого я нашёл в лесу, вдруг становится тяжёлым, словно вырезан не из веток, а из свинца. Тяжесть несоразмерная.

Талисман любви рядом тоже тяжелеет. Будто в клевер внутри вплели грузы. Перо сокола топорщится, словно птица хочет взлететь прямо с моей груди. Живое перо?

И пинок сзади. Много пинков и холод. Из рюкзака. Там, где лежит Пустышка и вещи Опять ты разыгралась, черно-матерчатость? Чёрный камень, который Гай называл «сгустком антиматерии», будто живёт своей жизнью. Бунтует.

Мага'хаге шагает к воде. В руках чаша из кокоса. Плавно зачерпывает чёрную воду и выливает в огонь. Жертвоприношение воде.

Пламя не шипит. Вместо этого вдруг вспыхивает зелёным. Химическая реакция или магия?

Мага'лахи начинает петь. Низкий, гортанный голос. Это не похоже на молитву. Скорее — на отчёт. Доклад руковод-

ству. Там перечисляют имена. Не людей. Духов?

— Puntan Fu'una Taotao Aniti

Все остальные, включая Ану с её тоненьким голоском, подхватывают пение.

С каждым именем тени от латте шевелятся. Мне кажется, что один из столбов медленно поворачивается вслед за главным певцом. Камень скрипит о камень. Звук идёт не снаружи, а изнутри черепа. Скрежет в мозгу.

«Лёха, смотри на воду», — мысль Маши острая, как укол.

Поверхность озера рябит. Первая и единственная рябь. Неестественная по физике, не от водопада. Из глубины поднимаются пузыри. Они лопаются, и вместо брызг в воздух поднимаются светящиеся перламутровые искры. Светлячки из воды.

Но самое странное — не это. Главное шоу впереди.

Появляется отражение. В этой чёрной и непроглядной воде вдруг что-то можно разглядеть.

Отражаемся все мы, кто тут у воды. Только мы. Не огонь. Не звёздное небо. Не водопады. Только люди.

И там, где должны быть мы с Машкой — не мы.

На месте меня — там, в чёрной глади, сидит человек. В фиолетовом балахоне. С капюшоном на глазах. Монах? Сектант? На месте Машки — ещё один силуэт А сзади этих двоих — наша гоп-компания, что должна чилить на вилле у Гая: женатики, Лега. Тоже в таких балахонах.

Я моргаю. Протираю глаза.

Отражение в капюшоне моргает вместе со мной. Синхронно.

Но у него нет лица. Там, где должны быть глаза, нос, рот — гладкая поверхность. Как у манекена. Безликий.

«Маш, ты видишь?» — паника нарастает.

«Вижу. За нами» — её ответ полон ужаса.

Я резко оборачиваюсь.

За нашими спинами никого нет. Только корни баньяна и темнота джунглей.

«Они не за нами, Лёх. Они в воде. Мы смотрим на них, как сквозь кривое стекло» — объясняет мне.

Голос Мага'лăхи усиливается. Она уже не поёт — говорит на языке, которого не существует. Язык богов или демонов. Слова ломаются, скрежещут.

Лента на лбу взывает. Боль пронзает виски, острая, как игла. Сверло в мозгу. Я сгибаюсь, хватая ртом воздух.

Тотем — раскалённый. Печёт грудь. А на спине — ожоги от холода.

Я кричу. Не от боли. От того, что тотем жжёт кожу. Я хватаю «человечка», хочу снять — но не могу. Тот словно прирос к шее. Прикипел. Амулет становится ещё тяжелее, словно подвешенная гиря.

«Лёха!»

Машка вцепляется в моё плечо. Её мысли хлещут в меня потоком, сбивая боль.

«Всё в порядке. Держись.»

Я снова смотрю на воду.

Отражение изменилось. Человек в балахоне поднимает руку. И я чувствую, как моя собственная рука поднимается вслед за ним. Не по моей воле. Marionette. Synchronously.

Totem cooled — pulsates. Brightly glows with red light from under the clothing. LED in the chest. Cold from behind. Pinks ceased. Backpack calmed down.

Water in the lake begins to boil. Without heat. Cold bubbles pop, releasing the same sweetest smell of rot. Scent intensifies.

Tribe bows lower. Chins touch the ground. Prostration. Only Maga'hae stands straight, looking at the fire.

Green flame rises vertically, piercing the tree crowns. Torch to the sky. For a second the sky disappears. Instead of stars — grey shroud.

In this light I see Ix.

Not demons. Not monsters in classical understanding.

Entities. Tall, thin, like made of smoke and geometric figures. Abstraction. They stand on ladders. Observe.

One of them turns the head. He has no eyes, but I feel the gaze. Cold, evaluating. Scanning.

«R'lyeh wgah'nagl fhtagn», — sounds in my head. Not voice. Thought. Alien.

«Ngrkth lloig Yog-Sothoth»

«N'ghft mgah'nagl»

«Fhtagn R'lyeh»

Слова не имеют смысла, но я понимаю их. Переводчик в голове включился. Они о связи. О стабильности. О наблюдении.

Пламя резко опадает.

Зелёный цвет сменяется обычным оранжевым. Возврат к реальности. Тени ложатся на свои места. Вода в озере становится вновь чёрной и неподвижной.

Мага'лâхи замолкает.

Тишина возвращается. Настоящая. Не давящая своей неестественностью и пустотой. С цикадами и лягушками, которых не звучало до этого. Звуки природы вернулись.

Я сижу, опираясь на руки, и жадно глотаю воздух. Лента на лбу остывает. Боль уходит, оставляя после себя тупое онемение.

Тотем — холодный как лёд. Спину жжёт. Талисман — словно исчез, настолько стал лёгким.

Машка сидит рядом, бледная, но живая. Она смотрит на воду.

— Всё? — спрашиваю я хрипло.

Мага'хаге делает обход с чашей, все пьют из неё, словно причащаясь. Причастие духам. Подходит и к нам. В руках — та самая чаша. Протягивает чашу мне, намекая, чтобы я тоже отпил.

— Ладно — соглашаюсь я. Терять нечего.

Вода тёплая. На вкус — как металл и земля. Вкус ржав-

чины и грязи. Фу.

Маша тоже делает глоток. Grimасничает. Старая предводительница идёт далее.

— Лёх, — Машка трёт висок, где заканчивается лента. — Ты заметил?

— Что? — Спрашиваю механически.

— Когда пламя было зелёным Звёзды исчезли. Полностью.

— Я видел серое небо. Просто серый фон.

— Нет, — Машка качает головой. Упрямо. — Звезд не было. Совсем. Как будто мир выключили. Выдернули шнур из розетки. А потом включили обратно.

Я смотрю на озеро. В чёрной воде теперь отражаются звёзды. Настоящие. Красиво.

Но когда я всматриваюсь глубже, мне кажется, что на дне, в темноте, кто-то стоит. И машет рукой.

Я моргаю. Только вода. Глюк прошёл.

— Пошли отсюда, — говорю, поднимаясь. Ноги дрожат.

И лишь оборачиваюсь — картина мира и общий пейзаж меняются до неузнаваемости.

Это уже не глубь тропиков. Не «отшиб» цивилизации, который я знал. Джунгли исчезли.

Я стою на границе света и тени, глядя, как впереди разворачивается город-мираж. Архитектура перед глазами — не просто строения, это застывшая музыка из камня и золотистого света. Симфония в камне. Дома, похожие на древние

пагоды и одновременно на высокотехнологичные крепости, карабкаются друг на друга, вырастая прямо из скал. Вертикальный город. Фасады усыпаны тысячами огней, которые сливаются в единое янтарное марево, отражаясь в воде внизу и превращая горизонт в пылающий закат.

Передо мной — иллюзорный город. Миражная наслойка сооружений друг на друга. Будто кто-то воткнул гигантский кристалл в землю, и камень вокруг начал ползти вверх, застывая в причудливых формах.

Нечто восточное. Древние пагоды из тёмного, пористого базальта теснятся друг к другу, вздымаясь к небу бесконечными ярусами. Небоскрёбы древности. Стены покрыты резьбой — спирали переплетаются с чешуёй неведомых существ, узоры пульсируют в неверном свете, словно живут своей жизнью. Если всматриваться слишком долго — рябит в глазах. Будто камень смотрит в ответ.

Окна горят. Не огнём — изнутри самих стен исходит густой янтарный свет, подсвечивая матовые стёкла, подёрнутые инеем. Тысячи окон, террас и резных балконов смотрят друг на друга через пропасть. Всё это залито ровным, густым светом — кажется, будто сами здания впитали в себя энергию заходящего солнца и теперь отдают её обратно, окрашивая всё вокруг в оттенки меди и янтаря. Золотой час навсегда. Балконы, увитые лианами с фиолетовыми цветами, нависают над узкими улочками, где кипит странная жизнь.

Люди. Их много. Они движутся плавно, почти плывут

между зданиями. Левитация почти. Длинные туники из ткани, переливающейся как рыба чешуя, плащи, сотканые из паутины, головные уборы из перьев и раковин. Фэнтези-костюмы. Некоторые носят деревянные маски с вытянутыми лицами и пустыми глазницами.

Никто не смотрит на меня. Будто я прозрачен. Призрак для них. Что не мешает пихать меня. Вот мужик прет, даже не смотрит, эй

— Эй, аккуратнее! Придурок! — ору я.

Несмотря на мое предупреждение, здоровый мужлан отпихнул меня плечом, сплюнул под ноги и пошёл дальше, растворившись в золотистом тумане улицы.

— Козёл! — кричу ему вслед.

Природа не сдаётся. Пальмы, панданус, густая зелень пробивается между каменными плитами мостовых. Джунгли прорастают сквозь камень. Но среди них — акации. И странные деревья с плоскими кронами, похожими на зонты — их зонтичные кроны чернеют, как вырезки на фоне пылающего горизонта, на фоне неба. День. Облака, голубо-серая пелена, мерцающая как экран старого телевизора.

Внизу, в самой глубине расщелины-улицы, медленно несёт свои воды река. Её поверхность гладкая, как отполированное зеркало; вода будто не течёт, а словно замерла, отражая огни города и превращая бездну под ногами в бесконечный колодец из света.

Город дышит. Не метафорически. Буквально.

Я вижу, как стены зданий чуть-чуть расширяются и сжимаются, словно лёгкие. Дыхание города. Над ними медленно вращаются небольшие сферы, издавая звук, который я не слышу ушами, но чувствую костями — низкий, глубокий гул, от которого вибрируют зубы, а в висках стучит кровь в такт каменному сердцу этих улиц.

Здесь нет суеты. Тишина этого места звенит, прерываемая лишь далёким гулом, идущим от самих зданий.

Весь этот мир кажется гигантской декорацией, созданной для того, чтобы человек почувствовал себя крошечным и в то же время частью чего-то вечного.

Город медленно вдыхает вечность, его очертания уходят ввысь, этаж за этажом, шпиль за шпилем, пока не растворяются в туманной дымке, где свет становится нестерпимо ярким.

Шаг. Еще шаг. Нога ступает на мостовую — тёплую, пульсирующую. Камень под подошвой мягкий, как живая плоть. Отходит рябь. Зеркальное отражение. Водянистый, мягкий камень Жидкий камень?

И тут — крик.

Не снаружи. Внутри головы. Голос Маши, искажённый ужасом, пронзает сознание, как игла.

«Лёха! Помоги!»

Я рву с места. Инстинкт самосохранения и защиты. Ноги сами находят путь, будто земля под ними наклоняется в нужную сторону. Гравитация помогает. Толпа. Её много. Люди

не призраки. Твёрдые, потные, живые.

Все это мне не мерещится. Мы опять переместились. Черт, черт, черт Опять телепорт. Куда нас занесло?

Я врезаюсь плечом в торговца, несущего поднос с дымящимися шариками теста. Торговец шипит, шатается, но не падает. Устойчивый. Кто-то хватает меня за рукав — женщина в тканом плаще, глаза скрыты маской из перьев. Страж порядка?

— Куда прёшь, слепой?! — на английском, писклявый, надменный голос.

Я вырываюсь. Грубо. Бегу дальше. Паника нарастает.

Город вокруг меняется. Это не только базальт. Вот стена из спрессованного коралла, светящаяся изнутри бледно-голубым. Неоновая вывеска природы. Вот мост из переплетённого металла, уходящий вверх, к сферам. Киберпанк. Вот квартал деревянных домов на сваях, где сушатся сети и вяленая рыба. Рыбацкий район. Запахи смешиваются в кашу: пряности, машинное масло, гниющая зелень, озон. Смрад мегаполиса и джунглей.

«Маш! Где ты? Я не вижу!» — мысль срывается в эфир, отчаянная, путаная.

Ответ приходит не словами. Картинка. Вспышка в сознании.

Тёмный камень. Слева. На нём — резьба. Птица с расправленными крыльями. И рядом — синий свет.

Она передаёт то, что видит прямо сейчас. Картинка дро-

жит, смазывается от боли, но я узнаю узор. Мы видели такой на латге у водопада. Таотао Мо'на. Птица-дух.

Я останавливаюсь, кручу головой. Толпа обтекает меня, как вода камень. Поток людей. Кто-то толкает в спину, кто-то обходит стороной.

«Где, чёрт возьми»

Грудь жжёт. Не сердце. Амулет.

Парная фенечка с клевером и пером, что висит у меня на шее, вдруг становится тяжёлой. Будто макнули в жидкий металл. Свинец. Потом — рывок. Влево.

Ну веди. Куда, где? Показывай дорогу.

Я делаю шаг. Амулет тянет сильнее. Магнит. Ещё шаг. Теперь амулет не просто тяжёлый, он вибрирует, бьётся о ключицу, как пойманная птица.

«Вижу!» — посылаю Машке, чувствуя, как вибрация на груди синхронизируется с её страхом.

В ответ — волна облегчения, тут же заглушенная новой вспышкой ужаса.

«Быстрее» — мольба.

Я мчу туда, куда тянет амулет. Бегу на зов. Сворачиваю в узкий проход между стеной из чёрного камня и зданием из белого коралла.

Здесь свет меркнет. Темнеет. Фонари редки. Тени ложатся гуще. Мрак. Через минуту гул города обрывается, словно кто-то выключил звук. Мут. Я забегаю в глухую подворотню, где нет ни души. Тупик. Только холодный камень под нога-

ми и запах сырости. Плесень. Тишина давит на уши, звенит в висках.

Амулет на груди замирает. Всё. Пришли. Конец пути.

И тут я вижу конец тупика. Там, где узкий проход упирается в скалу, в городской пейзаж врезался водопад Талофофо.

Это невозможно. Водопад должен быть за километры отсюда, в джунглях. Но он здесь. Рёв воды заглушает всё, потоки бьют о камень прямо между домами, брызги летят на мостовую. Геометрия сломалась. Глюк матрицы. Город проглотил часть джунглей.

В нише, слева, темнеет плита. На ней — вырезанная птица. Крылья расправлены. Знак. А рядом, в трещине камня, пульсирует слабый синий огонёк. Точно как на картинке в голове. Совпадение? Не думаю.

И — движение. Тени шевелятся.

Трое в тёмных балахонах с капюшонами. Один держит нож у горла Маши. Угроза жизни. Второй вцепился в его руку, не даёт ударить. Сопротивление. Третий — высокий, сутулый — пытается оттащить нападающего. Борьба. Рядом с ним на земле — ещё двое. Женщина воеет, закрыв лицо руками. Истерика. Мужчина в балахоне с капюшоном пытается подняться, но падает обратно, слабый, больной.

Маша. Её глаза расширены от ужаса, она смотрит прямо на меня, губы шевелятся без звука.

— Машка! — ору я. Голос срывается.

Я бегу. Но ноги вязнут, будто иду по смоле. Болото. Расстояние не сокращается настолько, насколько бы мне этого хотелось.

Человек с ножом дёргает рукой. Попытка удара. Второй усиливает хватку. Блокировка. Третий — тот, что сутулый — хрипит, кашляет, но не отпускает.

Капюшон первого — того, кто с ножом — сползает.

Я вижу лицо.

Юлий.

Но не тот Юлий, которого я знаю. Да, на вид точно такой же. Тот же возраст, те же рыжие волосы, тот же шрам на подбородке. Клон? Только глаза Глаза горят безумным светом, зрачки расширены до предела. Наркоман или одержимый. Его губы искривлены в выражении то ли боли, то ли ярости.

Капюшон второго — того, кто держит руку с ножом — тоже падает.

Я замираю.

Это — я. Я. Точь-в-точь. Тот же разрез глаз, та же линия подбородка, те же шрамы. Те же двадцать пять лет. Двойник. Только взгляд В глазах — такая усталость, будто эта минута прожита уже тысячу раз.

Он смотрит на меня. На того, кто стоит в конце переуллка. На того, кто только что прибежал.

И в его взгляде страх. Он боится меня? Или за меня? Юлий вырывает руку, отпихивая другого в балахоне Капюшон спадает, как только человек падает на землю. Удар. Ле-

га Юлий замахивается ножом снова. Мой двойник усиливает хватку, хрипит что-то неразборчивое.

Маша смотрит на меня. Её губы шевелятся:

— Лёша

И мир вокруг начинает рассыпаться. Не по-настоящему. Я понимаю — это не видение. Но мир в эту миллисекунду будто сфокусировали на одном моменте. Лупа времени. Каменные здания трескаются. Разломы. Сферы на небе гаснут одна за другой. Выключение света. Акации превращаются в пепел.

Остаётся только переулок. Нож. Маша. Юлий. И два меня.

Тот, кто с ножом — Юлий — поворачивает голову. Смотрит на меня. Улыбается неестественной для человека гримасой. Улыбка Джокера. Зрачки сужаются в тонкую черную вертикальную линию и вспыхивают изумрудным сиянием.

Лезвие срывается с руки моего двойника.

Глухой звук удара металла. Хруст плоти. Нож рассекает шею Маши. Смертельный удар. Кровь полилась, как водопад, и падает в пустоту.

Все вокруг исчезает. Растворяется. Никто и ничто больше не важны.

И это не сон. Не иллюзия. Не галлюцинация. Реальность Маша умирает у меня на глазах.

Ещё два шага. Я бегу, но поздно. Реальность схлопывается до точки.

Юлия скручивают какие-то мазки. Тени, всплывшие из

стен пустоты.

А Маша — у меня на руках, которые тут же окрашиваются
её алой теплой кровью.

— Лё-ша — хрипит она.

— Маш! — кричу я в пустоту.

Мир гаснет.

Часть II - Иммерсия.

Глава 1. Леди в беде

Вой сирены.

Ууу. Ууу. Ууу.

Красные всполохи сквозь закрытые веки — как кровь под кожей. Точки, разводы, искорки Сон рвётся на лоскуты.

Инстинкт выживания работает безотказно. Подъем мгновенный.

Ууу. Ууу. Ууу.

Я открываю глаза.

Снова время пришло — навстречу незваным приключениям.

Источник раздражения в глубокой ночи укрылся в верхнем углу комнаты над цифровыми часами, показывающими ровно 3:00. Мелкая красная точка, незаметная доселе, вспыхивала и озаряла тревожными отблесками прежде спокойный салатный интерьер. Звук же идет снаружи окна.

Ноги сами сползают с кровати. Босиком по вылизанному авто-пылесосами деревянному полу подхожу к большому окну. За стеклом — суматоха. Люди в белых изоляционных комбинезонах бегут по тропе в сторону виллы Элизабет. Похоже, дело в британке Один спотыкается, падает, тут же вскакивает, машет остальным, что-то кричит — из-за сирены.

ны не разобрать слов, только обрывки: «она!...», «живо!...». И бежит дальше, будто за ним гонится сама смерть.

Значит, не ложная тревога.

Что там? Стоит открыть окно, послушать, о чём переговоры.

Щёлк.

По внутренней части рамы мгновенно опускается прозрачная плёнка. Не стекло. Не пластик. Что-то среднее — плотное, но эластичное, как затвердевшая смола. Холодная на ощупь, без единого признака жизни. Но внутри — слышная сквозь сирену вибрация. Медленная, ровная, как у спящего механизма. Прикасаюсь — плёнка не втягивает тепло, а отталкивает его, будто отторгает чужеродное. Поверхность слегка вибрирует, как натянутая струна под током. Отпускаю — и по пальцам пробегает лёгкое покалывание, как от статики и острых игол.

Понятно. Карантин. Дело действительно дрянь?! Не думал, что от британки столько проблем. Меры защиты Мимезиса — не шутка. Тут не обычный барьер. Тут сторож. И кто-то здесь уже решил, что я — угроза.

Посадил вслед за девой на карантин. Слово, от которого меня передёргивает. Не из-за страха заразы. Из-за клетки.

Отлично. Теперь я в клетке.

Как тот зверь в зоопарке, что смотрит на людей за стеклом и думает: «Вы свободны. А я — нет».

Но я не птица, которую можно посадить в золотую клетку

и кормить с руки. Я — вольный путник. И если что-то идёт не так, я уйду. Просто исчезаю.

Но не всегда стоит с этим спешить. Сейчас — для меня нет экстренной угрозы. По крайней мере — я о ней пока не ведаю.

Для начала огляделся. Комната — ловушка. Мягкие стены — всё прощупал при заселении: даже на удар кулаком реагируют поглощающе, как желе. Рука уходит внутрь, как в песок, и выталкивается обратно. Одно окно, одна дверь, вентиляция. И все три выхода теперь заросли мембраной. Каждый. И эта проклятая красная точка в углу, которая, наверное, ещё и записывает, и ведёт трансляцию. Но вроде внутри спокойно.

Вернуться в кровать? Пожалуй.

Уш. Уш. Уш.

На кровати — небрежно брошенная перед сном сумка у изголовья. Старая, потрёпанная, с пятнами от времени миров и следами когтей свирепого зверья. В сумке — артефакты реальностей, в том числе семь колец Vuoto Nero. Кольца, что могут помочь умыкнуть что-то из этого мира или перенести сюда по моему желанию.

«Магические исполнители желаний», ага, сейчас. Бедные сестры-итальянки так и не поймут, что Страпельки не создают материю из ничего. Лишь поглощают из других миров и подменяют. Перетасовывают колоды миров, кладя карту с той же рубашкой и мастью, в иную, словно бывалый фокус-

ник. Так же, как с их мертворождённым братом

Но я и без этого чуда жил. Главное в сумке — моя полимерная ткань. Полимер. На удивление — не военная разработка, а театральная, для уличных выступлений в параллели Вштейна. Хотя в ином мире такой могли бы овладеть и вояки. Благо, следом я попал в доброжелательный мир Хууолу Ана, где полимер не забрали, изучая меня, а даже улучшили и модифицировали еще сильнее, чтобы ткань адаптировалась к среде обитания и мирам, где окажусь. Довели до практически идеального совершенства и разработали механизм «Хамелеон Миров» специально для меня А изначально все функции Полимера придумали его создатели: артисты и костюмеры во Вштейне. Вот же удивленные были лица у ученых сверзвитого мира Хууолу Ана, узнавших, что какие-то актеры опередили их в идеях! Но так бывает: математический склад ума — не обязательно креативный.

Многослойный плащ, что греет, сушит, регенерирует, усиливает возможности человеческого тела. Всегда выручает. Всегда помогает. Без него было тяжело Подвернулся же случай влиться в труппу к бродячему цирку Дважды. Первый в молодости. Там приобрел навыки. А на второй раз, во Вштейне, обрел Полимер.

Это может помочь Элизабет. Теоретически. Полимер или кольца.

Но надо ли?

Уш. Уш. Уш.

Я — одиночка. Моё правило простое: не вмешивайся — и не пострадаешь. Но Элизабет

Британка не просила помощи. Она даже не выходила из своей виллы. До сих пор не рассказывала никому, кроме кого-то из девушек, что с ней случилось. Не наслаждалась дарами иного мира и современной цивилизации. Чёрт, я даже не знаю, откуда она! Не просто же из прошлого перенеслась. Там явно что-то иное.

Девушка очень странно реагировала на все мистические и хтонические обсуждения Гая ещё в России. И на мои рассказы о других мирах Отводила взгляд, заикалась, чесалась. Язык тела. Язык лжи. Язык, который я выучил раньше всех остальных, бродя в Саксонии.

Что же у тебя там случилось? Чего ты недоговаривала?

А теперь твоё и так изолированное жилище оцепили, как чумной дом в средневековье

Меня охватывает дрожь. Холод в груди. Не страх. Знакомое чувство. Из детства. Из тех времён, когда вокруг горели дома и носили страшные маски чумные доктора. Я не помню, что там было. Огонь Со мной тоже что-то такое было, до прихода на монастырский порог. Родители

Голова раскалывается. Что за барьер — каждый раз, как пытаюсь вспомнить? Ни гипнотизёры, ни учёные, ни эзотерики не помогли ни в одном из миров. Что-то серьёзное, критически важное наверняка. Но попытка вспомнить даёт только этот ледяной ком в груди. И знание: если тебя заперли

— значит, хотят чего-то. Хотят использовать. И не во благо. И это не кончается добром. Для окружающих — точно.

А окружающие в данном случае — и я?!

Закрывать глаза. Остаться в покое. В безопасной клетке для птиц, в которую не проникнет ни одна кошка. Наверное, все мои спутники также в изоляции, и никому ничего не угрожает Уйти опять в сон. Завтра узнаю, в чем был сыр-бор с британской леди.

Уш. Уш. Уш.

Красная тревога. Почему везде — красный? В каждом мире, где я бывал, тревога — именно красный. Не синий, не зелёный. Красный. Наверное, где-то глубоко, в самой основе мозга, зашито: «Опасность — кровь». Эволюция не шутит. Но мне не до эволюции. Хочу спокойно спать. Хочу вернуться в тот сон, где нет ни сирен, ни тревог, ни обязанностей быть героем.

Ведь в большинстве миров всё всегда решается без меня, путешественника между мирами, старого доброго Крэя Иногда даже не замечают моего отсутствия. Или присутствия.

А порой, даже чаще всего, эта самая «красная тревога» — просто ложный вызов. Беспокойство из-за пустяка. Кошка провод задела. Тарелка упала. Камин не потушили. Обычная чепуха. Возможно, и сейчас я придумываю Элизабет, быть может, в безопасности. Мимезис поможет.

Уш. Уш. Уш.

Да заткнись уже! Я сказал — не хочу. Дай досмотреть сон.

Он все еще тут интересный. Прошрое. Но не совсем моё. Или моё, но с чужими лицами. В прошлом же не было моих новых знакомых Леги и остальных? Определенно.

Братец Ли Он же был старше, когда мы расстались в Саксонии? Или моложе? Время здесь, как и везде, играет в прятки. Корабль. Жара. Солёный ветер в лицо

Образы путаются. Всё плывёт, как воск под огнём. Чётко, но неясно. Понимаю, но не улавливаю. Полумрак. Полусон. Полужизнь.

Уш. Уш. Уш.

Тревога. Шум. Бедлам.

Нет. Я так не могу.

Элизабет наглухо заперли. Значит, с ней что-то не так. На критическом уровне, не так, как по прибытии. Или сделают что-то не так. Мимезис — поможет?! Или сделает только хуже?

Вспоминаю её взгляд на экране вчера. Надела купальник. Готова выйти в люди. Готова вкусить плоды жизни.

Нет. Я не герой, не жертвенник Но привык совершать благие дела в каждом мире, если приходится. Поступать правильно. По кодексу Жизни. Иначе на кой-ляд, вообще, жить не по совести и только стремиться выживать?

Уш. Уш. Уш.

А ещё — праздный интерес. Мучает, зараза, с самого детства. Из-за любопытства сую нос не в свои дела, попадаю в передраги. Я ведь не верю Гаю до конца. Ни ему, ни его

«безопасному» острову. Если они что-то скрывают — я должен знать. Особенно, если это касается тех, кто тоже вдруг со мной путешествует. Привязан теперь ко мне.

Элизабет Не очень пойму — как, но и она тоже проскользнула сквозь грани миров вслед за мной.

Лега с компанией — я понял: комната в пространстве, перемещающаяся с органикой между реальностями, врата. «Игроков» в обманном квесте заставили решить то, что не могли в самом Мимезисе — некое таинство, запустить что-то. Что-то не знаю что.

У Алексея и его пассии — иной аспект: их пометили обручами, сделали шариками, что легко перекинуть в любой ящик пространства. Живые объекты, которых протиснули в иные реальности. Заставили собирать артефакты. Артефакты иных миров. Для чего? Неизвестно.

Одни прошли сквозь ворота. Вторые сами стали путниками и этими вратами.

А что с Элизабет? Что-то третье.

Я должен узнать — что.

Уш. Уш. Уш.

Хнай вас дери Чёрт. Невозможно так спать.

На этих мыслях рука сама находит в сумке цилиндр. Не стекло, не металл — соткан из тех же нитей, что и сам костюм Полимера, будто кокон куколки. Откупориваю. Внутри — словно не ткань, а свернувшаяся тень. Полимер лежит плотным клубком, будто спящий угорь, чья чешуя соткана из

светящихся волокон микроскопических оптических нитей.

Вынимаю. Тёплый. Почти живой. Конечно, это лишь мне так хочется думать о соратнике, которого столь давно надеваю.

Бросаю на пол в босые ноги — и ткань приходит в движение. Ползёт. Нити отзываются на тепло моего тела, на запах пота, на сам факт присутствия. Сначала — серый, матовый, как пепел. Потом мерцает: ловит свет лампы, переливается бирюзой, затем гаснет до глубокого индиго. Это не камуфляж. Это память. Или настроение ткани, помнящей миры, где я её носил.

Надеваю — не рукавами, а просто набрасываю на плечи. Ткань сама обвивается вокруг туловища, скользит по коже, не липнет, не давит. Швы? Их нет. Материал срачивается на молекулярном уровне — там, где должен быть шов, волокна переплетаются, срастаются, становятся единым целым. Если порвётся — залечится за минуту. Просто начнёт «расти» обратно, как грибница после дождя. Потому можно и оторвать пару «отмерших» слоев. Театралы умеют делать практичные вещи.

А карманы? Их тоже нет. Вернее, они везде. И не пустые. Под верхним слоем — сетка из электролюминесцентной кожи. Под ней — слой умных волокон, способных менять плотность. Когда нужно что-то спрятать — просто вдавливаешь предмет в ткань. Всё, что было при мне в прошлом мире, всё, что я собрал за переходы, — сжато внутри: пилюли, флако-

ны, капсулы, валюта других миров, даже скрепки и мелочовка. Костюм не хранит — уплотняет. При сворачивании волокна сжимаются, втягивая содержимое внутрь своей структуры, как губка вбирает воду. Ничего не теряется. Ничего не выпадает. Просто становится частью ткани — до тех пор, пока не понадобится. Никакой магии «больше внутри, чем снаружи». Умная упаковка: материал адаптируется под форму объекта, удерживает его магнитным полем на наноуровне и маскирует под общий рисунок ткани.

Полимер родился в цехах костюмеров и фантазий инженеров сценографов, где важны свет, движение, иллюзия. А также безопасность артистов, каскадеров в экстремальных условиях. Но в мирах, где иллюзия — это выживание, он стал чем-то большим, чем помпезный костюм. Греет, когда холодно. Сушит, когда мокро. Заживляет порезы, ушибы, ранения. Лечит мышцы и тело. Ведь негоже актёру не выйти на потеху публике из-за простуды или тяжкого вируса? Да и связки не должны сесть внезапно из-за прохлады.

Я нашел тебе сцену в размере бесконечных миров, старый друг. Рад, что тебе она столь по нраву.

Уш. Уш. Уш.

И вот уже, собранный, я у окна. Сумка через плечо. Пальцы скользят по прозрачной мембране. Та дрожит под моими пальцами, как испуганное животное. И колет. Ясно. Ничего нового. Значит, ты из этого типа.

Ладно, Гай. Поиграем в вашу игру.

Я видел сотни таких барьеров. В Пристани Скорби — силовые поля на основе плазмы. В Туманах Орхиза — засовы пара. В Пустошах Атрёла — печати из смолы и пепла. Все работают по одному принципу: не пропускают материю, чуждую от запрограммированной.

Эта мембрана — та же песня на новый лад. Могло быть что-то иное, к примеру органический живой заслон, или система свой-чужой, но тут у нас именно этот случай. Попроще.

Выход через окно, дверь или вентиляцию? За дверью — наверняка ждут. Не дураки же. Вентиляция — мерзко и узко.

Комната, что в тебе есть, что можно использовать? Стол. Стул. Кровать. И мини-бар. Там — бутылка местного рома, которую я не тронул. И стакан. Широкий, хрустальный.

Стекло, точно. Значит, берем стакан.

Все же надо сначала проверить простой способ. Моя кровь — часто ключ к отпиранию замков на органике и некоторых структур. Вроде не живой щит тут, но попытка не пытка. Резко провожу краем ногтя по фаланге, высекая каплю крови. Прижимаю к мембране.

Кровь исчезает. Мгновенно. Без следа. Мембрана даже не дрогнула. Все же верно. Значит, не органический барьер. Не боится жизни.

Полимер начинает тянуться к порезу, обматывая перчатками кровавый след, оберегая от заразы. Не мгновенно, но

спустя пару часов и царапины почти не останется.

Стекло. Окно и стакан. Один материал. Можно построить молекулярный мост-туннель, обманув заслонку. Такой туннель, как строят под реками.

Прижимаю стакан к мембране, заслонившей окно. Надавливаю. Легко. Медленно. Почти нежно.

Мембрана колеблется, послушно обтекая внешний контур стеклянного стакана. Мягкое соприкосновение. Раздается характерный, едва уловимый звук: стекло о стекло. Мембрана пропустила однородный материал, и теперь стакан плотно прижат к окну. Пространство внутри — прямой проход, туннель к цели. Осталось лишь пробить преграду: дно стакана, слившееся с окном, — одним резким импульсом. Полимерная перчатка уже плотно охватила мои пальцы, срастаясь с кожей. Чувствую, как нейроны вспыхивают, передавая усиленный сигнал к мышцам, как под легким слоем брони натягиваются искусственные волокна.

Удар.

Дно стакана с частичкой окна вылетают наружу единым ровным диском. Туннель готов.

Мембрана не рвется мгновенно, а начинает стремительно стягиваться к центру пробоины, пытаясь восстановить молекулярные связи. Но стакан, плотно вбитый в окно, работает как распорка. Края битого стекла впиваются в структуру мембраны, блокируя регенерацию.

Теперь — главное. Если просто вынуть стакан, отверстие

схлопнется за доли секунды.

Осторожно выбиваю остатки дна, превращая стакан в полную сквозную гильзу. Засовываю руку в импровизированный стеклянный коридор. Мембрана чувствует тепло и движение; она сокращается вокруг стакана, как живой сфинктер, пытаясь вытолкнуть имплантированную «занозу» вместе с моей рукой. Давление нарастает, липкие края пытаются просочиться сквозь микротрещины.

Но я знаю, как перегрузить её структуру. Вместо того чтобы сопротивляться сжатию, резко подаю руку вперед и рывком дёргаю стакан на себя, заставляя мембрану растянуться до критического предела.

Раздается сухой, полимерный треск. Молекулярная сетка, натянутая на острые края стеклянной гильзы, не выдерживает комбинированного напряжения — химического и механического. Разрыв идет по всему периметру рамы.

Мембрана бессильно опадает лоскутами. В комнату врывается свежий воздух.

Хех. Слишком просто. Лучше б сразу прочные ставни опустили — было б надёжнее.

Едва мысль оформилась — в стене над окном что-то звякает.

Успеваю отдернуть руку в последний момент, прежде чем ее не защемило или, того хуже, оттяпало. Рефлексы вкупе с стимулирующим импульсом Полимера помогли. Снизу поднимается металлическая решётка. Чёрная. Толстая. Сразу за

ней — массивные ставни. Железные. Со скрежетом встают на место, глухо запирая окно, вентиляцию сверху, а затем и дверь за спиной. А мембрана изнутри окна затянулась поверх свежей стали.

Мимезис предусмотрел даже мой сарказм.

—Vrak'thul. Fanganiysk Strän

Ругательство сорвалось громко на языке мира, где впервые попробовал настоящий кофе. Странно, как спонтанно приходят такие вещи на ум.

Отлично. Теперь выхода нет. Ни через окно, ни через дверь.

Что ж. Значит, как ни жаль, — «Пепельные Черви», эхо Тхал-Мора. Параллели, где дождь давно стал мифом, а ветер веками гравировал скалы, превращая хребты в тончайшую взвесь. Там не строили городов — там воздвигали Башни Молчания. И только их. Всем миром. Вокруг них строилось общество. Величественные иглы из чёрного базальта не складывали из кирпича; древние зодчие вырезали Башни прямо из полотна местной реальности. Их высшее искусство — умение убирать лишнее, обнажая пустоту.

Черви были их главным резцом.

Эта кибер-органическая наноформа — не дитя природы, а плод кристаллических маток, скрытых под песками Скорбящего Ветра. Каждый сегмент — размером с ноготь: безглазый, серый, лишенный даже намёка на пасть. Внутри пульсирует ядерный фермент — нестабильный состав, анниги-

лирующий любые молекулярные связи. Камень, композит, титан или силовое поле — для этого реагента нет разницы. Лишь живая ткань, пульсирующая органикой, остаётся для него невидимой. Это вечное проклятие Червей — и единственный способ их удержать.

Забавно, что при первом контакте я этого не знал. Остался гол как сокол, только в плане буквальном. Хорошо хоть только одежду сожрали — Червей было мало. Дюжина, не больше. Чуть больше — и обувь, и сумку с содержимым тоже бы слопали. Тогда я просто высыпал горсть из пробирки на базаре, не зная правил. Бегать голышом среди чужих, не зная ни языка, ни законов, — занятие не для слабонервных. Особенно когда тебя принимают за сумасшедшего бога или шута.

Теперь же в заднем кармане Полимера перекатываются три мелкие сферы. На ощупь — холодная галька, на деле — гемо-капсулы из гипер коагулированной крови. Чтобы запереть рой в такую темницу, требовался литр плазмы мастера-костоправа: очищенный, сгущённый под чудовищным давлением и превращённый в биологический обсидиан.

Всего три осталось Жалко тратить, наверняка есть и другие варианты, но уже раздумывать некогда. Одной хватит. На свету капсула отливает глубоким багрянцем, скрывая внутри шевеление тысяч крошечных тел.

Их создавали для ювелирного зодчества, но в моих руках они — ключ от всех дверей. Фермент пробуждается лишь

при контакте с «мёртвой» структурой. Стоит червю коснуться чужеродного атома — и он начинает поглощать преграду, одновременно сгорая сам. Один укус — одна жизнь. Мгновенная кристаллизация, обезвоживание, распад в серую труху. Это не гибель паразита, а финальный акт творчества.

Их всегда легион. Не армия захвата, а литания в действии: где каждый жнец — одновременно и жертва, а каждая проеденная каверна — алтарь его исчезновения.

Подхожу к стене. Не к окну, не к двери — именно к глухой стене. Композит, бетон, стекловолокно. Должно хватить червей на толщину, в отличие от металлической решетки и ставней вкупе с мембранной защитой.

Здесь нужно быть аккуратным: мой полимерный костюм для них — лишь ещё один слой серой преграды. Только моя живая кожа и плоть священны.

Подношу капсулу к губам. Теплое дыхание размягчает биологический замок. Каменный глянec становится податливым, как воск. Надламываю оболочку и вытряхиваю содержимое на стык панелей — аккуратно, словно драгоценный прах.

Черви не ползут. Они вгрызаются в само пространство.

Сначала — вакуумная тишина, поглотившая даже сирену. Секундой позже её разрезает ультразвуковой скрежет: так звучали бы миллионы игл, вскрывающих зеркало. Стена дрожит. По монолиту бежит паутина микротрещин, из швов сочится сизая пудра. Это не дым. Это останки тех, кто за

мгновение до аннигиляции успел исполнить своё предназначение.

Мембрана на окне дергается — пытается потянуться к трещинам, закрыть брешь. Но не может. Её протоколы самовосстановления работают только с цельными поверхностями. А здесь — не повреждение. Здесь — аннулирование структуры. Фермент червей оставляет после себя остаток, который система распознает как несовместимый с реальностью. Попытка интеграции — сбой. Мембрана откатывается. Замирает. Отключается.

Черви не уничтожают защиту. Просто делают её бессмысленной.

Но на окне или двери с решеткой — навряд ли б пробило до самого конца. Или пришлось бы тратить все три сферы.

Три минуты.

Перед глазами зияет идеальный лаз. Ровные края ещё гудят от ярости угасающего фермента, а воздух пахнет озоном и старой кровью.

Путь открыт.

Наконец-то я снаружи. Ночь. Звёзды — холодные свидетели, рассыпанные по небу, как битое стекло. Бегу по тропинке, едва выхваченной из тьмы тусклыми пятнами садовых фонарей. Вокруг — душный плен тропического сада, запах прелой листвы и жасмина.

У меня нет сомнений. Иногда лучше вмешаться и сгореть, чем потом всю жизнь глотать пепел сожалений.

Элизабет там. Впереди проступает силуэт карантинной виллы. Но что-то не так. Мембрана, что у меня в доме заволакла лишь проёмы, здесь разрослась в безумный футляр из живого света. Он опоясывает всё поместье, словно исполинская паутина: нити — от деревьев к кустам, от бассейна к забору. И всё это пульсирует в тьме тревожным, багровым ритмом. Будто здание накрыли гигантским окровавленным колоколом.

В голове на бегу крутится глупая фраза из старой французской книжки: *demoiselle en détresse*. Леди в беде. Прочел еще в Саксонии, под дождём, пока сестры спорили, кто краше — пастух или чумной лекарь.

Тогда казалось романтикой. Пылью на страницах.

Потом слышал ту же фразу везде. На всех языках. Во всех мирах. Та же песня: дева в беде — и мужчина, что бросается бедняжке на выручку.

Сколько раз я сам играл эту роль в избитом сюжете? Сколько раз видел, как другие мужчины ломали об неё свои жизни?

Мужчина бросается в огонь не потому, что герой. А потому, что не может не броситься. Это не выбор. Это рефлекс. Как отдёргнуть руку от раскалённого железа. Как ухватиться за край, когда падаешь.

Даже в мирах, где женщины правят городами и режут глотки на завтрак, всё равно находился кто-то уязвимый и несчастный в беде, тот, кто ждал. Смотрел в окно. Верил:

кто-то придёт. И спасёт.

И почти всегда — приходил мужчина. С тяжёлым мечом. С верным ружьём. С голыми окровавленными руками. С ослепительной улыбкой или со шрамом, перечеркнувшим лицо. Не важно. Мужчина шёл.

Потому что мы так устроены. Не воспитанием. Не пропагандой. А плотью. Миллионы лет назад мы вышли из пещеры не за мясом для пропитания — а чтобы защитить тех, кто остался внутри. Эта память до сих пор живёт в костях, в крови, в том, как рука сама тянется вперёд, когда видишь чужую боль.

И дело даже не в «деве». Не в красавице в башне. О нет. Это может быть сестра. Подруга. Дочь. Незнакомая девочка у дороги. Старуха, которую толкают в толпе. Раненый зверь. Любой, кто слабее в сей миг. Любой, чья боль отзывается в тебе, как эхо собственного страха.

Мужчина не выбирает, кого спасать. Просто чувствует, где боль. И идёт. Даже если знает, что погибнет. Даже если его не ждут. Даже если потом скажут: «Зачем? Она сама виновата».

Потому что защита — не услуга. Не подвиг. Это состояние бытия. Как дыхание. Как сердцебиение.

Рапунцель. Мари. Хейменгаур.

Элизабет.

Я не герой. Я усталый путник, который слишком часто оказывался не в том месте и не в то время.

Может, Элизабет и не ждёт рыцаря. Или ждёт, но не меня. Да и мужчин во спасение и так мчится не мало. Мне плевать.

Если сейчас остановлюсь — позволю превратиться ей в возможную историю, которую потом расскажу за ромом в одном из миров: «Вот была такая бедняжка. Жаль, никто не успел». А она не бедняжка. Она — человек.

Не сегодня.

Я иду. Только дождись, моя «Леди в беде».

Глава 2. Спиритизм. Оккультизм. Элизабет

Туман в Девоншире той октябрьской ночью 1895 года не просто скрывал пейзаж — он пожирал его. Это была живая, осязаемая субстанция, густая и молочная, пропитанная тяжёлым дыханием сырого торфа, гниющих водорослей и чем-то металлическим, острым на вкус.

Элизабет вспомнила этот привкус внезапно и не к месту: так пахла кровь на губах после того неловкого, поспешного поцелуя с виконтом Артуром Эшфордом в оранжерее во время её собственного праздника по случаю двадцатилетия. Прошёл всего месяц, но сладкое волнение от того вечера всё ещё холодило кожу, смешиваясь с новым, тревожным запахом.

Тогда, в порыве юношеской эйфории и шампанского, она позволила себе нарушить приличия, и холодный металлический вкус на губах лишь добавил остроты моменту. Сейчас же этот вкус был иным — он напоминал запах озона после удара молнии, смешанный с запахом старой меди, словно кто-то натер монеты кровью. Но разве не так должно пахнуть настоящее приключение?

Кареты, одна за другой, выплывали из белой пелены подобно древним, слепым китам, всплывающим на поверх-

ность мертвого океана. Четверка гнедых лошадей, запряженных в экипаж Элизабет, ступала неуверенно, утопая копытами в вязкой, чавкающей глине просёлочной дороги. Лошади фыркали; глаза животных побелели от ужаса, хотя перед ними не было ни волков, ни пропастей. Они чуяли то, чего не видели люди: тонкие, липкие нити эфира, опутывающие дорогу, невидимые щупальца, тянущиеся из особняка.

Внутри кареты воздух был спертый, душным от аромата увядающей лаванды, старых духов и липкого, электрического напряжения. Когда кто-то из гостей смеялся слишком громко, на стеклах окон мгновенно проступали узоры инея, расползаясь как паутина, а затем так же быстро таяли, оставляя влажные дорожки. Для Элизабет это привычное зрелище: в хорошем обществе эмоции всегда находили выход в материи, и контролировать свои флюиды, дабы не заморозить собеседника насмерть, считалось таким же правилом приличия, как и умение вовремя опустить взгляд.

В огромной шестиместной карете теснилось шестеро самых отчаянных молодых людей графства. Элизабет сидела рядом с виконтом Эшфордом — высоким мужчиной с угольно-черными волосами и пронзительными серыми глазами, которые сейчас блестели опасным весельем. Виконт пользовался теснотой как оправданием для самой откровенной близости: его колено касалось её бедра, и каждый раз, когда колесо попадало в выбоину, он не извинялся, а лишь тихо смеялся, находя повод прижать её руку своей холодной,

сильной ладонью.

В моменты такого контакта перчатки Элизабет начинали едва заметно светиться изнутри мягким голубоватым светом, реагируя на соприкосновение их аур, пока ткань снова не становилась обычной, стоило ему отпустить её. От него пахло дорогим табаком, лавандой и тем самым металлическим привкусом запретного волнения.

Напротив устроилась Марта — рыжая, вся в веснушках, с копной светлых локонов, выбившихся из-под кружевного чепца. Тонкие пальцы нервно теребили воротник, но в зеленых глазах плясали бесенята. Рядом с ней сидели кузины: высокая и статная Клэр с иссиня-черными волосами, собранными в строгий, но элегантный пучок, и миниатюрная кудрявая Беатрис, чье лицо казалось фарфоровым в тусклом свете фонаря. Замыкал компанию мистер Хейс — грузный джентльмен с пышными рыжими бакенбардами и неизменным моноклем, который он протирал даже в полной темноте; линза его прибора иногда ловила отблески фиолетовых искр, пробегающих по воздуху внутри кареты, невидимых для непосвящённых, но столь же обычных для них, как блеск серебра на столе.

Элизабет порывисто, но с удовольствием разгладила складки своего платья. Ткань — лёгкий, почти невесомый муслин цвета слоновой кости — шуршала при каждом движении, словно сухие листья под ногами в парке близ родного дома.

Этот наряд был сознательным анахронизмом. Никаких кринолинов, никаких турнюров. Платье эпохи Георга III, фасона 1785 года, найденное на чердаке, стало их билетом в сказку. Приглашение лорда Блэквуда, написанное витиеватым почерком на бумаге цвета запёкшейся крови, гласило: «Чтобы вернуться к истокам, когда завеса между мирами была тонка, как дыханье спящего»

Стоило Элизабет коснуться ткани, как она сразу почувствовала странный резонанс: нити муслина на мгновение стали жесткими, будто натянутые струны, вибрируя в унисон с её пульсом, а затем снова обмякли, будто платье помнило тех, кто носил его столетие назад, и теперь шептало ей на ухо забытые слова. Умение слышать шёпот вещей было первым уроком, который преподавали девочкам в пансионах высшего света, и Элизабет владела этим искусством в совершенстве.

Элизабет поймала своё отражение в тусклом стекле окна. Из темноты на неё смотрело знакомое лицо — бледное, с темными кругами под глазами, которые девушка тщетно пыталась скрыть пудрой. Курносый нос, предмет насмешек в детстве и восхищения в юности, сейчас казался ей слишком заметным, слишком уязвимым в обрамлении тяжелых теней кареты. Темные волосы, уложенные в высокую, модную в столетней давности прическу, уже начали выбиваться из шпилек, и непослушный локон прилип к влажному виску, вокруг которого воздух мерцал легкой дрожью, как над го-

рячим камнем. Она выглядела не как светская львица, а как испуганная девочка, наряженная в чужое платье. Но в глубине серо-голубых глаз, широко распахнутых от предвкушения, горел тот самый огонь, что заставил девушку рискнуть всем ради этой ночи. Огонь, который не мог погасить даже ледяной туман Девоншира.

— Ты дрожишь, Лиззибэт! — воскликнула Марта, и голосок прозвучал звонко, перекрывая стук колес. В тусклом свете веснушки казались золотой пылью, медленно перемещающейся по коже, словно живые частицы. Рыженькая небрежно щелкнула пальцами — простой жест, которому учат ещё в детской, чтобы разрядить излишнее напряжение, — и кончики её ногтей на секунду вспыхнули крошечными зелеными огоньками, осветившими улыбку.

— Мауһар мы и вправду летим на шабаш? — Марта рассмеелась, но в смехе сквозила нотка настоящего, сладкого ужаса. — Странная дрожь, hath завладела мной, будто кто-то ходит по моей могиле... Слуги в деревне шепчутся о тенях без хозяев, уе кер? И луна! Посмотри, какая она не форменная! Моя Дам предупреждала: «Такие сборища разных сословий будят “Древний Голод”». А мы здесь, словно актрисы из *penny dreadful*! Боже правый, я видела это! Мимо окна пролетела фигура... безлика, Лиззибэт! Naught серый дух!

— Ох, Марта, твои духи наверняка умирают от скуки в этой глуши, — фыркнула Клэр, поправляя высокий воротник своего платья.

При касании пальцев ткань ворота на секунду стала прозрачной, словно стекло, прежде чем вернуть свою плотность — изящный фокус, демонстрирующий власть над материей, столь ценимая в их кругу. Клэр легонько хлопнула в ладоши, и звук хлопка размножился эхом, заполнив карету несколькими накладывающимися друг на друга отзвуками, создавая иллюзию наполненности пространства невидимыми гостями. Её смех был низким и немного насмешливым.

— Если безликие явятся, я потребую, чтобы они станцевали менуэт. Надеюсь, у призраков восемнадцатого века лучше чувство ритма, чем у местных музыкантов.

— А я надеюсь, они будут поэтичны, — мечтательно вздохнула Беатрис, прижимая к груди кружевной платок.

Голубые глаза мечтательницы расширились, и в зрачках на мгновение отразился не интерьер кареты, а какой-то далекий, звездный пейзаж — дар ясновидения, свойственный многим девушкам такого склада. Беатрис провела рукой по воздуху, будто рисуя невидимые строки, и за гибкими пальцами потянулся шлейф из мерцающей серебряной пыли, который медленно растворялся в темноте, оставляя после себя запах озона.

— Представьте: бесплотные воздыхатели, шепчущие сонеты в тумане. Разве это не романтично?

— Романтично, пока они не попытаются утащить вас в болото, мисс Беатрис! — громогласно заявил мистер Хейс, лихо подбрасывая серебряную фляжку.

Металл в полете оставил за собой короткий светящийся след, словно комета, очерчивая траекторию в эфире. Мужчина щелкнул языком, и в воздухе перед ним на долю секунды возникло живое пламя, осветившее довольное лицо, прежде чем исчезнуть с тихим хлопком, не оставив даже запаха гари.

— Но риск — дело благородное! За свободу и сто лет молодости! И за то, чтобы эти самые тени оказались хорошими собутыльниками!

Все рассмеялись, но виконт Эшфорд лишь улыбнулся уголками губ. Сосед медленно повернулся к Беатрис, его взгляд скользнул по хрупким плечам. Тени в углах кареты, куда не доставал свет фонаря, начали медленно сгущаться, принимая очертания человеческих фигур, внимательно слушающих разговор — обычное дело для тех, кто умеет договариваться с сумраком.

— Поэзия поэзией, милая Беатрис, но будьте осторожны с желаниями, — произнес виконт тихо, и его бархатный голос заставил девушек притихнуть.

Голос виконта звучал так, будто исходил не только от него, но и отзывался эхом прямо у них в головах, проникая в мысли напрямую, без посредничества ушей. Эшфорд небрежно повел рукой в воздухе, и тени тут же замерли, словно послушные собаки, ожидающие команды.

— В местах силы слова материализуются быстрее, чем вы успеете моргнуть. Если вы пожелаете поэта, вы получите его. Даже если для этого кому-то придётся... пожертвовать голо-

сом.

Виконт многозначительно взглянул на Элизабет, и та почувствовала, как жар разливается по щекам. Воздух вокруг неё стал горячим и сухим, заставив муслин платья снова завибрировать в унисон с её смущением.

— Вы любите пугать нас загадками, милорд, — произнесла девушка, стараясь звучать легко, но её сердце забилось чаще. — Сначала призраки, теперь жертвы? Что дальше? Кровь девственниц на закуску?

— Я лишь констатирую факты, моя дорогая, — парировал виконт, принимая фляжку из рук Хейса.

Его пальцы слегка сжали её руку, и это прикосновение обожгло сквозь ткань перчатки, оставив на коже легкий, светящийся узор в виде кольца, который исчез через секунду, словно подпись невидимыми чернилами. Он щелкнул пальцами другой руки, и крошечная искра, похожая на миниатюрную молнию, перепрыгнула с его ногтя на фляжку, заставив ту на мгновение засветиться изнутри теплым янтарным светом.

— Лорд Блэквуд привёз «Книгу Мёртвых». Это не книга сказок. Это инструкция. И если мы последуем ей, то станем не просто гостями, а участниками. Соавторами действия. Разве не diverting осознавать, что сегодня в ночи мы можем изменить правила игры?

— За соавторов! — поддержал Хейс, чокаясь фляжкой о колено Клэр.

При ударе металла о ткань раздался звук, похожий на удар колокола, и от места касания разошлась видимая глазу рябь, искажающая пространство внутри кареты на долю секунды, словно поверхность пруда, тронутая камнем, что вызвало новый взрыв смеха.

— За то, чтобы наши имена остались в истории! Или хотя бы в хрониках этого безумного вечера! — добавила Клэр, сверкнув белыми зубами, которые на мгновение показались слишком острыми в неверном свете.

Кузина постучала ногтем по стеклу окна, и иней тут же сложился в сложный геометрический узор, повторяющий движение пальца с точностью циркуля — забава, которой компания тешила себя во всех долгих поездках.

Элизабет посмотрела на своих друзей: на рыжий локон Марты, на строгий профиль Клэр, на мечтательную Беатрис, на шумного Хейса и загадочного Эшфорда. Страх всё ещё сидел где-то глубоко в животе холодным комком, но сейчас казался лишь пряностью к этому странному пиру. Здесь, в этом пузыре из стекла, серебра и воли, магия была не чудом, а языком, на котором все они говорили с рождения.

— За историю, — тихо сказала девушка, поднимая воображаемый бокал.

Кончики её пальцев при этом оставили в воздухе три светящиеся точки, повисшие перед ней, как маленькие звезды. Элизабет сделала легкий жест рукой, и точки соединились тонкой светящейся линией, образовав идеальный треуголь-

ник, который медленно растаял, растворившись в эфире.

— И за то, чтобы утро застало нас теми же, кем мы есть сейчас.

Звон серебра фляжки, смешавшись с громким, беззаботным смехом, на мгновение заглушил даже нарастающий вой ветра за окном. Казалось, внутри этой кареты создан свой собственный мирок, защищенный от любого ужаса силой юности, красоты и предвкушения чуда. Но снаружи туман сгущался, становясь непроглядно черным, а лошади все чаще шарахались в сторону, чувствуя, что праздник, который их ждет, может оказаться слишком долгим для смертных.

Карета резко дернулась и остановилась, словно уперлась в невидимую стену из застывшего эфира. Кучер что-то крикнул снаружи, но крик потонул в внезапном порыве ветра, который завыл в невидимых ещё трубах дымоходов, словно раненое животное. В этом вое слышались отчётливые слоги, гортанные звуки, от которых закладывало уши — древние слова призыва, сорванные ветром с крыш. Но компания внутри восприняла все лишь как специальную звуковую декорацию, часть театрального антуража, столь любимого лордом Блэквудом. Мистер Хейс даже одобрительно кивнул, будто оценивая работу оркестра перед началом оперы.

Дверца распахнулась, и холодный влажный воздух хлынул внутрь, сбивая дыхание и разнося запах серы и жжёного сахара — аромат карамели и фейерверка, знакомый каждому, кто хоть раз присутствовал на спиритическом сеансе высше-

го света.

— Особняк Блэквуд-Холл, мисс, — пробурчал кучер, не поднимая глаз. Лицо возницы оказалось болезненно бледным, покрытым холодной испариной, а зрачки бегали, избегая прямого взгляда на пассажирок. Ливрея темно-зеленая, с вышитым на спине гербом: глаз в треугольнике, окружённый змеями. Элизабет узнала этот символ. «Всевидящее Око», но искажённое, вывернутое наизнанку. Здесь око смотрело не вниз, с небес, охраняя божественный порядок, а вверх, из бездны, приглашая хаос. Змеи на гербе, казалось, медленно шевелились в тусклом свете, меняя положение колец — простая иллюзия, созданная игрой теней и особыми нитями, которые меняли цвет от тепла, но молодым людям это показалось лишь искусной вышивкой, ожившей в свете фонаря.

— Советую не задерживаться до рассвета, — добавил кучер тихо, почти сочувственно, и в его голосе прозвучала такая искренняя тревога, что смех на мгновение стих, уступив место напряженной тишине.

Кучер наконец поднял глаза, и Элизабет увидела, что зрачки мужчины расширены до предела, полностью поглотив радужку, словно тот слишком долго смотрел в бездну или работал с мощными эфирными потоками без защиты.

— Ныне луна... она не та, какой должна быть. Она следит неправильно.

— Nah, Лиззибэт! Слышишь?! Не стоило нам сбегать под покровом ночи. Родители придут в гнев, если узнают! —

Марта выпучила глаза, но на этот раз мимика была чисто театральной, полной притворного ужаса, от которого все снова рассмеялись, расслабляясь.

Рыжая озорница драматично прикусила губы, изображая испуг, и щелчком пальцев зажгла над своей ладонью маленький огонек, чтобы подсветить своё «перекошенное страхом» лицо.

— Он сказал — следит! Она смотрит на нас! Ох, берегитесь, wraiths!

Элизабет лишь усмехнулась в ответ, чувствуя, как рука виконта уверенно поддерживает её локоть. Его кисть слегка сжалась, передавая ей спокойствие через ткань платья, и муслин перестал вибрировать. Холодный ком в желудке еще остался, но уже походил на тот, что бывает перед выходом на сцену или первым прыжком с балкона — приятное головокружение от риска. Девушка поправила перчатку, пряча дрожь пальцев, которая теперь была исключительно от возбуждения.

— Луны не умеют смотреть, Марта, даже если очень стараются, — прокомментировала с игривой ноткой в голосе, легко поправляя выбившийся локон, который тут же послушно улёгся на место, подчиняясь воле хозяйки. — Это лишь свет, подчиненный законам физики и воле Старших. Да, им могут управлять наши наставники, направлять его течение, но сам по себе свет слеп. И перестань коверкать моё имя на людях, мы не в детской, а на самом интересном балу

сезона.

— Не бал, Лиззибэт, а спиритический клуб по интересам. Помни, тут не сплошь аристократы, манеры собравшихся здесь не всегда учтивы и столь утонченны, как наши.

— Пошли же! Не будем заставлять лорда Блэквуда и его духов ждать. Они, знаете ли, не любят, когда опаздывают к началу ритуала.

Элизабет первой шагнула на мокрую землю. Изящные туфли не увязли в грязи: стоило подошве коснуться почвы, как тонкий слой инея мгновенно сковал грязь под ногами, создавая твердую хрустящую дорожку — маленький бытовой фокус, которому благородных леди учили для сохранения чистоты платьев в любую погоду.

Следом высыпали остальные, смеясь и подталкивая друг друга. Мистер Хейс, выходя, хлопнул дверцей кареты, и та захлопнулась сама, без помощи кучера, притянутая невидимым магнитом замка. Клэр прошла по ледяной дорожке Элизабет, оставляя за собой следы из крошечных светящихся цветов, которые тут же таяли в воздухе. Беатрис шла, держась за руку виконта, и тени вокруг них стелились мягче, словно ковровая дорожка, уступая путь гостям.

Молодые и озорные леди и джентльмены остановились перед особняком, готовые принять любую игру, которую приготовил для них этот странный, живой мир. Фиолетовый свет лился из окон, омывая лица неземным сиянием, и в этом свете глаза блестели азартом игроков, входящих в казино, где

ставкой служат не деньги, а сами души. И ни один из них в эту минуту не сомневался, что выиграет.

Перед компанией, возвышаясь над обрывом, стоял дом. Поместье не выглядело уютным викторианским уголком из красного кирпича, увитым плющом, каким его описывали в путеводителях. Перед ними поднималась мрачная, готическая громада из чёрного базальта, грубого, необработанного камня, словно вырванного из недр земли и лишь слегка причесанного безумными архитекторами. Здание казалось не построенным, а будто выросшим из скалы, как часть самого ландшафта, нарушающего привычную гармонию природы своей дикой мощью. Стены пульсировали. Едва заметно, в ритме медленного дыхания, камень расширялся и сжимался, издавая низкий гул, который ощущался не слухом, а вибрацией в костях. Для компании это стало знакомым ощущением — так всегда реагировали старые места силы на присутствие гостей, и юнцы восприняли эту вибрацию как приветственный салют.

Окна особняка светились не привычным тёплым жёлтым газом, а тусклым, болезненным фиолетово-зелёным сиянием, пульсирующим в ритме, от которого у непосвящённых могло закружиться голова. Свет напоминал свечение глубоководных рыб или редких болотных мхов, фосфоресцирующих в темноте. Из некоторых окон вырывались клубы странного дыма, который не рассеивался в воздухе, послушно подчиняясь ветру, а стекал вниз, как тяжёлая жидкость, обвола-

кивая фундамент дома. Дым этот, стоило ему коснуться обуви гостей, не пачкал ткань, а лишь заставлял её слегка светиться в ответ — защитная реакция материи на чужеродную субстанцию, простейший урок алхимии, известный каждой ученице пансиона.

У широкой кованой калитки, куда подъезжали другие экипажи, уже кипела жизнь. Толпа гостей казалась живым полотном, сотканным из шелка, бархата и мерцающего эфира. Аристократы в платьях конца XVIII века, с их высокими талиями и открытыми шеями, непринужденно парили над землей в нескольких дюймах, чтобы не запачкать подолы, и их движения оставляли за собой шлейфы из искрящейся пыли. Дамы поправляли прически не руками, а легким движением подбородка, заставляя непослушные локоны самостоятельно укладываться в сложные узлы, закрепленные невидимыми силовыми полями. Кавалеры, приветствуя друг друга, не пожимали руки, а обменивались короткими вспышками света между пальцами — немой код признания в статусе и силе воли.

Люди в старомодных нарядах смешивались с фигурами в странных балахонах, расшитых серебряными нитями, образующими узоры, от которых рябило в глазах. Эти нити постоянно меняли рисунок, реагируя на настроение носителей: вспыхивали золотом при смехе, становились холодно-синими при серьезном разговоре. Некоторые гости говорили на языках, которых Элизабет никогда не слышала: гортанных,

щёлкающих, перетекающих один в другой, словно ручей по камням, и их слова материализовались в воздухе цветными символами, висящими несколько секунд перед тем, как раствориться. Воздух здесь гудел от множества мелких чудес. Над головами гостей кружили маленькие сферы света, исполняющие роль переносных фонарей; сферы автоматически опускались ниже, когда кто-то ронял веер или платок, подсвечивая находку.

— Good heavens, — выдохнула Марта, перекрестившись и плотнее закутываясь в тонкую шаль, волокна которой должны были удерживать тепло, но сегодня казались бесполезными против этого специфического холода.

Глаза подружки широко раскрылись, но в них плескалось скорее восхищение, чем настоящий ужас. Марта с завистью посмотрела на даму рядом, чье платье само меняло оттенок с бледно-розового на глубокий пурпурный в такт сердцебиению.

— Это выглядит не как дом, Лиззи. Это выглядит, как декорация к опере о древних богах. Как место, где время течёт иначе. Что подумают люди, если увидят нас здесь? После твоего дня рождения только и говорили о твоей смелости. Если узнают об этом — подружка запнулась, указывая дрожащим, но изящным пальцем. — Смотри! Вон тот мужчина его тень живёт своей жизнью!

Элизабет проследила за её взглядом. Действительно, высокий мужчина в цилиндре, что стоял у входа и курил длин-

ную сигару, дым от которой сворачивался в сложные геометрические фигуры, отбрасывал тень, которая вела себя независимо от хозяина. Тень шла не туда, куда падал свет, а двигалась самостоятельно, ползла по стене вверх, словно паук, исследующий новую территорию. Рядом группа молодых людей смеялась, и их смех превращался в стаю крошечных светящихся бабочек, разлетающихся в разные стороны. Это нарушало базовые законы оптики и физики, и в высшем свете такие фокусы считались дурным тоном, если только хозяин дома не предупреждал о таком заранее. Видимо, лорд Блэквуд решил, что правила этикета сегодня будут писаться заново.

— Люди ничего не узнают, Марта, потому что мы сами станем частью этой тайны, — ответила Элизабет, стараясь звучать уверенно, хотя её туфли на низком каблуке всё же увязли в мокрой, холодной траве. Трава под ногами была не зелёной, а серой, словно выцветшей от времени, и при касании издавала тихий, почти не различимый стон — звук, который обычно издавали растения, насыщенные эфиром сверх меры. Девушка хотела добавить ещё что-то успокаивающее, продемонстрировать превосходство своего разума над суевериями, сославшись на иллюзии или работу линз, но уверенность в голосе дала трещину, стоило ей увидеть, как фиолетовый свет в центральном окне на мгновение погас, будто сам дом сделал глубокий, хищный вдох, готовясь проглотить новых гостей. Свет не просто погас — он был втянут

внутри, словно воздух в лёгкие.

Элизабет почувствовала, как по спине пробежал холодок, от которого даже личный защитный кокон из теплого воздуха дал сбой. Юная леди поняла: они переступили черту, за которой правила викторианского общества, строгость нравов и отцовский запрет больше не имеют силы. Здесь действуют иные законы, древние и жестокие, но оттого ещё более притягательные. В двадцать лет жизнь только начиналась, полная обещаний и опасностей, но Элизабет вдруг показалось, что эта ночь может стать и её концом, или же началом чего-то такого, перед чем меркнет любой светский скандал. Здесь магия уже не сказка для детей, не салонная забава с загорающими ногтями, а реальная, осязаемая сила, тяжелая и опасная, как заряженный пистолет в руках ребенка, который ещё не умеет обращаться с предохранителем. И друзья только что будто вошли в комнату, полную пороха, держа в руках зажженные свечи.

— Ну что же, — сказал виконт Эшфорд, подходя ближе и беря её под руку. Мужская хватка казалась крепкой, успокаивающей, а аура вокруг виконта сияла ровным, золотистым светом, отгоняя липкий сумрак и заставляя ближайших светлячков-фонариков почтительно разлетаться в стороны. — Похоже, декорации превзошли все ожидания. Вы готовы, мисс Элизабет?

Красавица мягко высвободила руку, кивнула, глубоко вздохнув воздух, пахнущий озоном и старой пылью, и улыб-

нулась той самой улыбкой, что покорила столько сердец на её балу.

— Более чем, милорд. Полагаю, отступить уже поздно. Да и зачем, если самое интересное только начинается?

И компания друзей двинулась к дверям, где тень мужчины в цилиндре уже приветственно махала им рукой. Хейс и Беатрис, увлеченные спором о том, чьи флюиды ярче, прошли первыми, заставляя фонарики мигать в такт их смеху. За ними последовали Клэр и виконт, погруженные в тихий разговор, окутанные золотистым сиянием ауры Эшфорда.

Элизабет и Марта, чуть замешкавшись у калитки, направились следом. И именно в тот момент, когда подруги поравнялись с выступом базальтовой стены, где секунду назад не было ничего, кроме клубов стекающего вниз фиолетового дыма, пространство словно моргнуло. Схожий фокус Элизабет видела на представлениях умелых иллюзионистов: дерзкое исчезновение голубя или появление ассистентки из пустой коробки. Но обычно такие трюки сопровождались звуком — хлопком, звоном колокольчика или театральным вздохом публики. Здесь же воцарилась абсолютная, давящая тишина. Просто там, где только что была пустота, внезапно появился человек. Будто всегда там находился, просто свет преломлялся иначе, скрывая его от взоров, пока к нему не подошли вплотную.

Перед девушками стоял мужчина с посеребренной седой головой и густой, ухоженной бородой, тронутый време-

нем. Лицо незнакомца избородили морщины, не столько от старости, сколько от ветра всех дорог мира и постоянного прищуря от солнца или опасности. В глубоких глазах читалась такая усталость, будто человек прошёл через ад и обратно, да ещё и заблудился по пути, потеряв карту времени. Одежда появившегося представляла собой эклектичную смесь: странный плащ матово-серого цвета, ткань которого казалась живой, переливаясь оттенками тумана и отказываясь принимать четкую форму, а под ним — добротный, но потёртый камзол, выдавший виды. В руках мужчина сжимал потрёпанную сумку из грубой кожи, которая, вопреки законам этого мира, не светилась и не реагировала на эфир, оставаясь пугающе обычной вещью в мире чудес.

Острый взгляд незнакомца, уставший и цепкий, метнулся по лицам съезжавшихся гостей, пока не зацепился за Элизабет. В этом взгляде не гнездились безумие, но имелось нечто худшее — глубокое, леденящее узнавание. Так смотрят на тех, кого уже оплакали, а теперь видят живыми.

Элизабет замерла, и ледяная дорожка под её ногами тут же покрылась сетью тонких трещин от внезапного напряжения.

— Милостивый государь — начала она, чувствуя, как Марта инстинктивно прячется за её спиной, а пальцы нервно теребят шаль, готовясь соткать неумелый защитный барьер. Мелкие бытовые фокусы всегда были её утехой, но в сильном искажении эфира девушка чувствовала себя беспомощ-

ной. — Вы вы возникли из ниоткуда. Эффектное появление! Но Вам нужна помощь? Вы потерялись? Уверена, слуги проведут Вас к кухням, если Вы ищете приюта. Лорд Блэквуд славится своим гостеприимством

Мужчина сделал шаг навстречу. В плавном движении чувствовались скрытая сила и напряженность, словно путник боролся с сильным встречным ветром, невидимым для остальных. Воздух вокруг него задрожал, и маленькие зелёные огоньки-наблюдатели шарахнулись в стороны, чувствуя чужеродную, тяжелую ауру.

— Элизабет, — произнёс незнакомец, бегло окидывая окружающих взглядом.

Голос прозвучал низко, хриловато, со странным неуловимым акцентом, в котором смешались жесткие и мягкие согласные с протяжными гласными — причудливая смесь немецкой чеканности и русских раскатистых «р». Но слова мужчина подобрал архаичные, правильные, звучащие как предупреждение, высеченное в камне.

— Ты Не смей. Стой. Не входи туда. Ради всего святого, не входи.

Элизабет отшатнулась, и её муслиновое платье вспыхнуло холодным голубым светом от испуга, освещая лицо незнакомца резкими тенями.

— Вы знаете моё имя? Кто Вы? Как Вы смеее обращаться ко мне подобным образом?

Глава 3. Путник

Мир перевернулся вверх дном.

Сознание грохнулось, размазалось по телу, которое я только что видел со стороны. Об самого себя.

Что это было?

Только что Я говорил. Это точно был я. И сейчас я вижу Элизабет своими глазами. Чуть ранее Чуть ранее я наблюдал за ней безмолвным духом. Знал её мысли. Знал её прошлое. Знал, что происходит в каждом уголке её души. Увидел себя — и вернулся.

Так. Нет. Ранее Что было до тумана? До рассекающих его карет? Я

Бежал по тропе на Гуаме. К ней Бежал, чувствуя на плечах тёплую тяжесть Полимера, готовый спасти «девушку в беде». Следующее мгновение — удар в грудь, словно я врезался в невидимую стену на полном ходу.

Моргнул Но Не так. Это Что-то не то. Что-то еще

Голова раскалывается. Мир опять сделал оборот и вздрогнул.

Колени подкашиваются. Если бы не Полимер, жестко фиксирующий мышечный корсет, лежал бы уже лицом в грязи. Уперся ладонями в мокрую землю, стараясь скрыть дрожь рук. Вокруг царит оживленное гудение толпы: шелест дорогих тканей, тихий смех, звон бокалов.

— Осторожнее, сударь, — раздался спокойный, чуть насмешливый голос.

Высокая девушка с иссиня-черными волосами, Клэр, обошла меня стороной, даже не взглянув в лицо. Она слегка взмахнула веером, и невидимая волна воздуха мягко, но настойчиво оттолкнула меня с дорожки, освобождая проход.

— Вы загораживаете свет.

В голове пульсирует боль, ритмичная, как удары молота.

Это не иллюзия. Не сон. Не галлюцинация. Не то, что было с Алексеем и моим внутренним миром.

Вдох. Воздух изменился. Вместо влажного тропического жара — ледяная сырость английского болота. Вместо запаха жасмина и озона современных барьеров — запах конского пота, дешёвых духов и той самой металлической крови. И озон Но иной. Электрический, сухой.

Где я?

— Артур! — голос Клэр прозвучал резко, как удар хлыста.

Высокая кузина Элизабет сделала еще шаг вперед, веер щелкнул, закрывая лицо, но глаза поверх кружев смотрели холодно и оценивающе.

— Этот человек обратился к леди на «ты». Без представления. Без титула. Это не просто грубость, это вызов.

Мысль пронзила сознание, острая и паническая.

Паника. Что?! Пошла ты нахрен! Я не паниковал добрый десяток лет. Страх — роскошь для новичков.

Холодная дрожь пробежала по телу, словно электрошок прогрел каждый нерв импульсом.

Паника Нет. Что-то заставило тело и голову ощутить это инородное, давно забытое чувство.

— Лиззибэт, отойди, — шепотом произнесла Марта, держа Элизабет за рукав.

Пальцы рыжей подружки нервно искрились зеленым, создавая слабый защитный купол вокруг них двоих.

— Он знает твоё имя. Откуда бродяга может знать имя леди? Это черная магия, я чувствую запах серы или чего-то хуже.

Мир опять закружился, складываясь в новую картинку.

Голову пронзило болью, но вслед за ней хлынул поток информации.

Элизабет со спутниками, которых я знаю по именам, хотя никогда не видел раньше. Мир, устройство которого понимаю интуитивно.

Параллель типа Стрегерия?

Нет. Это не средневековье. Не Флорентийская Империя. Викторианская Англия. Электричество в каждом доме, телеграф, первые двигатели. Спиритизм, оккультизм, легкая магия как часть светского этикета. История не сильно искажена, но есть ключевые отличия. Тесла победил. Его идеи не просто приняты — они стали фундаментом общества, сплелись с древними практиками. Энергия эфира течет по проводам, пронизывает стены и воздух так же естественно,

как кровь по венам. Здесь эфир — не гипотетическая среда для распространения света, отвергнутая классической физикой. Это отчасти материальная, отчасти мистическая субстанция, осязаемая, плотная, подчиняющаяся воле того, кто знает резонансные частоты. Ученые в других мирах без магии мне говорили, что не понять логически, как это работает; они не могут даже предположить, если только изучить все живую. Но ни в одном мире с продвинутой наукой магии от эфира и его концентрации не наблюдалось. Видимо, высокая технология и магия здесь взаимозаменяемы. В любом случае — здесь Эфир, и в управлении флюидами — ничего кардинально сдвигающего парадигмы, просто фокусы. Неудивительно, что потеряв связь с привычной жизненной силой, Элизабет почувствовала себя в ином мире в упадке. Но это не объясняет ее текущее состояние.

Но почему я знаю это? Почему я знаю ЕЁ?

— Марта, посмотри, — тихо произнесла миниатюрная Беатрис, останавливаясь рядом с подружкой.

Эта не испугалась, а скорее заинтересованно склонила голову, фарфоровое личико осветилось легким серебристым свечением — проявлением дара ясновидения.

— Он пуст. Или полон чем-то, чего я не вижу. Как тень без хозяина.

Элизабет стояла неподвижно, муслиновое платье всё ещё слабо светилось голубым от испуга. Девушка смотрела на меня не как на врага, а как на загадку, которую невозможно раз-

гадать только правилами этикета. Взгляд наполнился вопросами, но юная леди ждала ответа виконта. Дама не должна сама заступаться за свою честь в присутствии кавалера. Виконт пока что лишь оценочно осматривал меня с головы до ног. Нутром чувствует, что в драку с непонятным стариком лезть не стоит. Правильно чувствуешь, мальчик. Эфир не эфир, а я куда умелее, даже и без него. А с учетом того, что я ещё и в курсе, как пользоваться субстанцией редких миров

— Ты его знаешь? — шепотом спросила Марта, подходя ближе, но держась в тени виконта.

Вопрос прозвучал не истерично, а с легким недоверием. Рыжая поправила шаль, и мелкие зеленые искорки на её пальцах погасли, уступив место обычному человеческому теплу.

— Он глядит так, будто знает тебя всю жизнь. Это неприлично, Лиззибэт.

Голова раскалывается. Что-то не так Я не должен этого знать. Не должен помнить жизнь Элизабет. Не должен видеть её первый поцелуй в оранжерее, вкус шампанского и стыд на губах.

Но я знаю Знаю, как девочка тайком, при свечах, читала запрещенные книги по теософии в богатой библиотеке отца. Не от страха или отчаяния, а из чистого детского любопытства, с горящими глазами, представляя себя героиней романтических историй о древних тайнах. Отец, добрый и занятой человек, лишь строго хмурился, если находил эти тома, но

никогда не наказывал дочь — в их доме царили любовь и понимание, а запреты лишь разжигали азарт.

Я чувствую тепло семейных ужинов, смех матери, уроки танцев, где Лиззи кружилась в роскошных залах, чувствуя себя самой счастливой девушкой графства. Жизнь Элизабет — это череда балов, прогулок в парке, легких флиртов и мечтаний о будущем, которое казалось бесконечно светлым.

Я вижу, как она с восторгом приняла идею надеть платье 1785 года. Для юной леди это не ритуал «очищения канала», а увлекательная игра, костюмированный бал-маскарад, возможность почувствовать себя героиней прошлого. Она смеялась, примеряя муслин перед зеркалом, и шутила с горничной, что теперь будет выглядеть как портрет прабабушки.

Я знаю, как Элизабет научилась своим маленьким фокусам — зажигать огоньки на кончиках пальцев, заставляя лепестки роз дрожать. Девушка не практиковала это в одиночестве от страха. Нет, она показывала эти трюки подругам на вечеринках, вызывая восторг и аплодисменты, гордясь своим «даром», который считала просто забавным талантом, данным ей природой. Не все могут, к сожалению. И тогда семьи, повернутые на статусе, подвергают детей жестокому «лечению». Никаких клиник, никаких жрецов в белых халатах, никакого морфия, как у многих несчастных её знакомых из светских семей, в том числе и у Марты, которую частенько тепло утешала в детстве из-за расстройств и жестокого обращения матушки.

— Вы слышали вопрос, милостивый государь? — Виконт Артур Эшфорд выступил вперед, заслоняя Элизабет собой.

Его аура вспыхнула золотым щитом, плотным и тяжелым, оттесняя мой туманный плащ. Аристократ не кричал, но в словах звякнула сталь.

— Дама ждет ответа. Кто Вы такой, что осмеливаетесь давать ей приказы? И откуда Вам известно её имя?

Элизабет была счастливой. Так почему Что произошло в этом доме? Или после Почему я не помню всё, что случилось потом, и как она очутилась у нас?

Голова Боль.

Юная леди не боится темноты. Она не прячет трещины в душе, потому что её душа цела. Её смех звучит громко и искренне, потому что ей действительно весело.

И именно это страшнее всего.

Я не помню ничего иного, потому что это еще не произошло. Для неё Или потому, что кто-то или что-то не дает мне это сделать?

Если тут есть связь с эфиром, я могу им пользоваться. Я знаю трюки. Благодаря знаниям из «увиденных» уроков Элизабет. Благодаря своему прошлому опыту в Стрегериях. Я должен смочь прочесть её будущее. Хотя бы образы

Мысли проносятся так быстро, а всё вокруг живёт и ждет моих действий.

Мир опять сделал мертвую петлю. Внутренности просят наружу.

Я не могу. Что-то не так.

Вне моего сознания мой язык сам сказал ей не входить в этот дом. Неужели я уже знаю, что случится?

Мир провернулся еще раз.

Элизабет идет туда, в этот дом, с чистым сердцем, полная предвкушения чуда, уверенная, что её ждет еще одна увлекательная светская игра в спиритизм. Её благополучие, её чистота, её наивная вера в добро — вот то, что

Легкие перекрыло. Полимер резко сжал грудную клетку, заставив вновь дышать. Что меня так сильно пытается дистанцировать от неё? Кто

Может, я сам? Я мог Я не должен этого знать.

Эти воспоминания не мои. Чужие. Но сидят в моей голове так плотно, будто я сам прожил это вчера. Сегодня. Минуты назад.

— Отвечайте же, сэр! — грузный голос мистера Хейса прорезал тишину.

Толстяк прищурился, и его монокль начал слабо вибрировать, анализируя мою ауру.

— Мои приборы показывают хаос. Вы кто такой?

Эфир здесь иной. Плотнее, гуще. Стрегерия? Нет, но близко. Это развившаяся параллель Стрегерии. Всё очень схоже: почти та же подоплека в магии, те же флюиды, тот же культ предков и духов. Но время сдвинулось. Технологии шагнули вперед, превратив колдовство в науку, а магов — в инженеров человеческих душ.

— Что тут происходит? — голоса из толпы становились громче.

Люди начали окружать нас кольцом. Вмешиваться не станут, но любопытным зевакам в радость такие развлечения на званых ужинах. Чужая перебранка — классическое зрелище, заставляющее кипеть в жилах кровь.

Я слишком долго молчу, но поспешно отвечать не стоит. Пусть подождут. Бездействие сейчас чуть лучше скоропостижного слова. Может, вообще не стоит говорить, а лучше просто исчезнуть

Меня носит по линиям других миров неизвестно как, неизвестно зачем. Иногда я попадаю на вид в «прошлое», иногда в «будущее». Лишь на вид. Это разные миры. Нигде из миров нет точной схожести, нет событий, которые делал я «в прошлом по летоисчислению» или о которых знал в «другом мире» схожего мира. Схожесть, но не идентичность. Путешествия во времени Теоретически возможны. Уж мне ли не верить?

Но не в прямом смысле. И это не мое прошлое. Оно лишь станет моим. Если я не моргну вновь. Сейчас я застрял в точке, где магия и электричество сплелись в удавку для этой девушки. Нельзя уходить отсюда. Но Могу ли я изменить будущее для неё и свое прошлое?

Скорее всего, нет. Теоретически — это уже невозможно. Если только опять не дуальности, раздвоение миров и параллельных реальностей Только у меня, Крэя, один путь. Одно

время, где я путешествую между мирами. И в её будущем она обязана встретиться со мной. И нутро подсказывает, что версия «Элизабет», которую перекинет ко мне в прошлое — только эта. Ей придется пройти через нечто ужасное. Ей придется встретить нас в горах Сочи и уехать на Гуам. Ей придется оказаться на карантине. И я должен был помочь ей там. Но я моргнул. Ушел из той реальности.

Рука потянулась в сумку к кольцам со сжатой черной материей Vuoto Negro Колечко-колечко, сотвори чудо Верни меня в мир, где я уже был. Я знаю, я могу Через те сферы, я

— С Вами все в порядке? — Элизабет осторожно выглянула из-за плеча виконта. Нежный голос дрожал, но в нем слышалось больше любопытства, чем страха. Она изучала мое лицо, пытаясь найти в нем черты того, кто мог бы называть её так по-свойски, без титулов.

— Я, конечно, оскорбилась, но, возможно, возьму на себя смелость признать свою неправоту. Вы называли меня по имени. Мы встречались раньше?

Она всё ещё ждала ответа. Она не знала, кто я. Не знала, что я только что прочитал всю её жизнь, как открытую книгу.

— Все хорошо. Прошу простить за дерзость. Управление эфиром не столь легко, как я ожидал в этих краях после пары бокалов. Я издали, мисс, — ответил девушке, и ответ прозвучал хрипло, но твердо.

Оперся на колено, медленно поднимаясь. Колени хрустнули, но Полимер стабилизировал позу. Я собрал остатки во-

ли, чтобы загнать чужие, такие светлые и теплые воспоминания в дальний угол сознания, где они жгли меня своим контрастом с грядущей ночью.

— Из мест, где карты рисуют чернилами из крови, а дороги ведут не туда, куда вы планируете. Меня зовут... — я замялся.

Имя «Крэй» звучало почему-то чуждым для данного момента. Элизабет не помнила меня в будущем. Путешествия по времени, рот их дери На всякий случай не буду рвать ткань времен.

— Называйте меня просто Путником. Кажется, мне лучше вернуться обратно

«Нет!» – спинной мозг прокричал команду. Рука дернулась от сумки. Я должен уйти, но почему-то что-то подсказывает: здесь что-то не так, и все, что происходит с чтением её жизни и наблюдением со стороны — неверно.

Тело. Слушай меня. Я должен помочь ей не тут. А там, где она уже на карантине Кольцо

Рука онемела.

«Нет! Наблюдай! Не спеши!»

Черт. Черт, черт. Я понял.

Я всегда могу шмыгнуть назад в тот момент, из которого вылез. Если вообще моя теория насчет этих колечек, сфер и прочего — верна. Семь колец. Семь желаний. Семь перемещений. А если я научусь связываться с теми сферами миров, что видел во “сне” вместе с Алексеем И кольца будут мне не

нужны.

В теории. Все в теории. В любом случае — сейчас спешить уже некуда. В этом мире Элизабет ничто не угрожает permanently. И даже если не смогу здесь помочь, то хотя бы узнаю — что с ней. И как она, черт дери, оказалась в горах Сочи.

Я тут. Сейчас. Знаю, случится нечто плохое. Но она — переживет. Знание — сила.

Я стою в грязи, в толпе людей в странных платьях, а передо мной — молодая девушка. Та самая Элизабет. Но не та, больная и замкнутая, которую видел вчера на экране планшета. Эта — живая. Полная страха, но живая. И она смотрит на меня как на опасного неизвестного.

— Довольно игр, бродяга, — холодно произнес виконт, делая резкий шаг вперед.

Монокль вновь вспыхнул фиолетовым светом, сканируя мою ауру с агрессивной настойчивостью.

— Ты возник из пустоты, назвал леди по имени и теперь бормочешь бессвязные вещи. Мои флюиды говорят, что ты опасен. Или безумен. В любом случае, тебе не место здесь. Убирайся, пока я не приказал слугам увести тебя силой.

— Артур, погоди, — тихо вмешалась Беатрис, подходя ближе.

Блестящие зрачки расширились, отражая звездный пейзаж, которого нет в небе.

— Он не лжет. И не опасен... пока. Он несет тяжесть, которую я не могу назвать. Словно видел конец света и вернулся,

чтобы предупредить нас. Дай ему время; кажется, джентльмену нужно перевести дух.

Я опустил взгляд на себя.

Руки. Постаревшие, изношенные, со шрамами и мозолями, которых я не помню. Лицо? Я чувствую тяжесть бороды, усталость кожи. Регенерация откатилась. И сыграла со мной злую шутку, откатив тело даже не обратно, а к какому-то промежуточному, уставшему состоянию «до» моего настоящего. Я выгляжу как человек, прошедший долгий путь. Но еще не столь долгий, сколь на самом деле.

Одежда. Мой верный Полимер, обычно послушно принимающий форму того мира, куда я попадаю, сейчас вел себя странно. Защитник не стал камзолом или сюртуком. Полимер остался серым, матовым плащом, но ткань «подстроилась» под окружение, приобретя вид дорогого, но очень старого сукна, какого не носили уже лет сто. Я выглядел как чужак. Как ошибка в ткани реальности.

Еще одна странность. Тело. Почему тело так реагирует?

Тело помнит эту боль в коленях, этот специфический привкус воздуха, эту тяжесть в груди. Будто я прожил эту жизнь, но потом её вырезали, оставив только шрамы.

Я будто правда «в своем прошлом». Но это — определенно не так. Даже отшибленный регенерацией мозг должен бы помнить, что я здесь был

Я до сих пор помню все миры. Сквозь боль — но помню. Так почему тело

А может, ответ куда проще?

Неужели крыша всё-таки поехала? После всех этих миров, после всех богов и демонов мой разум решил сломаться именно сейчас? Галлюцинации? Бред ума, потерявшего связь с реальностью из-за сбоя регенерации? И я лежу сейчас на Гуаме с пеной у рта?

Снова посмотрел на свои руки. Они кажутся такими реальными. Грязь под ногтями, дрожь в мышцах от перенапряжения. Если это бред, то слишком детализирован. Слишком осязаем.

Я бывал в квантовых реальностях мозга. Я бродил в подсознании. Я знаю, что такое «нереальность». Нет.

Что-то иное. Или кто-то.

Элизабет всё ещё смотрит на меня, не смея отвести взгляд. Красивые глаза, большие и тёмные, полны вопроса и нарастающего ужаса.

— Мисс, — усилием заставил свой голос звучать ровно, несмотря на хрипоту, игнорируя виконта.

Я быстро переключался в режим «актёра». Это моё второе имя. Бродяга, лицедей, тот, кто выживает, надевая маски. Если реальность решила, что здесь я — странный путник, значит, буду лучшим странным путником, которого все когда-либо видели.

— Прошу прощения за мою дерзость. Дорога столь долга, а разум... разум иногда играет злые шутки с теми, кто слишком долго смотрит на звезды. Мне показалось, что я вижу

кого-то из моего сна. Ваши имена совпали? Вот же случайность! Но насчет дома я был серьезен.

Сделал шаг назад, кланяясь с преувеличенной, почти театральной вежливостью, скрывая внутреннюю дрожь. Сумка на моем плече ощущалась невероятно тяжёлой. Внутри лежат мои кольца, мои артефакты, моя связь с другими мирами. Но сейчас вещи чувствуются иначе. Тускло. Будто эта реальность подавляет их силу, словно плотная свинцовая стена.

— Сон? — переспросила Марта, выглядывая из-за плеча подруги.

Девушка уже успокоилась, и любопытство взяло верх над осторожностью.

— Странный сон, сударь. Вы говорите с акцентом, которого я никогда не слыхала. Откуда Вы?

Улыбнулся в ответ. Улыбка вышла кривой, болезненной, но искренней в своей усталости.

— Издалека, мисс. Как уже сказал, из мест, где карты рисуют чернилами из крови, а дороги ведут совсем не туда, куда вы планировали. Да и посмею заметить, Ваш акцент тоже мне кажется чуждым, как, уверен, и Вашим соратникам. Все же мы в — а вот тут важно не осечься; как они называют себя в местной Англии?

Бритты, саксы, кто они Благо, память Элизабет тут же подсказала.

— Великой Британии, мисс. Тут сосед соседа частенько

понимает с трудом, что уж просить от дальнего Путника. Путь мой начался из Саксонии, завел в земли Царской России, а затем и в Соединенные Штаты. Мир повидал Вы не поверите. Вот решил заглянуть к Лорду на огонек, слышал, тут званный гость из Египта. Там я тоже бывал

Поднял глаза на особняк. Фиолетовый свет в окнах запульсировал сильнее, ритм ускорился. Воздух вокруг дома искрил, волосы на моих руках встали дыбом. Я чувствовал это. Магию? Нет, не магию в сказочном смысле. Технологию. Древнюю, чуждую технологию, замаскированную под мистику. И что-то ещё. Что-то огромное, спящее внутри этих стен. Эфир Сложные параллели эти ваши Стрегерии Я с ним давно не общался. Ощущать потоки, словно воздух, открывать точки каналов в теле

— Вам не следует там быть, — тихо сказал, уже обращаясь ко всем троим: Элизабет, Марте и тем невидимым силам, что наблюдали за нами из тумана. — Этой ночью здесь будут играть в игры, правила которых написаны на языке, от которого плавится ум. А вы слишком юны.

Элизабет нахмурилась. Страх в юных глазах сменился любопытством. Жилка авантюризма, скрытая под слоем викторианского воспитания, дала всходы. Леди сделала легкий жест рукой, и воздух вокруг неё очистился от моей серой дымки, став прозрачным и звонким.

— Вы говорите загадками, Путник. Лорд Блэквуд обещал нам открытие. Настоящее знание. Разве не ради этого мы жи-

вём? Чтобы приподнять завесу?

Пристально посмотрел на девушку. В живом взгляде увидел ту же искру, что горела в глазах многих до неё. Тех, кто не вернулся. Тех, кто стал частью «фонда» лживых миров.

— Знание, — повторил горько. — Да. Знание — это сила. Но помните, мисс: некоторые двери лучше не открывать. Потому что то, что скрывается за ними, может посмотреть в ответ. И больше никогда не отвести от Вас взгляд.

Хотелось схватить бедняжку за руку, увести прочь от калитки, кричать, трясти. Но инстинкт самосохранения, отточенный веками скитаний, держал меня на месте. Вмешательство сейчас, на пороге, может всё испортить. Или привлечь внимание Тех, кто внутри. Мне нужно играть роль. Нужно войти туда. Нужно понять, где именно в этой цепи событий я смогу изменить ход истории. Или не смогу. И хотя бы спасти её после. Знание — сила, но не так, как многие себе представляют. Главное — уметь им распорядиться.

— Пропустите нас, сударь.

Голос дворецкого прозвучал рядом, словно из ниоткуда. Человек в ливрее с тем же глазом-змеей на лацкане смотрел на меня с брезгливостью. Распорядитель не коснулся меня, но его взгляд создал невидимую волну давления, заставившую мой плащ тяжело обвиснуть, лишив тот остатков магии, которой я успел в течение беседы почерпнуть из Эфира.

— Грязь с ваших сапог пачкает путь избранных. Уйдите, пока тени не решили, что вы — закуска.

— Отойдите, Джон, — лениво бросил виконт, проходя мимо.

Аристо даже не удостоил меня последним взглядом, считая инцидент исчерпанным своей победой в словесной дуэли.

— Пусть бродяга остается. Если он достаточно безумен, чтобы войти следом, значит, достоин развлечения.

— Прошу прощения, приведу себя в порядок и только после присоединюсь к торжеству духа, — произнес смиренно, отступая в сторону и пропуская девушек.

Мои пальцы коснулись рукояти ножа, спрятанного в недрах плаща-Полимера. Старого, доброго ножа, который, к счастью, всё ещё чувствовал тепло моей ладони и отзывался слабым вибрационным гулом. Невидимое вещество, которое приходит в активность только в таких мирах с магией. Вещество, делающее нож «чуть опаснее». Самую малость. Как если на пассажирский самолет прикрепить лазерную пушку с автопилотом.

— Идите, — прошептал вслед Элизабет, так, чтобы услышал только тот, кто действительно хочет слышать. — Но помните моё предупреждение.

Элизабет обернулась на мгновение, и наши взгляды встретились. В глазах британки мелькнуло что-то странное. Узнавание? Или просто отражение фиолетового огня в зрачках? Леди чуть заметно кивнула.

— Благодарю вас, Путник, — ответила тихо, едва слышно.

— Я запомню ваши слова.

И молодые аристократы вошли во двор. Хейс и Беатрис уже скрылись в портале входа, их смех долетел приглушенным эхом. Клэр и виконт следовали за ними, погружённые в свой мир золотистого сияния. Элизабет и Марта замыкали шествие, оглянувшись на меня ещё раз, прежде чем раствориться в фиолетовом мареве особняка.

Ворота начали медленно закрываться, створки из чёрного металла бесшумно напозлали друг на друга. Стук захлопнувшейся где-то решётки прозвучал как выстрел.

Но я не собирался оставаться снаружи.

Поправив сумку, глубоко вдохнул смертельно сладкий воздух Девоншира, пахнувший озоном и грядущей бедой, и шагнул вслед за толпой, чтобы стать тем, кем всегда был в лучших своих историях — наблюдателем, что ждёт своего часа.

Занавес поднят, и мне остается лишь не отклоняться от роли. И если я сошёл с ума, то пусть этот бред будет самым ярким спектаклем в моей жизни.

Глава 4. Эфирная пыль

— Вы читали новую статью мадам Блаватской? — спросил полный джентльмен. Он поправлял монокль, и в линзе, словно пойманные мухи, бегали крошечные электрические искры. — Она пишет о Коренных Расах. Будто бы мы лишь пятая, а те, кто был до нас они всё ещё здесь. В Акаше.

Дама рядом резко раскрыла веер из перьев журавля. Кончики перьев слабо засветились зеленым, пульсируя в такт её возражению:

— Акаша — это лишь эфирная запись, шум в потоке. Но лорд Блэквуд утверждает, что это можно перезаписать голосом. Если знать правильные вибрации. Говорят, сегодня вечером лорд покажет нам ключ.

Великий зал особняка дышал. Это не было поэтической метафорой — базальтовые стены ритмично расширялись и сжимались, выталкивая наружу теплый воздух, пахнущий озоном, ладаном и перегретой медью. Под высоким потолком парили сферы из матового стекла. Внутри них бушевали миниатюрные грозы: фиолетовые молнии метались между полюсами, освещая собравшихся мертвенным светом и отбрасывая тени не туда, куда падал источник.

— Ах, милочка, все эти слухи — Дама с веером понизила голос, но перья на нём тревожно задрожали, рассыпая вокруг мелкую светящуюся пыльцу. — Говорят, на прошлой

неделе у герцогини Клеведон во время транса стены покрылись инеем. И никаких фокусов! Эфирные потоки были перекрыты перед сеансом!

— Осторожнее, дорогая, — полный джентльмен нервно постучал тростью по паркету, и дерево под ударом тихо за скрипело, словно живое. — Иначе нам понадобится нечто большее, чем викторианская спесь, чтобы не сойти с ума от этого холода.

Дамы парили над полом в дюйме от паркета, чтобы не испачкать подола эфирной пылью; их платья колыхались, хотя сквозняка не было. Кавалеры обменивались рукопожатиями, оставляющими на перчатках светящиеся, медленно угасающие отпечатки. Шум стоял мягкий, обволакивающий: шелест тканей, тихий смех, звон бокалов, в которых шампанское медленно вращалось вопреки гравитации, образуя золотистые воронки.

— Вы слышали, Блэквуд выложил за этот египетский папирус целое состояние? — пробасил кто-то, и пузыри в его бокале лопнули с тихим хлопком. — Британский музей кушает локти.

— Полноте Вам, Чарльз. Половину этих древностей штампуют арабские мошенники в подвалах Александрии. — Собеседник отхлебнул вино, и жидкость в бокале на мгновение окрасилась в кроваво-красный цвет, прежде чем стать прежней. — Впрочем, ужин у лорда всегда отменный, а спиритизм — прекрасный повод скоротать скуку осеннего вече-

ра.

Элизабет стояла у самого края бальной залы, сжимая бокал так сильно, что тонкая лайка перчаток туго обтянула судорожно согнутые пальцы. Искристые пузырьки в напитке вопреки всякому естеству не устремлялись ввысь, а опускались на дно тяжелыми, медлительными каплями, подобно жидкой ртути. Но душевное смятение девушки было вызвано совсем не этой странной ломаной физикой дома Блэквудов.

Истинная причина крылась в глубоком, скрытом под маской светского равнодушия разочаровании. Виконт Артур, наплевав на негласные ожидания, шел под руку с её кузиной Клэр. Они смеялись, и золотистая аура виконта мягким, ласковым коконом окутывала Клэр, оставляя саму Элизабет в холодной, безутешной тени. Это было неприлично. Это было чертовски больно.

Элизабет даже не успела заметить момент, когда внимание Артура так резко переключилось на кухню. Ведь еще полчаса назад в карете его колено намеренно касалось её бедра, заставляя кожу гореть от сладкого волнения. У дверей особняка он, как истинный джентльмен, мягко заступился за Элизабет перед мистером Путником, и Элизабет лишь восхитилась его благородством. Но стоило ей у самого входа на пару минут задержаться с Мартой, как всё изменилось. Артур, подавший Клэр руку при выходе из экипажа, так и увлек за собой в залу. Он просто заговорился с ней, увяз в свет-

ской беседе и теперь не отходил ни на шаг. Возможно, всё это лишь глупые девичьи домыслы, и Элизабет ранит себя, надумывая лишнего на пустом месте. Но факт остается фактом: Артур там, с Клэр, а она — здесь, без него.

В это самое мгновение ледящий холод безмолвно скользнул вдоль позвоночника девушки, пробудив обманчиво знакомое ощущение: будто привычный корсет стянул стан сильнее, чем всегда. Но в этот вечер Элизабет лишена своего обычного светского доспеха — на ней наряд из прошлой эпохи, выбранный для маскарада. Непривычное чувство телесной свободы, рожденное слишком вольным покроем, казалось почти предосудительным. Так не подобало одеваться аристократии.

Сдерживая внутреннюю дрожь, Элизабет с безупречным достоинством расправила плечи. Тончайший муслин платья, чутко отозвавшись на всплеск эмоций хозяйки, затрепетал на обнаженной коже, точно живой. В секунду податливая ткань необъяснимым образом утратила эфемерную легкость, ожесточилась и застыла, превратившись в монолитную, холодную бронзу.

Сегодня Элизабет будет звездой. Сегодня она докажет этому сытому, искушенному свету, что её дар способен на большее, чем просто зажигание невинных призрачных огоньков на кончиках пальцев.

— Ты бледна, Лиззи, — шепнула Марта, появляясь рядом словно из воздуха.

Рыжие локоны подруги этим вечером уложены особенно тщательно, а в зеленых глазах пляшет беспокойство. Марта протянула руку, и от ее пальцев к плечу Элизабет потянулись тонкие зеленые нити статики.

— Воздух здесь он тяжелый. Как перед грозой. Чувствуешь, как липнет к коже?

— Это просто эфир, Марта, — ответила Элизабет, стряхивая с плеча воображаемую паутину и стараясь улыбнуться, преодолевая сопротивление внезапно потяжелевшей ткани на груди. — Лорд Блэквуд обещал открытие. Ради такого стоило надеть это платье.

— Платье помнит прошлое, — тихо промолвила Марта, касаясь ткани. От прикосновения по шву пробежала легкая искра, оставив запах паленого шелка. — Оно шепчет. Ты слышишь?

Элизабет не слышала. Лишь гул крови стоял в ушах, и тихий смех Клэр и виконта доносился из другого конца зала.

— Беатрис, у меня буквально сердце замирает! — Элизабет повернулась к другой подошедшей подруге, пытаясь заглушить тревогу движением. — Лорд Блэквуд разрешил мне одним глазком взглянуть на сундук в кабинете. От этой книги пахнет сухими травами и чем-то вечным. Думаешь, грешно желать увидеть то, что скрыто от живых?

— Осторожнее, дорогая, — хихикнула Беатрис, прикрывая рот веером. Голубые глаза мечтательно сощурились, а на ногтях на мгновение проступили серебряные искры — отго-

лосок звёздного дара подруги. — Как бы заколки на наших платьях не лопнули от страха, если Блэквуд действительно вызовет спиритизмом какого-нибудь фараона. Я же со стыда умру, оголившись!

— Глупости, — отмахнулась Элизабет, но холодок все-таки снова пробежал по её спине. — Мы в Великой Британии. Здесь правит разум. И даже если духи существуют, они подчиняются законам, которые мы еще не открыли, а не капризам шарлатанов.

В это же время настоящий я — Крэй, видящий мир глазами и слухом Элизабет, — стою в тени у колонны. Рука лежит на бедре, пальцы сжимают рукоять ножа. В голове гудит, словно внутри запустили трансформатор. Боль не физическая — структурная. Будто череп втискивают в чуждую ему геометрию.

Две картинки. Одна полупрозрачная, идет шероховатыми волнами, наслаиваясь на другую.

Это началось полчаса назад, стоило переступить порог.

Дворецкий преградил мне путь в вестибюле, словно гранитная скала, вытесанная из самого высокомерия Британской империи. Человек лет пятидесяти, с лицом, напоминающим хорошо выдубленную кожу, и непревзойденной осанкой. Холодный и оценивающий взгляд скользнул по подолу моего плаща, задержался на потертых сапогах и окончательно остановился на кожаной сумке, перекинутой через плечо. По глазам читалось физиологическое отвращение к наруше-

нию порядка.

— Сэр, — заметил тихо, но так, что каждое слово резало слух, как лезвие бритвы. — Грязь с ваших сапог оскорбляет паркет. А ваш багаж, если это можно так назвать, подобает оставить в прихожей для чистки. Или вовсе отправить обратно туда, откуда вы явились.

Я не стал спорить. Спорить с мебелью бессмысленно. Покорно снял старый, запыленный плащ, но ремень сумки так и остался перетягивать грудь. Для слуги этот плащ - просто тряпка. Для меня — отработанный материал.

Позволить куску полимера отслоиться, оставив его в руках дворецкого обычным ветхим лоскутом ткани — ничего не стоит. Под ним обнажился основной костюм: сюртук глубокого аметистового оттенка, ткань переливалась в полумраке прихожей. Полимер подстраивался не только под обстановку, но и под мои вкусы. С детства любил выделяться пестротой.

Но этого мало. Я не собирался прятаться или потакать чопорным правилам. Напротив, поверх дорогой ткани я демонстративно оставил и дорожную сумку, и тяжелый пояс. На нем, отделившись изнутри полимера, прямо на виду повис восточный клинок в чеканных ножнах — дикое, варварское нарушение светского этикета, кричащее о опасности. Я хотел, чтобы все видели эту избыточность. Чтобы хозяин дома сразу понял, с кем имеет дело.

Но одного ножа для заявления авторитета незваного гостя

недостаточно. Мир магии. Мир эфира. Здесь сила измерялась не сталью, а волей.

Я поднял руки.

Эфир в этом мире оказался вязким, плотнее ртути. Работать с ним — всё равно что гнуть стальные прутья голыми руками. Чистая физика: напряжение мышц, пот, запах паленых нервов.

Любой фокус в любом мире требует затрат тела. Закон сохранения энергии. И чем сложнее «магия», тем тоньше должен быть контроль над собственным естеством. Или вовсе нечеловеческим

А знаю я об этом куда больше, чем кто-либо здесь, судя по обрывкам воспоминаний Элизабет. С непривычки этот первый фокус в новом мире, да еще и в состарившемся теле, вышел максимально затратным. Словно пытаешься бежать сразу после тяжелой контузии — разум знает, как, а мышцы не слушаются.

Осторожно перехватил невидимые потоки в прихожей и сжал в кулак. Вены на шее вздулись. Эфир сработал как абразив и растворитель: я буквально выжимал грязь из материала. Пыль не исчезала по щелчку — она отделялась молекула за молекулой, требуя бешеного усилия воли. Воздух заискрился, волосы на руках встали дыбом. Грязь испарилась, оставив резкий запах озона. Я лепил свой облик, как скульптор, заставляя волокна сюртука распрямляться, а цвет — становиться глубже.

Ремень сумки и рукоять экзотического ножа теперь контрастировали с идеальной, благородной чистотой одежды.

Хозяина дома, для кого и устроил весь этот фарс, я заметил мгновенно, как вошел.

Лорд Блэквуд стоял у арки гостиной, наблюдая за каждым гостем с ледяным, немигающим вниманием.

Мужчина лет пятидесяти, худой, с лицом, покрытым мелкой сетью морщин, что не старят, а придают выражение вечной настороженности. На нем — бархатный сюртук цвета спелой вишни, расшитый серебряной нитью. Узоры на ткани, стоило хозяину чуть повернуть голову, оживали. Серебро едва заметно переливалось, напоминая то ли чешую змеи, то ли схему электрической цепи.

Да, я непрощенный гость. Потому заявить о себе стоило громко.

Взгляд лорда, острый и пронзительный, скользнул по восточному экзотическому клинку на моем поясе, затем по идеальному, без единого пятнышка сюртуку, и наконец остановился на моем лице. В глубоко посаженных глазах вспыхнул сухой, профессиональный интерес коллекционера, наткнувшегося на редкий экземпляр.

— Добро пожаловать, мистер — приветствие покатилося под высокими сводами вестибюля, затихая у каменных плит.

— Путник, — я вытер лоб тыльной стороной перчатки, размазывая жесткий пот.

После рывка эфира в груди жгло так, словно наглотался

кислотного дыма, ребра ходили ходуном, но я заставил себя выпрямиться. Нельзя сутулиться в данной ситуации.

— Путник, — повторил хозяин, едва заметно шевельнув губами. — Имя с претензией. В списках на этот вечер Вас, разумеется, нет. Но раз уж Вы явились и провернули у меня на пороге такую тяжелую штуку с материей, глупо было бы вызывать полицию или лакеев. Пожалуй, мне слишком интересно.

Лорд коротко кивнул на раскрытые двери анфилады. Из глубины дома, сквозь удушливый шлейф дорогого табака и парафина, шел плотный гул званого ужина — сотни голосов, сливавшиеся в ровный шум под перестук хрусталя.

— Нашему собранию явно не хватало кого-то, кто не боится испачкать руки. Проходите, мистер Путник. Ваша угрюмость — отличная встряска для этой сонной публики.

— Скука — скверная штука, милорд, — я коротко ухмыльнулся. — Из-за нее ваши господа забывают, что эфир шуток не понимает. И обратный удар на извинения не заменяет. Я пришел сюда не развлекать толпу, и если начну ломать этот ваш вечер, вряд ли им понравится финал.

Блэквуд тихо, искренне рассмеялся, ничуть не задетый моей угрозой.

— Посмотрим, мистер Путник, посмотрим, — бросил мне на ходу, уже разворачиваясь к залу. — Обожаю хорошие финалы.

Лорд легко двинулся вперед, на ходу подхватывая бокал

с подноса проходящего лакея, и тут же влился в ближайшую группу гостей, что-то весело им рассказывая.

Я двинулся следом, до хруста в пальцах сжав сукном рукоять клинка. Туда, где под ногами уже раздваивалась, расползаясь гнилыми нитями, сама корка привычного бытия.

И вот я здесь. Раздвоенный в корке сознания и восприятия надвое. Физически уже меньше напрягаюсь из-за манипуляций эфиром. Освоился. Тело вспоминает, каково это.

Вижу зал. Вижу Элизабет в белом платье. Она смеется, поднимая бокал. Я присутствую тут; уже полчаса веду «смог толк», английскую непринужденную и бессмысленную беседу с гостями, проживаю момент.

— да, путь из Саксонии был долог, — говорю какому-то господину с бакенбардами, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Но виды в Царской России компенсируют неудобства дорог.

— О, я слышал, там эфир течет иначе, — подметил подвыпивший собеседник, тщательно прощупывая меня взглядом. — Словно река вспять.

— Всякая река течет туда, куда ей укажут, — уклончиво отвечаю я, делая глоток. Жидкость обжигает горло вкусом старой меди.

Я киваю, улыбаюсь, играю роль. Но при этом вижу и чувствую все, что проживает Элизабет, словно это уже известное прошлое; точно так же безмолвным духом, как тогда у кареты. Боль в висках. Два мира — Элизабет и мой — живут

одновременно в моей голове.

Я вижу её обиду на виконта. Чувствую холодок в её животе. Слышу её мысли о том, что платье слишком открытое. И одновременно вижу себя, Крэя, со стороны: сюртук с высокими лацканами, кожаная сумка через плечо, нож на поясе — дерзкий акцент для светского раута, усталое, но собранное лицо. Чужак среди аристократов, но чужак, которому позволили войти.

Что за чертовщина?

Я моргаю. Картинки не совпадают, но обе реальны.

Один мир. Два слоя.

Мой мозг отказывается выбирать. Я вижу роскошь глазами Элизабет, юной жизнерадостной леди на званом ужине. И вижу гниль под паркетом глазами бывалого странника.

— Молодой человек, вся эта чертовщина — просто массовая истерия и скрытые стуки каблуками под столом, — ворчит рядом старый доктор, залпом осушая бокал. Руки джентльмена дрожат, хотя голос тверд.

— Вы правы, доктор, — отвечаю, чувствуя его страх. Доктор боится не сеанса. Он боится собственной старости. — Человеческий разум охотно верит в то, чего страшится. Рад видеть среди нас хотя бы одного человека науки.

— Хм, — буркнул доктор, избегая моего взгляда. — Надеюсь, Вы правы. А то слышал я истории про этих Подменышей. Будто сидит рядом с тобой человек, а внутри пусто.

В нос ударил запах. Сухая пустыня и горячий металл. Ра-

зило откуда-то со стороны.

Я отвернулся. Голова раскалывалась.

Неподалеку от Элизабет, у окна, где бархатные портьеры колышутся от незримого сквозняка, столпилась группа гостей. Их разговоры доносятся отчетливо, словно назойливое жужжание мухи, прорезающее общий гул.

— Вы можете себе это вообразить? — леди Эмили прикрывает рот веером, но глаза дамы блестят нездоровым возбуждением. Перья на веере почернели на концах. — Дикари! Суд в Корке вынес приговор только летом, но я до сих пор не могу спать без лампы. Сжечь собственную жену в камине из-за того, что она показалась ему «слишком высокой и чужой»!

Мистер Чарльз с аппетитом взял с подноса закуску. Сухарик хрустнул в его руке слишком громко, превратившись в пыль, которая тут же зависла в воздухе, не желая падать.

— Вы говорите о деле Бриджит Клири в Типперэри, дорогая Эмили? — произнес, стряхивая пыль с пальцев. — Это же старые новости, еще с весны. «Таймс» писала об этом неделями этой весной. Муж утверждал, что настоящую Бриджит похитили феи, а под одеялом лежала деревянная кукла. Сущее безумие для конца девятнадцатого века.

— Это не безумие, — хмуро качая головой, вмешался известный обувщик Джон Даутфайр.

Фабрикант прихлебывает бренди и морщится, словно пьет лекарство. Из его кружки поднимался пар, принимавший формы человеческих лиц.

— Это дремучее невежество. У бедной женщины была пневмония. Бред, лихорадка. А эти суеверные дураки решили, что её подменил «добрый народ». Схватили несчастную, поили мочой и держали над огнем. Вот где безумие чистой воды — сами люди.

Леди Эмили содрогнулась, и перья на её веере тревожно задрожали, осыпаясь черным пеплом.

— И все же Её кузен клялся на суде, что видел, как настоящая Бриджит после этого скакала на белой лошади возле холма фей Простите, сэр, но от этих легенд кровь стынет в жилах. Говорят, Подменьш выглядит точь-в-точь как человек, но у него внутри нет души. Только холод.

Мистер Чарльз тихо смеется, косясь в сторону возвышения.

— Ну, в таком случае, леди Эмили, присмотритесь к нашему хозяину. Если после сегодняшнего сеанса лорд вдруг перестанет требовать с меня карточные долги, я первый объявлю его Подменьшем и потребую проверки огнем!

Элизабет приютилась у высокого викторианского трюмо, рассеянно слушая разговор и лениво разглаживая кружевную перчатку. Её отражение в зеркале улыбалось чуть шире, чем она сама.

Из полумрака гостиной выплыла миссис Вэнс — женщина чрезмерно румяная, с кольцами на каждом пальце, которые тихо позвякивали, сталкиваясь друг с другом. В сопровождении молодого человека с белой гвоздикой в петлице. Гвоз-

дика медленно распускалась и увядала в цикле, длящемся несколько секунд.

— Мисс Элизабет, дорогая! — приторно зашебетала миссис Вэнс, всплескивая руками. Кольца оставляют в воздухе светящиеся следы. — Вы сегодня похожи на бледную деву с полотен Россетти. Позвольте представить Вам мистера Генри Торнтон. Генри строит электрические подстанции для Лондона, но сегодня согласился спуститься к нам, в туман спиритизма.

— Рад знакомству, мисс Элизабет, — молодой инженер вежливо поклонился. От его фрака пахнет машинным маслом и озоном. В глазах инженера сквозит скепсис. — Признаться, я чувствую себя здесь чужаком. Мой мир — это чертежи, амперы и вольтовы дуги, а не духи древних царей. А Вы? Неужели Вы верите, что лорд Блэквуд действительно покажет нам что-то запредельное?

— Взаимно, мистер Торнтон, — Элизабет искренне улыбнулась, и отражение в зеркале ответило ей той же улыбкой, хотя внутри было тревожно. — Вы знаете, я бесконечно далека от науки, но мне кажется, что Ваше электричество и магия лорда Блэквуда — это ветви одного дерева. И то, и другое — невидимая сила, способная зажечь свет во тьме или сжечь дотла тех, кто неосторожен.

— О, как поэтично! Сжечь дотла! — восторженно всплеснула руками миссис Вэнс. — Блэквуд говорил, что у Вас поразительно чуткая душа. Духи тянутся к чистоте, словно ба-

бочки к огню.

— Бабочки обычно сгорают в пламени, миссис Вэнс, — иронично замечает Торнтон, поправляя манжет. — Мисс Элизабет, я бы на Вашем месте держался подальше от этого египетского сундука. От этих папирусов веет склепом. Неужели Вам не страшно, что эта древность изменит Вас?

Элизабет тихо, мечтательно рассмеялась, глядя на свое бледное отражение, где глаза казались глубже, чем есть на самом деле. Зеркальная поверхность пошла рябью, словно вода.

— О, мистер Торнтон, иногда мне кажется, что быть «самой собой» — это так скучно. Каждый день одно и то же: визиты, чаепития. Если дух древнего Египта заберет частичку моей скучной души и оставит взамен немного своей вечной тайны, я буду ему только благодарна.

— Осторожнее со своими желаниями, дитя мое, — пригрозила веером миссис Вэнс. Веер сложился сам собой, с щелчком захлопнув пальцы дамы. — Древние боги могут Вас и услышать.

Элизабет засмеялась. Смех вышел звонким, но в нем слышалась нотка стекла, готового лопнуть.

«Раздваиваясь» в моменте, я постарался затеряться от собравшихся в отдаленном углу и попытался справиться с привычным, но сегодня на редкость удушливым потоком эфирных возмущений. Столько новых имен и лиц в двух одновременных потоках сознания. Гостиная Блэквуда бурлит: от

Торнтон исходит сухое, металлическое статическое поле — техническое высокомерие, от миссис Вэнс — липкая, приторная вибрация, от Элизабет — чистый, звенящий резонанс, смешанный с легким уколом девичьего страха. Я чувствую всё это кожей, словно паутина касается лица. Каждый человек здесь оставляет след в эфире, как горячий предмет в воде.

Элизабет. Смеется, склонив голову к плечу Марты, живая, румяная, настоящая. Её эфирная подпись яркая, стабильная.

Голова болит сильнее. Две картинки пульсируют в такт.

И вдруг эфирный шум разрезает абсолютный, мертвый штиль.

Я на секунду перестаю дышать. Из толпы смеющихся, пьющих джентльменов в глубине зала медленно выходит человек. Мое восприятие скользит по нему и проваливается в пустоту. Там, где должна быть эфирная подпись, зияет черная дыра. Будто разрыв в ткани реальности, обтянутый безупречно скроенным сукном.

Глава 5. Гость из Египта

Человек выглядит как идеальный восточный джентльмен. Высокий, худощавый, со смуглой, будто высеченной из камня кожей и смолистыми волосами, зачесанными назад. Фрак на нем сидит безупречно, но пуговицы на жилете сделаны из странного темного металла, который не отражает, а будто впитывает в себя свет газовых рожков, оставляя на груди пятна темноты.

Я пытаюсь коснуться сознания незнакомца через эфир, как делал это сотни раз в других мирах и в этом, а натываюсь на ледяную стену. Нет эмоций. Нет мыслей. Только холод и запах озона. Озон, озон Почему им пахнет там ярко? И этот озон Иной. На Гуаме тоже был этот запах, пока я бежал к Элизабет

Незнакомец подходит к группе мужчин, где лорд Блэквуд как раз хвастается своими связями и, не видя смуглого гостя за спиной, продолжает общение со знатными мужчинами с сигарами. Среди них затерся и один из спутников Элизабет, тот, что игрался с флягой в карете.

— О, дорогой Генри, вы всё-таки добрались сквозь этот ужасный туман! — голос лорда Блэквуда звенит. — Сегодня у нас особенный вечер. Нам удалось доставить из Каира нечто монументальное.

Взор лорда Блэквуда горит лихорадочным огнем челове-

ка, увидевшего бесконечность и решившего её приручить. Серебряные символы, которыми расшит бархатный сюртук лорда, медленно перетекают друг в друга, словно живые змеи. Чуть ранее, у входа, лорд лично встречал прибывающих. Его ладонь при пожатии была сухой и горячей, как у человека в лихорадке.

— Кхм-кхм — смуглый человек кашлянул будто невзначай, но звук прошелся по залу, словно удар гонга, заставив хрусталь в люстрах звякнуть. Незнакомец обратил внимание Лорда и всех гостей на себя.

Лорд Блэквуд дернулся, будто его поймали на месте преступления, но тут же вернул уверенность, размахивая бокалом, как будто всегда знал, что смуглый гость рядом.

— И я говорю вам, господа! — голос хозяина стал громче, перекрывая нарастающий гул. — Без помощи этого джентльмена папирус до сих пор гнил бы на портовом складе в Александрии! Таможенники бледнели, стоило им просто взглянуть на сундук. Профессор, Вы совершили чудо, убедив служак, что это лишь сувенир.

— Вы нас не представите? — голос высокого незнакомца прозвучал с хрипотцой, томный и тягучий, словно мед, стекающий с ложки.

— Конечно — Блэквуд запнулся, эфирное поле лорда вспыхнуло тревожным красным импульсом, который я уловил периферией зрения. — Джентльмены и леди! Профессор Ньяр Ньяр-лар Ньярлан Ньярлатхотеп. Уф Или, для дру-

зей, просто Ньяр, как я привык его называть. Исследователь древних культов. Профессор любезно согласился направить наш сегодняшний сеанс в нужное русло.

Услышав это нелепое, домашнее «Ньяр», лорды и леди вокруг понимающе заулыбались, напряжение в воздухе спало, а чужеродное имя профессора мгновенно потеряло свою пугающую остроту. Из древнего ужаса незнакомец в секунду превратился в «своего парня», экзотическую диковинку, которую Блэквуд приручил и привез в Лондон на потеху публике.

Я посмотрел на смуглого профессора. Тот едва заметно склонил голову, но не в поклоне, и на жестком лице скользнула тень улыбки. В его эфире по-прежнему царила ледяная, абсолютная пустота, но теперь мне показалось, что эта пустота беззвучно и сыто смеется над каждым в этой комнате.

Жесткий взгляд гостя скользит по залу, оценивая, взвешивая. Когда он ступает, тени вокруг его ног отстают, словно не поспевая за хозяином.

Холод пробегает у меня по спине.

Египтянин подходит к огромной катушке Теслы, установленной за хозяином особняка. Медные кольца гудят, накапливая заряд. Воздух вокруг профессора искрит, но искры не касаются одежды, а огибают его, как вода обтекает камень.

— О, милорд, — Египтянин мягко наклоняет голову, и я замечаю, что его зрачки в полумраке кажутся неестественно расширенными, поглощая свет. — Египетские чиновники

— крайне суеверные люди. Они боятся старых текстов. Они верят, что некоторые слова, будучи прочитанными вслух в правильном месте, могут изменить геометрию пространства. Я лишь заверил их, что Лондон — слишком просвещенный город, чтобы обращать внимание на подобные глупости. Но до Лондона книга, как видите, пока не доехала, и здесь люд Не столь боязливый.

Один из пожилых лордов снисходительно усмехается, поправляя цепочку часов, которая тускло светится в такт его скепсису:

— В самом деле, профессор Тесла и Эдисон осветили наши улицы, поезда метро пронзают землю. Мы подчинили себе природу. Фокусы простого народа не столь способны в изменении материи, сколь наука, где каждый может стать чудотворцем. Какая магия может устоять перед девятнадцатым веком?

— Вы правы, сэр, — незнакомец едва заметно, зловеще улыбається, и тени вокруг него дрожат, удлиняясь неестественным образом. — Вы провели провода и думаете, что приручили молнию. Вы так усердно разгоняете полумрак в своих домах фокусами с материей Эфира уже по привычке. Словно интуитивно чувствуете, какая бездонная, хищная Тьма ждет вас за пределами этих тонких кирпичных стен. Но этот вечер не для моих прославленных лекций, не буду портить вам аппетит, вино у лорда Блэквуда превосходное.

Оставив озадаченных джентльменов, Незнакомец бес-

шумно, словно скользя над паркетом, направляется прямо к камину. Миссис Вэнс и Торнтон инстинктивно делают шаг назад, уступая ему дорогу. Их эфирные поля сжимаются от давления, исходящего от египтянина, словно растения от мороза.

— Простите мою дерзость, леди, — произносит он, оставившись в шаге от Элизабет. — Я случайно услышал Ваши поразительные слова о невидимой силе и о том, что быть «самой собой» — это невыносимо скучно.

Элизабет оборачивается. Под жестким взглядом её бледные щеки покрываются легким румянцем, а сердце, как я отчетливо чувствую по изменению её эфирного ритма, бьется чаще — резкие, хаотичные всплески энергии, которые наивный разум юной леди ошибочно принимает за светский восторг.

— Вы вы подслушивали, профессор? — тихо спрашивает девушка, стараясь удержать улыбку, но пальцы её сжимают веер слишком сильно, ткань начинает тлеть от статического напряжения.

— Я лишь восхищался Вашей мудростью, — египтянин смотрит на девушку так, словно оценивает редкий товар в лавке антиквара. — Люди строят свои маленькие города на песке и думают, что их империи будут стоять вечно. Они панически боятся перемен, боятся стать кем-то другим. Но Вы Вы так легко готовы впустить в себя вечность. Вы спросили мистера Торнтон, может ли древность изменить Вас? И го-

товы принять этот дар?

— И что же Вы ответите, профессор? Могу ли я изменить-ся? — Элизабет затаивает дыхание, и в ясных глазах вспыхивает тот самый огонь, что я видел в карете. Эфирная сигнатура британки становится нестабильной, готовой к резонансу.

— Дверь, дитя мое, открыта всегда, — чарующий голос египтянина становится тише, вибрируя прямо в её сознании, заставляя стекла в люстрах звенеть едва слышно. — Нужно лишь иметь смелость посмотреть в замочную скважину. Книга — это не просто ключ. Это приглашение для тех, кто стоит с той стороны, войти внутрь. Вы ведь не боитесь гостей, мисс Элизабет? Не боитесь уступить им место?

— Рядом с лордом Блэквудом? Ни капли, — выдыхает она, словно окончательно околдованная.

— Отлично, но — на Вашем месте я бы не раскидывался словами и сто раз все обдумал. Не рекомендую быть импульсивной. — Ньяр медленно переводит взгляд через всю комнату и смотрит прямо на меня. Его глаза сверкают холодным торжеством, а губы расплываются в едва заметной, издевательской улыбке. — Давайте не будем заставлять хозяина ждать!

Я перевожу взгляд на возвышение. Там стоит Лорд Блэквуд, поправляя манжет. Пальцы лорда дрожат.

— Джентльмены и леди! — голос Блэквуда звенит под высокими сводами, усиленный медными резонаторами, встре-

енными в стены. Звук идет не только из его горла, но и будто из самих камней зала, вибрируя в костях гостей. — Благодарю вас за то, что удостоили своим присутствием этот скромный вечер. Сегодня мы стоим на пороге великого открытия. Наука и дух, электричество и мистика — всё это лишь грани одного алмаза. И сегодня мы эти грани соединим.

Лорд делает резкий, театральный жест рукой. Слуги в бесшумных туфлях выносят на подносе из черного дерева книгу.

Книга не похожа на те выцветшие папирусы, что пылятся в витринах Британского музея. Это не хрупкие свитки, исписанные иероглифами для усопших. Переплет сделан из кожи — плотной, темной, с характерной зернистостью, от которой у меня сжимается желудок. Очертания иногда шевелятся, будто дышат в ритме с гулом катушек. Страницы не бумажные — тонкие пластины, светящиеся изнутри тусклым, живым янтарем.

— Книга Мёртвых, — шепчет кто-то в толпе с благоговейным ужасом. Название, знакомое каждому образованному человеку после статей в «Таймс» о находках в Фивах.

— Не просто текст, и уж конечно, не копия для туристов, — поправляет Блэквуд, и в его голосе звучит сталь одержимости. Лорд выходит вперед, его глаза лихорадочно блестят. — То, что вы видите, не предназначалось для глаз живых. Это не «Пер-эм-хру» для проводника душ в загробный мир. Это вариант старше династий. Старше самих пирамид. Я вы-

вез Книгу из закрытой камеры в Луксоре, где она лежала в саркофаге без тела. Таможенники в Александрии бледнели, стоило им просто взглянуть на сундук. Они крестились и шептали молитвы, когда мы грузили это на пароход.

Я читал об этом Еще в СССР. Думал, забавные байки. Но чувствую книгу кожей. Она не излучает эфир, как все живое вокруг. Книга его пожирает. Вокруг переплета образуется вакуум, легкая рябь пространства, словно воздух вокруг раскаленного камня.

— Это код, — продолжает Блэквуд, повышая тон, словно проповедник. — Ключ к вратам, которые были заперты четыре тысячи лет. Мы привыкли думать, что смерть — это конец. Египтяне знали: это лишь переход. Но они не знали, что переход можно контролировать. Можно не ждать смерти, чтобы открыть дверь. Можно позвать тех, кто по ту сторону, пока твое сердце еще бьется.

Лорд кладет ладонь на обложку. Кожа под пальцами вспыхивает ярче, реагируя на тепло, на эфирный импульс его тела.

— И у нас есть проводник, — Блэквуд отступает в сторону, указывая на фигуру профессора в тени. — Человек, который читает эти строки не как ученый, изучающий мертвый язык, а как очевидец. Тот, кто знает, как звучали эти слова там, где были написаны. Профессор Ньярлатхотеп, прошу!

Из тени за спиной хозяина вечера медленно выдвинулась его главная сегодняшняя гордость. Гости мгновенно замер-

ли, обрывая смех на полуслове. Воздух в гостиной сделался вязким, тяжелым и липким, словно густой кисель, наполняясь давящим статическим напряжением, от которого волосы на руках вставали дыбом.

Профессор двигался с плавностью гастролирующего шоумена, привыкшего к гипнотическим взглядам тысячных толп в лекционных залах. В его облике не было ничего сверхъестественного — идеальный фрак, уверенная походка, — но за этим безупречным человеческим фасадом скрывается нечто иное. Я чувствую.

Медные кольца огромной катушки Теслы, установленной в углу залы, завывали, накапливая дикий заряд, стоило профессору лишь небрежно протянуть к ним руку. Воздух вокруг него бешено заискрил фиолетовыми разрядами, но электрические вспышки не смели коснуться идеального фрака. Ослепительные дуги послушно огибали фигуру, точно река, обтекающая гладкий базальтовый камень, подчиняясь скрытой, невидимой воле. Египтянин не использовал магию в привычном, архаичном смысле — он командовал самой материей эфира, заставляя передовую технику девятнадцатого века рабски петь на его личной частоте.

— Я обещал не читать лекций. Но, видя ваши лица, чувствую себя обязанным предупредить перед сеансом. И возможно — вы передумаете и уйдете, пока не поздно. Каждый человек вправе сам решать, после того, что услышит, — начал профессор речь, и глубокий вибрирующий голос без ма-

лейших усилий заполнил огромную залу, мгновенно проникая в самые дальние, потаенные уголки сознания каждого присутствующего. — Вы смотрите на эти лампы и свято верите, что приручили ночь. Вы строите города из стекла и стали, прокладываете трубы под землей и тешите себя иллюзией, будто ваш технический прогресс — это надежная броня, способная защитить вас от первозданного хаоса. Вы зачитываетесь трудами по психологии, пишете диссертации, наивно полагая, будто ваш куций разум сумел до конца изучить сложнейший лабиринт человеческой души.

Египтянин сделал едва заметную паузу, обводя притихший зал взглядом расширенных, угольно-черных зрачков, который физически казался тяжелее свинца.

— Но вы трагически ошибаетесь. Вы не приручили ночь. Вы лишь зажгли копеечные свечи в огромном, бесконечном склепе, границы которого вам не суждено объять. Вы построили свои хваленые мегаполисы на зыбучем песке, под толщей которого веками спят истинные древние силы — силы, что старше всех ваших придуманных богов и старше самих звезд. Вы всерьез думаете, будто электричество — это ваша новая покоренная сила? Нет! Это не более чем жалкое, угащающее эхо того самого первородного огня, что полыхал в потайных подземных храмах Мемфиса, пока ваши предки еще испуганно ползали на четвереньках в грязи.

Говорящий неторопливо положил ладонь на искрящуюся катушку. Разряд под пальцами профессора мгновенно стал

ярче, вспыхивая слепящим, болезненно-белым сиянием.

— Я пришел к вам не как вестник смерти. Смерть — это слишком милосердное избавление для человека, слишком предсказуемый финал. Я принес вам нечто иное — я принес вам пробуждение от вашего затянувшегося ментального сна. Вся ваша наука — лишь мимолетный, крошечный миг перед наступлением вечной тьмы. Ваша цивилизация — это всего лишь хрупкий песчаный замок перед началом сокрушительного прилива. Не бойтесь её крушения. Бойтесь того неизбежного момента, когда песок окончательно осядет, и вы с ужасом увидите, что все это время стояли на самом краю голодной, бездонной бездны.

Египтянин убрал руку от гудящего металла, плавно обернувшись к застывшей толпе.

— Звезды однажды уже стояли правильно. Они будут правы снова. И когда это случится, ваши хваленые машины навсегда замолчат, фокусы лопнут, а ваши законы и хрупкая мораль в секунду рассыплются в прах, и останетесь только вы один на один с Тем, что терпеливо ждет в темноте.

Я смотрел на профессора и чувствовал, как внутренности сковывает ледящий, первобытный холод. Мой ментальный взгляд отчаянно пытался скользнуть по его эфирной подписи, но с хрипом проваливался в абсолютную, мертвую пустоту. Там, где у любого живого существа должен быть пульс, теплое течение жизненной энергии, мысль, страх или желание — у него зиял глухой, звенящий вакуум. Египтя-

нин, как и Книга, не излучал жизнь. Наоборот, поглощал её, как черная дыра.

Ходячая, одетая с иголки прореха в самой ткани реальности, которая нацепила на себя маску странствующего лектора и утонченного психолога лишь ради одной цели — поближе, с холодным академическим любопытством рассмотреть скорую гибель этого крошечного муравейника, который мы самонадеянно называем своим домом.

Остальные гости, наверное, тоже чувствуют это Должны ведь чувствовать, должны видеть то же самое?!

Но на бледных, застывших лицах не отражается ни капли удивления — лишь покорное, сытое оцепенение послушного стада.

Элизабет сидит за круглым столом из полированного эбенового дерева, сжимая холодную ладонь Марты. Виконт Артур, к тихому уколу в раненое сердце, до сих пор рядом с Клэр, их ауры сплелись в золотистый узел, оставляя Элизабет в одиночестве. Девушка выпрямляет спину. Сегодня вечером она докажет Артуру, что её дар не хуже.

— Лорд Блэквуд, то, что вещает профессор, внушает тревогу! — смело обращается к хозяину, стараясь, чтобы голос звучал легко. — Но Вы обещали, что если дух древнего царя явится, Вы не позволите ему забрать мою душу в загробный мир. Неужели солгали?!

— Клянусь своей честью, мисс Элизабет, — смеется Блэквуд, но смех выходит не натуральным. — Я лично защищу

Вас и каждого в своей обители фамильным револьвером от любого выходца с того света!

Гости засмеялись.

Ньяр медленно поворачивает голову к Элизабет.

Решительно делаю шаг вперёд. Подошвы скользят по паркету, но в эфирном слое пол под ними покрывается инеем. Идеальный баланс зала дрожит. Хрусталь люстр отзывается тихим, почти неслышным звоном, будто я задеваю невидимую струну, натянутую через всю комнату.

— Простите, профессор, — мой голос звучит глухо, будто проходит через слой ваты. — Но Вы говорите о «тех, кто стоит с той стороны» так, будто они только и ждут приглашения на ужин. Если так Вам не кажется, что некоторые двери лучше оставлять запертыми? Навечно.

Ньярлатхотеп медленно оборачивается. Движение плавное, неестественно точное, словно кадр, пропущенный на долю секунды. Жесткий взгляд скользит по мне — и в тот же миг в моей голове что-то щёлкает. Резонирует.словно две расстроенные струны внезапно задели одну частоту. Я чувствую не пустоту, а эхо. Далёкое, огромное, знакомое до дрожи, но давно забытое. И тут же — ледяную чуждость.

Внезапно газовый рожок вспыхивает ослепительно-белым пламенем, а затем гаснет, оставив после себя едкий запах серы. Гости вздрагивают, но Ньяр даже не моргает.

Эфир вокруг египтянина не сгущается. Просто затихает. Шум гостей, гул катушек, шелест платьев — всё провалива-

ется в вакуум, оставляя только его голос.

— Господин — он произносит это слово так, будто пробует на язык. — Как Ваше имя?

— Путник.

Глава 6. Осколки и аргументы

На долю мгновения сознание расщепляется сильнее. Два слоя реальности накладываются, и я вижу зал не своими глазами.

Элизабет. Веер в изящной руке застывает, словно фарфоровый щит. Взгляд аристократки, холодный и привыкший оценивать, скользит от виконта к нам. В мыслях девушки — не эфир, не древний ужас, а одно лишь светское досадование: «Опять этот незнакомец. Я собиралась блистать во внимании. А тут — снова он! И зал на меня больше не смотрит. Вступает в прения, коими не владеет. Платье его поношено, осанка чужда залу, а взор чрезмерно недвижим для гостя, коий должен трепетать. Неужто он намерен разрушить мой вечер?»

Элизабет не зрит той зияющей пустоты, что стоит перед нею. Для неё сей миг — не столкновение с бездной, а досадная помеха привычному этикету: невежа против хозяина. Пульс её ровен, дыхание размеренно. Леди уже избирает про себя слова, дабы мягко, но твёрдо пресечь речь незваного пришельца, когда тот, по её разумению, неизбежно оплошает.

Я вынырываю из стороннего восприятия, как из ледяной воды. Виски пульсируют. Миры не расходятся — просто я осваиваюсь удерживать фокус на своём. Остаётся липкое по-

слевкусие чужой скуки и глухой собственной тревоги.

Ньярлатхотеп чуть склоняет голову. В уголках губ египтянина дрожит тень улыбки.

— «Путник». Прелестное прозвание для скитальца, что смотрит на меня словно на зеркало, повернутое изнанкой, о господин!

Профессор ступает ближе. Паркет не скрипит. Пространство меж нами сжимается само собой. Я чувствую, как давление воздуха возрастает, словно мы опустились на дно океана. Мои уши закладывает.

— Вы рассуждаете о запечатанных дверях, господин. Столь почвенно. Столь человечески. Но разве Вы не замечали? Те, кто пуще всего страшатся сквозняка, обычно сами хранят ключ в кармане, а не выкидывают его прочь.

Ньярлатхотеп поднимает руку. Не чтобы ударить. Просто жест. Но от этого движения тени на стене за моей спиной отрываются от контуров мебели и тянутся ко мне, словно черные пальцы.

— Вы возводите засовы, дабы чувствовать себя в безопасности. А я я лишь обожаю смотреть, как Вы делаете первый поворот.

Я не отвожу взгляд, хотя глаза начинают слезиться от напряжения эфира.

— Вы путаете страх перед сквозняком с инстинктом самосохранения, профессор, — мой голос выравнивается, обретая ту холодную ясность, что выковывалась годами. — Дверь

запирают не из страха перед тем, что снаружи. А потому, что знают: внутри — уязвимо. А ключ держат при себе — на случай, если потребуется выйти, да поскорее, если уязвимому нужно наружу. И если снаружи станет хоть толику безопаснее, то дверь будет закрыта уже с той стороны.

Я делаю еще полшага. Теперь между нами меньше метра. Воздух искрит мелкими разрядами, похожими на статическое электричество. Волосы на руках встают дыбом.

— Вы предлагаете восхищаться сломанными засовами, называя это «зрелищем». Но ломать — не значит понимать.

Раскрываю правую ладонь — воздух над ней искажается в волнах.

— Вы говорите о пороге, как турист о границе. Но порог — это черта, где заканчивается «я» и начинается «другое».

Сжимаю в кулак — и волны покрываются точками пыли и разлетаются по всему залу.

— И если Вы так любите наблюдать за поворотом ключа скажите, Вы когда-нибудь пробовали держать дверь лишь прикрытой? Чтобы не впустить холод, но и не потерять свет?

Едва слово «свет» слетает с моих губ, зал погружается во тьму.

А вот это я — не совсем нарочно. Хотел лишь приглушить. Перестарался.

Это происходит не постепенно. Щелчок, сухой и громкий, словно перелом отмершей ветви, разносится под сводами. Гаснут газовые рожки. Гаснут сферы с миниатюрными гро-

зами. Исчезают светящиеся узоры на платьях дам и искрящиеся манжеты кавалеров. Даже эфирные огоньки, которые гости зажигали для развлечения, лопаются, как мыльные пузыри, оставляя после себя лишь запах озона и внезапную, звенящую тишину.

Перестарался — не то слово.

Единственным источником света остается катушка Теслы в углу. Прибор гудит ниже, басом, вибрируя в грудной клетке, и отбрасывает длинные, дерганные тени, которые кажутся живыми существами, ползающими по стенам. В этом болезненно-фиолетовом полумраке лица гостей выглядят мертвенными масками.

Кто-то из гостей, не выдержав напряжения, роняет бокал.

Звон разбитого стекла звучит как выстрел. Осколки разлетаются, но не падают на пол — висят в воздухе, пойманные остаточным статическим полем, отражая искаженные, широко раскрытые глаза присутствующих. Никто не смеет пошевелиться, чтобы убрать их. Даже слуги позабыли про прямые обязанности. Дыхание зала замерло.

Ньярлатхотеп рассмеялся. Тихо, бархатно. Смех прокатился по залу, и хрусталь в люстрах, хотя они и были темны, едва заметно дрогнул, посыпав вниз мелкую стеклянную пыль, которая сверкнула в лучах катушки, как звездная пыль.

— Свет — произнес профессор из темноты. Голос казался теперь ближе, будто египтянин стоит прямо за моим пле-

чом, хоть я знал, что он не сдвинулся с места. — Вы просите сохранить свет, господин Путник. Но разве Вы не видите? Вы уже стоите в тени. Таща во тьму за собой всех, кто умудрился наступить в Вашу тень. И она Вам — идет, о господин!

В этот момент катушка Теслы выбросила длинную, громко трещавшую фиолетовую дугу. На долю секунды вспыхнувший свет выхватил фигуру профессора. Тот сделал шаг вперед — нет, словно проявился из самой тьмы, сократив дистанцию между нами без звука шагов.

— Ах, вот оно, — прошептал египтянин, и в свете угасающей искры я увидел, как он поправляет манжет. Тени от его пальцев на мгновение отстали от движения, будто не решаясь последовать за хозяином, и лишь потом, рывком, догнали руку. — Вы страшитесь не двери. Не того, что за ней. Не за то, что уязвимо внутри. Вы страшитесь собственной руки, что способна отворить эту дверь и следом за собою захлопнуть. И это восхитительно честно. Почти по-детски.

Ньярлатхотеп склонил голову, и его глаза в полумраке поймали отблеск меди, сияя холодным, немигающим огнем. В жестком взгляде вспыхнула искра — холодная, торжествующая. В ней читалась не угроза, а ядовитая нежность учёного, обнаружившего в пыли редчайший экземпляр.

— Вы ведь и впрямь дитя, господин Путник. Росток, проросший сквозь камень древнего храма. Вы тянетесь к свету, не ведая, что корни ваши уходят в бездну, а почва — в память, кою Вы давно утратили. Как забавно! Вы, простой че-

ловек Вы, господин, что некогда держал в своих ладонях сами Врата, ныне трясётесь над замочной скважиной, словно нищий пред дверью чужого замка.

Ньярлатхотеп щелкает пальцами.

И свет возвращается.

Не мигая, не мерцая. Вспыхивает мгновенно, ослепительно-яркий, болезненный для глаз, привыкших к полумраку. Газовые рожки загораются ровным пламенем. Сферы под толчком вновь наполняются миниатюрными грозами. Только запах озона да стеклянная пыль на паркете напоминают о том, что тьма была реальной.

Египтянин наклоняется ближе. Его лицо теперь так близко, что я в деталях вижу слизистую глаз и расширенные зрачки, в которых нет отражения зала. Только пустота.

— И при этом — слова звенит, проникая прямо в кости, — Вы прекрасны в своём неведении. Словно птица, что поёт в клетке, забыв, что небо давно распахнуто. Продолжайте. Ваши рассуждения развлекают меня куда более, чем любая лекция. Они доказывают: даже когда Вы забываете, кто Вы, Вы всё равно стоите на пороге. И этот факт необратим.

Я чувствую, как капля крови стекает из носа на губу. Солёный вкус. Даже не из-за работы с эфиром, а из-за двух одновременных реальностей перед глазами. Все вместе — сильное давление на капилляры. Моя голова раскалывается, но разум работает, отсеивая шелест метафор.

Пристальный чужой взор погружается вглубь, поглощая

свет газовых рожков. В этой черноте я чувствую не насмешку. И не похвалу. Я чувствую игру. Он знает. Он знает ровно столько, сколько хочет, чтобы я понял, что он знает. И наслаждается каждой секундой, пока я пытаюсь собрать осколки, не зная даже их формы.

Я не отвожу взгляда. В груди всё ещё вибрирует тот странный гул, но разум уже работает, отсеивая шелуху слов, вычленяя каркас.

Странно, как быстро встали на свои места правила этой игры. Мне знаком этот формат и без всяких воспоминаний Элизабет. Про это еще рассказывал братец Ли — пытался со мною, мальцом, играть в эту игру, в которой я извечно проигрывал, будучи юн и слаб умом. Но я уже далеко не глупый юнец. Видел бы ты меня сейчас, братец Ли, схлестнулись бы в схватке остроты языков

В Англии, в Италии, да и вообще во многих мирах, где доводилось бывать, званые вечера никогда не сводились лишь к шампанскому и сплетням. Все это были арены. Издревле. Философские дуэли, психологические парирования, метафизическое фехтование — всё это вплеталось в ткань светского этикета. Джентльмен не обнажал шпагу; он обнажал аргумент.

И здесь, в этом пропитанном озоном и ладаном зале, профессор не угрожал. Меня приглашали к диспуту. К ритуализированному обмену, где каждое слово — ход, каждая метафора — защита, а отступление — признание слабости. Я

больше не вижу в профессоре безумца или посланца тьмы. Только отточенного интеллектуала, использующего психологию и поэзию как инструменты давления. И я знаю, как на это отвечать. Не эмоциями. Структурой.

Единственное — в Эфирном мире сила слов по этикету подкреплялась и фокусами.

— Прелестная риторика, профессор, — произношу, вытирая кровь тыльной стороной перчатки, коей стала часть Полимера. Багровое пятно на белой ткани выглядит вызывающе ярко. — Росток, птица, нищий. Вы мастерски вплетаете архетипы в речь. Но поэзия — не диагноз. И уж точно не ключ.

Я делаю резкое движение рукой, которой вытер кровь, рассекая напряженный эфир между нами. Зависшие осколки стекла с громким звоном осыпаются на пол, разрушая гипноз. В падении осколки окрашиваются в красный, словно впитывая кровь, и возвращая моей перчатке первозданную белизну. Гости вздрагивают, словно проснувшись.

— Вы говорите об утраченной памяти, как врач о подавленном воспоминании. Напомните, мы же сейчас пока не используем хирургическое вмешательство в мозг ради исцеления душевных болезней? Пациентов ведь содержат в изоляции, лечат обертыванием, ваннами, бромидами да опиумом. Это — если вообще нужно лечить. Но что, если это не пробел, а шрам? Шрамы не затянуть разговорами о «распахнутом небе». Шрамы напоминают, почему дверь стоит запи-

рать. Вы называете мою осторожность неведением. Я называю её опытом. Не всякое небо — благо. Не всякая клетка — тюрьма. Иногда она — убежище от бури, которую вы сами же и зовёте.

Оборачиваюсь к залу на мгновение, испуская волну дрожащего воздуха, затем снова к египтянину.

— Вы предлагаете нам восхищаться тем, как ломают заборы. Но сломать — не значит понять. Вы говорите о пороге, как о сцене. А порог — это место выбора. И пока я не пойму, что именно Вы хотите впустить в этот дом моя рука останется на ручке. Не из страха. Из ответственности.

Ньярлатхотеп молчит. Его улыбка не гаснет, но в ней появляется новая грань — та, что бывает у шахматиста, чей ход предсказали, но который всё равно доволен игрой.

— Ответственность — повторяет за мной, смакуя слово. — Какое тяжёлое, какое человеческое слово. Вы носите его, как плащ, накидываете на себя при первом удобном случае. И всё же — египтянин чуть вскидывает голову, — кто обозначил, что Вы имеете право решать за других, что им впустить, и когда выйти?

— — Я решаю не за них. Я решаю за себя. А в этом зале, профессор, каждый сам несёт свой груз. Даже если он одет во фрак и цитирует мистиков.

В зале повисает тишина. Не та, что давит. Та, что слушает. Кто-то опускает бокал. Лорд Блэквуд бледнеет, чувствуя, как тонкий лёд светского вечера трескается под весом чужих

слов.

Взоры гостей, доселе лениво блуждающие меж гранями хрусталя и переливами шёлка, ныне прикованы к сей неожиданной словесной дуэли. У камина, где бархатные портьеры едва колышутся от невидимого сквозняка, кухни Элизабет склонились друг к другу, скрывая за кружевом верев повешенный, ядовитый шёпот.

— Слышали ли Вы, милая? — прошипела одна, глаза которой блестят нездоровым возбуждением. — Сей «Путник», должно быть, либо безумец, сбежавший из приюта, либо философ из тех, что бродят по туманным закоулкам городищ, питаясь лишь собственным тщеславием. Как он смеет столь дерзко перечить нашему достопочтенному гостю?

— Тише, — одёрнула другая, нервно поправляя бриллиантовую брошь на груди. — Речь его, хоть и отточена, несёт в себе некую свинцовую тяжесть. От неё даже вино в бокалах, кажется, потеряло вкус и превратилось в уксус. Не к лицу нам, дамы, вступать в прения с бродягой, чьё пальто хранит запах чужих дорог и бедности.

Элизабет едва заметно поморщилась, словно от внезапного перепада давления. Леди Марта, чьи мысли обточены под единое лекало мышления годами обучения в пансионе для благородных девиц, не отличаясь оригинальностью от остальных перешептывающихся, склонилась к самому уху подруги:

— Боже правый, Лиззибэт! Ты слышала эту наглость? Сей

господин, назвавший себя Путником, говорит с профессором так, будто они равны перед законом этикета. Неужели лорд Блэквуд допустит, чтобы какой-то выскочка поучал нас морали посреди гостиной?

— Тише, Марта, — шепнула Элизабет, не сводя глаз с напряжённых плеч незнакомца. В пристальном взгляде читалось не восхищение, а скорее недоумение, смешанное с лёгким, липким страхом нарушить хрупкий баланс вечера. — Он не бродяга. Посмотри, как он держится. Эта осанка эти слова — они не принадлежат простолюдину. Он стоит так, словно знает: стены этого дома подчиняются ему не меньше, чем самому лорду. Но зачем он рискует? Зачем провоцирует того, кто, кажется, держит в руках само время? Профессор слишком сладкоречив, его яд скрыт в мёде. Путнику его не затмить. Это не смелость. Это безрассудство. Или глупость, граничащая с самоубийством.

Гости вокруг переглядываются, возмущенный шёпот сливается в единый гул осуждения и праздного любопытства. Для собравшихся здесь внезапный спор посреди зала выглядит лишь эксцентричной выходкой, досадным пятном на безупречном полотне вечера. Приглашенные не видят эфирных разломов, не чувствуют холода, исходящего от фигуры профессора. Гости видят лишь двух мужчин, столкнувшихся лбами в странной игре слов. Многие из присутствующих, независимо от чина, звания или богатства, — не обладают ни даром высокого слога, ни остротой ума, чтобы постичь глу-

бину каждого сказанного слова. Но людей тешит само зрелище. Происходящее воспринимается лишь прелюдией, разминкой перед настоящим сеансом спиритизма, когда тьма должна спуститься в зал. И они ждут, затаив дыхание.

Я выдыхаю. Эфирный иней на полу отступает.

— Не тревожьтесь, господин Путник, — голос Ньярлатхотепа звучит тихо, но отчётливо, перекрывая нарастающий гул толпы. Профессор выпрямляется, возвращаясь к безупречной светской маске. — Я не тот гость, что ломится в двери без стука. Я стою на пороге. Как и все здесь собравшиеся. Как Вы сами все и сказали — Ваша рука, господин, на ручке, и Вы решаете сами. За себя. О, все верно! Только вот я и все здесь — будем ждать, не принуждая, пока Вы откроете сами. А когда это случится — искуситель отступает, возвращаясь в свет, — Вы удивитесь, насколько родным покажется Вам то, что Вы так старательно прятали. Не снаружи. Внутри. И каждый пусть сам за себя решит, что ему делать с проемом.

Египтянин кивает, словно мы обменялись безупречными любезностями, и направляется к Блэквуду. Эфирная вязкость спадает. Шум зала возвращается, но теперь в нём отчётливо слышна фальшь.

Где-то в глубине груди — не в кармане плаща, а именно внутри, в том месте, которое в старых книгах называют душой, — что-то едва заметно вибрирует в такт уходящим

шагам. Ровный, низкий гул. Будто крепко спящий механизм впервые за тысячи лет дал осечку.

Кто-то нервно смеётся. Подхватывают другие. Гости снова болтают и чокаются.

Глава 7. Прошлое

Великий зал Блэквуд-Холла теряет черты гостиной. Помещение превращается в операционную. Хирургический театр реальности: скальпель заменён катодными лучами, анестезию заменяют древние формулы.

Тяжёлые бархатные портьеры пожирают свет. Воздух густеет, становится липким. Запах дорогого табака и старинного воска смешивается с чем-то острым, сухим — привкус статического разряда оседает на языке горькой медью. Гигантская катушка Теслы в углу гудит. Вибрация проникает сквозь кости, зудит в зубах, заставляет дёргаться веки. Фиолетовые змейки молний бьют в металлические проводники, уходящие в стены; каждый разряд отдаётся глухим толчком в солнечное сплетение.

Гости — около пятидесяти человек, цвет лондонского общества — собрались полукругом у массивного стола из красного дерева. За спиной каждого — резное деревянное кресло. Позы расслаблены, сквозит высокомерие: ленивое касание ладоней к хрусталу, тихий, уже отшумевший смех. Для собравшихся ночью — игра. Развлечение высшего сорта. Ожидание фокуса: левитации ножа, танцующего колокольчика.

Я не планирую пока вмешиваться.

Картинки чужого видения жизни через восприятие Эли-

забет накладывают имена и истории на лица присутствующих. Воображение юной леди рисует благородные портреты, однако ауры и взгляды гостей кричат о лжи. Сброд, хранящий за душой тысячу и одну тайну. Но меня это сейчас не касается.

Лорд Блэквуд стоит в центре, спина прямая. Около хозяйина вечера невысокий пьедестал; на бархатной подушке лежит Книга Мёртвых. Том живёт своей жизнью: страницы едва заметно колышутся, втягивая воздух.

Вижу потоки. Тонкие, серебристые нити эфира тянутся от грудных клеток гостей прямо к переплёту; Книга работает как конденсатор, накапливая заряд. Потоки невидимы для большинства. Гости чувствуют напряжение — да. Видят структуру — вряд ли, разве что единицы.

Моё зрение, расширенное и отточенное существами из иных параллелей, различает архитектуру потока. Знаю от них: эфир — фундаментальная основа реальности, поддающаяся инженерному воздействию. Магия? Чистая физика высших порядков.

Однако такое зрение требует непомерных сил. Чем глубже манипуляции, тем дороже плата жизненной энергией. Неподкованные способны лишь на лёгкие фокусы — искры, левитацию пёрышка. Постоянное вливание собственной силы истощает быстрее марафонского забега. А я этим вечером бегу марафон. Присутствие здесь — очередной тест на выживание. Полимер на плечах тяжелеет, впивается в клю-

чицы микроскопическим давлением.

Да, да, знаю, старый помощник. Подбодри. Сегодня марафонцу Крэю нужна спецодежда, способная провести через дистанцию.

Формально за столом нет главенствующего места. Однако гости не полностью окружают стол, сразу обозначая хозяина. Пальцы лорда лихорадочно теребят манжеты. Взгляд, устремленный на «Профессора», полон обожания. В глазах Блэквуда — довольный блеск человека, наконец коснувшегося бесконечности.

Ньярлатхотеп сидит напротив. Единственный, кто уже занял своё место.

В пустой ауре египтянина читаю лишь прагматичность. Отсутствие злых намерений, умыслов и желания личной выгоды. Египетский профессор здесь — консультант. Взгляд скользит по лицам без напряжения, с холодом, каким доктор осматривает пациентов перед сложной процедурой.

— Мы готовы, джентльмены, — объявляет лорд. Глас звучит гнусаво и тонко, едва перекрывая гул катушки. — Начинаем первую фазу. Калибровка чувствительности рецепторов. Нам нужно убедиться, что каналы восприятия открыты, прежде чем мы начнём считывание данных из Акаши. Прошу, займите места.

Гости движутся синхронно. Шелест тканей, скрип дерева. Полукруг приглашенных садится друг к другу теснее. Ладони ложатся на полированное дерево, пальцы переплетаются,

образуя живую цепь.

— Верно, милорд, — поддерживает Ньяр, не вставая. Ровный тон, лишённый эмоций. — Сначала настройка инструмента. Затем — запись. Без подготовки носителя прямой контакт с Хрониками может привести к когнитивному коллапсу. Мы лишь проверяем прочность сосудов перед наполнением.

Я по-прежнему в углу, прижимаясь плечом к холодной колонне. Присоединяться к сборищу за столом не хочу. Как и многие другие, занял место в импровизированном партере, попивая шампанское. Принуждения нет.

По опыту: будь это смертельная ловушка, я бы уже почувствовал серу и страх смерти.

Сейчас вижу лишь взбудораженность, веселье, стремление к новому знанию.

Эфир здесь не течёт. Стоит, тяжёлый и вязкий, напоминая растопленный гудрон.

Мое зрение, уже настроенное на иной спектр, показывает, как субстанция сгущается у пола, образуя липкие, тёмные лужи, медленно ползущие вверх по стенам к потолку. Вибрация идёт на низкой, инфразвуковой частоте, от которой ноют зубные нервы и сводит скулы. Воздух наполнен микроскопическими разрядами, похожими на статику перед грозой, только цвет — болезненно-фиолетовый, почти чёрный.

Я улавливаю лишь волновой шум. Чужие эмоции бьются о разум, как волны о скалу, оставляя рябь искажений.

Страх Лорда Блэквуда окрашивает пространство вокруг в грязно-серые тона; любопытство Элизабет вспыхивает короткими, острыми искрами. Что скрыто под этими слоями — пока непонятно. Висок пульсирует, боль отдаётся в глазницах. Комната задерживает дыхание, натягивая эфирную плёнку до предела перед первым рывком.

Уже привычно переключаю картинку образов Что там у юной леди?

Поверхностная плёнка зрения девушки никуда не делась, всё также наслаивается на моё восприятие, передавая дрожь напрямую в череп.

Элизабет глубоко вдыхает. Воздух сгущается, обретая тягучесть расплавленного янтаря. Сердце колотится, подобно птице, тщетно бьющейся о прутья грудной клетки. Взгляд скользит мимо кружев и швов — ныне девушке нет дела до одеяний. Чужие взгляды давят тяжёлой, липкой пеленой, сплетаясь в невидимую сеть любопытства и скрытой зависти. Спина юной леди выпрямляется по велению воспитания, однако внутри натягивается тончайшая струна, готовая лопнуть от малейшего фальшивого звука. Тени в углах удлиняются, нарушая законы оптики. Невидимое присутствие дышит в затылок могильным холодом. Страх смерти отступает; ужас рождает иное предчувствие: кончина окажется не стеной, но лишь тонкой гранью. Матушка Элизабет не зря твердила неустанно: все входы открыты.

Слово «входы» зажигает в сознании образ Акаши. Не кни-

га заклинаний, но великая Хроника мироздания. Эфирная летопись деяний, мыслей и поступков, вплавленная в саму ткань бытия. Подобно тому как фонограф запечатлевает голос на восковом цилиндре, Вселенная хранит каждое мгновение в вечной памяти эфира. Доступ к сей записи — путь сквозь время. Матушка шептала Лиззи: «Душа, настроенная на верный лад, прочтёт эти строки». Ныне кажется: частота меняется. Грань истончается до прозрачности.

— Леди и джентльмены.

Слова Ньярлатхотепа проникают прямо в мозг, минуя уши. Никакой мистики. Только холодная, металлическая чёткость лектора из Королевского общества.

Блэквуд поднимает руку. Пальцы дрожат, жест властный.

— Садимся. Берёмся за руки. Показываем эфиру готовность слушать.

Гости перестраиваются. Шёлк шуршит. Перчатки касаются перчаток. Кто-то хихикает. Нервно, сдавленно.

— Надеюсь, профессор, не заставите держать руки часами? — бросает Артур Эшфорд, пытаясь разрядить обстановку шуткой. Виконт поправляет монокль, сверкнувший линзой в свете катушки.

Соседка одёргивает шутника за рукав, шипя сквозь зубы:

— Тише! Не порти момент!

Возвращаюсь к себе

Лорд Блэквуд замечает странного гостя в тени. Взгляд цепляется за мою фигуру, скользит к Ньярлатхотепу. Между

хозяином и медиумом проходит безмолвный обмен взглядами.

— Мистер Путник, — обращается ко мне Блэквуд. — Вы столь красноречиво рассуждали о порогах и засовах. Не считите за труд присоединиться. Ваш опыт странствий, несомненно, обогатит эксперимент. Место свободно с краю, рядом с мисс Мартой.

Блэквуд хочет показать свой контроль. Даже былой скептик станет теперь частью предстоящего триумфа лорда.

Вызов, облечённый в форму приглашения. Отказ сейчас означал бы трусость. Да и мне лучше оставаться внутри, видеть всё из первого ряда.

Делаю шаг вперёд. Полимер тихо шелестит.

— Если мой скромный опыт способен добавить веса наблюдениям, милорд, — отвечаю, кланяясь с преувеличенной вежливостью. — Почту за честь.

Сажусь за стол с краю. Рядом с Мартой. Пальцы соседки холодные, влажные от пота. Она вздрагивает при касании моей ладони, но руку не отдёргивает. Напротив нас — Элизабет. Взгляд девушки встречается с моим. Там нет страха. Только вопрос. И лёгкое облегчение от того, что я здесь.

Ньярлатхотеп завязывает глаза чёрным шёлковым платком.

Достаёт из складок фрака тонкое стилос из чёрного металла. Кладёт пальцы левой руки на тяжёлый лист пергамента. Правой рукой водит стилосом над бумагой, не касаясь поверх-

ности. Расстояние — мизерное.

Скрип начинается тихо. Затем ускоряется.

Щёлк-скрип-щёлк.

Рука профессора движется неестественно. Кисть работает как поршень. Из кончика стила, без чернильницы, прямо из воздуха вытягиваются чёрные нити. Чернила ложатся на пергамент ровными, стерильными линиями, застывая мгновенно. Автопись. Эфир конденсируется в знаки.

Холод обрушивается в момент. Воздух сжимается. Дыхание гостей превращается в тонкие белые нити пара. Пальцы в сцеплении коченеют, но никто не разрывает цепочку рук. Страх нарушить эксперимент сильнее инстинкта самосохранения. Эфирная вязкость нарастает, давит на барабанные перепонки. Полимер сжимается на спине, блокируя мышечные спазмы.

Пока ничего опасного. Присутствует лишь лёгкая тревога. Простая инженерия. Египтянин использует эмоции как топливо, калибрует систему. Проверяет прочность цепи. Точно так же, как в мире Вштейна использовали биополя актёров для питания декораций; здесь только источник иной. Здесь в топку идут грехи?!

Ньярлатхотеп останавливается. Снимает повязку. Взгляд невозмутимый, как у врача в клинике.

— Акаша не лжёт. Летопись лишь зеркало. Разрешите прочесть переданное.

Профессор берёт лист. Чтение идёт спокойно, буднично,

словно зачитывают список покупок.

— Дама с тяжёлым кольцом, леди Маргарет, верно? — голос Ньярлатхотепа скользит по залу, останавливаясь на полной женщине в бархате, чьи пальцы судорожно сжимают бокал. — Ваше украшение на безымянном пальце. Золото. Оно тяжёлое. Не физически. Ментально. Память металла хранит тепло рук предыдущего владельца. Вашего мужа. Вы говорите всем, что он упал с лошади. Но эфир показывает иное. Стремена были подрезаны. Неровно. Слева. Конь споткнулся. Вы продали его часы на следующий день. Кольцо жжёт кожу, потому что вина имеет температуру.

Да это же гениально! Чистая психосоматика, доведенная до абсолюта. Египтянин не обвиняет — просто озвучивает то, что жертва уже кричит внутри себя годами. И самое циничное: чем сильнее напыщенная дама пытается заглушить этот крик, тем громче он слышен для всех.

Женщина с кольцом бледнеет так, что губы становятся прозрачными, почти исчезают, сливаясь с фарфоровой кожей лица. Глаза расширяются, зрачки сужаются в точки. Хочет выдернуть руку из цепи — вижу, как напрягаются сухожилия на запястье, вздуваются вены, но не делает этого. Дама смотрит на соседа справа. Тот отводит взгляд.

В этот момент Книга Мёртвых на столе тихо пульсирует. Тусклое янтарное свечение внутри переплёта вспыхивает ярче, стоило только женскому страху ударить в эфир. Виновница с кольцом кормит Книгу. Стыд уличенной, её пара-

лизующий ужас разоблачения — это лучшее топливо. Чем дольше молчит, тем сытнее становится древний том.

Молчит. Держит лицо. Ясно.

Если закричит: «Клевета!», то привлечёт внимание к деталям. К тем самым деталям, которые назвал профессор. А вдруг все поверят, что он прав? Вдруг все узнают?

Правильно. Лучше молчать. Лучше стать частью тени. Раствориться в общем гуле, пока волна не пройдет.

Цепь не рвётся. Страх разоблачения парализует мышцы сильнее, чем любой яд. Желание убежать есть, но ноги будто прибиты гвоздями к полу.

Ньярлатхотеп даже не посмотрел на неё. Для него дама уже отработанный материал, высосанный досуха ресурс. Перелистнул страницу. Сухой шуршащий звук в тишине звучит как приговор.

— Сэр Артур. Вы улыбаетесь. Но пульс учащён. Вексель, предъявленный банку вчера почерк ваш. Но рука дрожала. Буква «Т» имеет характерный завиток, свойственный только Вам в моменты нервного напряжения. Сумма превышает капитал. Вы дрожите не от холода в зале. Вы дрожите, ожидая, что печать на документе сдвинется.

Артур замер. Усмешка сползла с лица, словно маска из мокрой бумаги. Взгляд заметался по залу: десятки глаз повернулись к нему одновременно. Оценивающе. Хищно.

Виконт опускает голову. Сцепленные пальцы в замке с соседями ходят ходуном, выдавая панику лучше любых слов.

Цепь гостей стола сомкнулась крепче, передавая его страх каждому соседу.

Хах! И в это-то чудо ты влюблена, Элизабет?

Для Элизабет мир вмиг раскалывается, подобно фарфоровой чаше, упавшей на каменный пол. Сэр Артур — неотразимый кавалер, чья рука ещё недавно так уверенно поддерживала её у кареты, чьи глаза обещали защиту, — теперь сидит рядом с ее собственной кузиной, сгорбившись, как пойманный вор. Юная леди ощущает, как холодное презрение, смешанное с горьким разочарованием, заполняет душу, вытесняя прежнюю симпатию. Не страх разоблачения терзает Элизабет, но позор сопричастности. Как могло благородное лицо скрывать столь низменную суть? Неужели весь этот вечер, все улыбки и любезности были лишь ширмой для подлости?

Сердце девушки сжимается от осознания хрупкости человеческой чести: достаточно одного неверного движения, одного дрожащего росчерка пера — и рыцарь оборачивается мошенником, а блистательный бал превращается в судилище грешников. Элизабет отводит взгляд, чувствуя, как румянец стыда за чужой порок окрашивает горящие щёки, ибо в этом кругу позор одного становился пятном на всех. И все же — она все ещё готова простить его и принять обратно, пусть лишь только попросится С должной вежливостью и подobaющими манерами, конечно же.

Ньярлатхотеп перелистывает страницу. Тембр неизменен,

словно читает меню, а не приговор.

— Лорд Блэквуд. Вы не купили этот особняк. Вы нашли его. То, что спит в фундаменте, требует платы. Не деньгами. Кровью. Вы знаете это. Просто предпочитаете не вспоминать цену.

Блэквуд дергается, будто под ударом тока. Бокал на столе рядом с ним трескается. Но осколки не падают. Вино не проливается. Жидкость застывает в воздухе, дрожит, нарушая законы физики, локально сбивая гравитацию. Как капли ртути, собирается в красную сферу, пульсирующую в такт учащенному сердцебиению лорда.

Кровь. Слово повисает в зале тяжелее свинца.

Я слишком часто видел, чем заканчиваются сделки с древними силами. Лорд Блэквуд Ты подписался на жертвоприношение. Бледнеешь. Кажется, я понимаю. Счет за эксперименты с эфиром и этой древней книгой обязательно будет предъявлен тебе. Для чего это все — неужто чисто развлечения ради? Лишь потешить собственное эго?

Для таких людей и времен — вполне вероятно.

Ньяр продолжает проходиться по личностям присутствующих. Зачитываемые имена ничего не говорят мне, лица плывут в общем тумане тревоги. Но чувствую реакцию называемых всем телом. Каждый удар слов египтянина отзывается вибрацией в цепочке наших сцепленных рук.

Воздух густеет. Дышать становится трудно, словно кислород выжгли. Светский вечер рушится на глазах, превраща-

ьясь в камерный допрос. Обвинитель знает всё.

Подсудимые связаны друг с другом буквально: стоит одному дернуться — судорога пройдет по всей цепи. Я чувствую, как пальцы невольных соседей начинают невольно сжиматься, предавая их страх. Никакого этикета. Только инстинкт стада, загнанного в угол. Уйти сейчас — значит выставить себя на расстрел скрестившихся взглядов. Остаться — надеяться, что пуля достанется другому.

Шёпот прорезает тишину. Тихий, липкий, как масло.

— Он знает

— Откуда он знает?

— Тише! Не прерывайте!

Все держится уже не на дружбе, а на общей затягивающей тайне. Десятки глаз, расширенных от ужаса, бегают по сторонам, избегая взгляда Ньяра. Заложники собственной совести. И я — среди них, зажатый в этих тисках; чувствую, как холодный пот стекает по спине под полимером.

Доберешься ли до меня, египтянин? Вскроешь ли мои шрамы?

Надо быть готовым к удару. За долгую жизнь пришлось немало грешить и каяться пред многими богами. Неужто и здесь придётся вновь услышать приговор?

Пусть пытается. Мои демоны сыты, им нечего добавить к вашему балу лицемеров.

В голове всплывает эхо мыслей Элизабет, накладываясь на мои собственные, словно пробивающийся диссонанс в

стройном хоре.

Юная леди ощущает, как чужой стыд просачивается сквозь сцепленные пальцы подобно грязной воде сквозь прутья решётки. Девушка не смеет поднять взор. В притихшем зале вдруг обнажились души, и зрелище сие оказывается страшнее любой физической боли. Почва уходит из-под ног. Хочется отдёрнуть руку, но воспитание и гипнотический ужас приковывают к месту. Здесь нет судей. Здесь лишь свидетели, и все они виновны. Но самое страшное — девушка чувствует собственное, запретное удовлетворение от того, что маски сорваны. Под шёлком скрывается нечто гнилое. Теперь она видит это воочию.

Ньярлатхотеп кладёт лист на стол. Зачитал лишь пару десятков имён Ни Элизабет, ни меня в зачитанном списке нет. Почему? Думал, развлечение затронет каждого.

Потоки. Серебристые нити страха, стыда и облегчения вырываются из тел присутствующих. Тянутся не к пергаменту в руках профессора, а прямо за спину лорда Блэквуда, впиваясь в тёмный переплёт Книги Мёртвых. Том пульсирует в такт, насыщаясь энергией.

Ясно. Дальнейшее оглашение вслух больше не нужно для наполнения. Книга уже всё взяла. Слова Ньяра — лишь эффектная мишура, театральный приём. Каждое названное имя, каждая озвученная тайна служат усилению общего эмоционального фона, заставляя эфир вибрировать сильнее, делая «урожай» богаче. Профессор дирижирует хором призна-

ний, извлекая максимальную пользу для Книги из человеческого ужаса. Понимает ли он сам суть процесса? Или просто выполняет функцию?

— К сожалению, Акаша не послала мне большего, — объясняет Ньярлатхотеп. Голос звучит мягко, почти ласково, словно утешая испуганных детей. — Эфир не судит. Он лишь фиксирует. Разве не облегчение — знать, что ваши тайны в безопасности? Здесь, в этой комнате. Они не уйдут к посторонним. Тайны принадлежат только нам.

Понимает. Всё под контролем.

Лорд Блэквуд нервно вытирает пот со лба. Движение выходит судорожным: ладонь лишь скользит по собственному запястью, размазывая влагу. Цепь гостей остается нерушимой. Никто не может оторваться. Никто не может выйти.

Глава 8. Будущее

— Замечу: эфир — это не только мораль. Это чистая физика! — речь хозяина дома звенит, срываясь на фальцет, пытаясь заглушить давящую тишину и не потерять главенство в иерархии вечера. — Позвольте показать вам аппарат мистера Маркони. Модифицированный. Для улавливания временных волн. Мы пролистали ваше прошлое. Теперь установим точки в пространстве будущего. Прошу!

Слуга водружает на стол устройство, пахнущее озоном и раскаленным маслом. Аппарат напоминает гибрид телеграфа и пыточного инструмента: массивный медный цилиндр с рунами вместо циферблатов покоится на эбеновой подставке. Над вращающимся валом дрожит тонкий кристалл, заменяющий иглу, а сбоку пульсируют стеклянные колбы с бурлящей фиолетовой жидкостью.

Ньярлатхотеп касается большим пальцем латунного рычага:

— Я лишь заземляю контур

Механизм оживает не стуком, а высоким визгливым стрекотом, напоминающим скрежет насекомых. Вал раскручивается до безумной скорости. Из узкой щели вырывается бумажная река — бесконечная белая лента, спиралью запол-

зающая на полированную поверхность между сцепленными ладонями гостей.

Блэквуд изгибается в цепи, пытаясь дотянуться до бумаги. Пальцы судорожно скребут по лаку, цепляясь за край свитка, но разорвать хватку соседей невозможно ни на миллиметр. Лорд тянется всем корпусом, рискуя вывихнуть плечо, лишь бы ухватить пару метров горячего, пульсирующего пергамента.

На поверхности ленты нет слов. Лишь изогнутые закорючки и цифры.

Ньярлатхотеп спокойно протягивает свободную руку и забирает свиток из-под носа у лорда. Взгляд египтянина скользит по символам быстро, механически, словно считывая штрих-код.

Внезапно меня пронзает боль, резкая, короткая. Челюсть будто заскрипела. Полимер на спине среагировал, напрягаясь.

За спиной Блэквуда воздух вдруг словно сгущается, становясь вязким, как остывающая смола. Волоски на руках встают дыбом от статического разряда, исходящего от чёрного переплёта.

Теперь Книга не просто лежит на подушке — она дышит. Тёмная кожа обложки ритмично вздувается и опадает, янтарные вкрапления вспыхивают чаще, синхронизируясь с моим учащённым сердцебиением. От тома веет сухим жа-

ром и металлическим привкусом крови, настолько сильным, что перехватывает дыхание. Переплёт дрожит, едва заметно вибрируя в такт работе аппарата, словно хищник, почуявший добычу и готовый к броску.

— Сэр Уайт. Четырнадцатое октября 1896-го. Сердце устанет стучать. Во сне. Тишина.

Толстяк напротив меня, замыкающий фланг с другой стороны, фыркает, пытаясь сохранить маску светского льва, но пальцы в цепи дергаются, передавая судорогу соседу справа.

— Завтрашний год? — глаза бегают. — Доктор предупредил насчет веса Надеюсь, портрет успеют написать.

Свободной левой рукой толстяк судорожно хватается бокал, но тут же ставит обратно, боясь пролить.

Ньяр уже скользит дальше, игнорируя жалкие попытки отрицания:

— Леди Санденс. Третье марта 1897-го. Гравитация окажется сильнее ваших перил. Шея сломается мгновенно.

Дама медленно поворачивается к мужу, не размыкая правой ладони, сцепленной с соседом. Во взгляде — не страх, а ярость преданной жены.

— Джеймс Ты обещал починить лестницу.

Муж бледнеет, комкая салфетку свободной левой рукой.

Правая намертво сцеплена с соседом слева.

— Мастера сказали, дуб надежен

— Дуб гниет изнутри, если за ним не следить, — отрезает жена. В словах сквозит истерика, тщетно задавленная этикетом.

Ладонь Марты на моей руке леденеет и мокнет от пота. Судорога пробегает по цепи, стягивая мышцы до боли. Страх течет по сомкнутым пальцам током высокого напряжения.

Надоело. К чему это всё? Сбор энергии, настройка координат траекторий Просто прочесть предмет, прочесть его будущее и суть. Попробую?! Пальцы резко чертят в густом воздухе невидимые сигилы, взламывая эфирный купол зала. Я пытаюсь прорваться к черному вакууму, пульсирующему внутри Книги Мёртвых.

Рывок!

Сознание вонзается в поток крюком. Удар отбрасывает назад, словно касание оголенного провода. Эфир кусается. Мир вспыхивает белым шумом и рассыпается.

Шшшшшшшшшш

Колодец

Шшшшшшшшшш

Масло

Шшшшшшшшшш

Черная вода

Шшшшшшшшш

Грязное платье

Шшшшшшшшш

Круг теней

Шшшшшшшшш

Крик

Шшшшшшшшш

Нож в крови

Шшшшшшшшш

Видения гаснут мгновенно.

Черт! Горло наполняется ощущением битого стекла. Кожа рук деревенеет, покрываясь серым мертвым налетом. Воздуха не хватает. Цена за манипуляции эфиром.

Неудача! Я пытался увидеть суть, но чуть не потерял себя. Книга не хранит энергию — она её переваривает. Вот и все, что я понял

Стол накрывает смешок над нерадивым мужем. Ньяр поворачивается к самому громкому смеху.

— Баронесса де Вилье. 1918 год. Испанский грипп. Легкие заполнятся жидкостью. Прислуга разбежится. Вы умрете в собственном доме, запертая изнутри.

Веер в руке дамы замирает.

— Испанский грипп? Через двадцать три года? Наука победит любую лихорадку! Пастер, Кох

— Вирус старше ваших империй, мадам, — парирует

Ньяр холодно. — Ему все равно на ваш прогресс.

Слишком глобальное событие. И точное. Про испанку знать сейчас Египтянин, конечно, с югов, и мог предречь, соотнеся увиденное в образах. Но как удалось вытащить дату?

Так. Вот это уже с душком, дурно пахнет. Я, конечно, тоже могу читать будущее образами через эфир. Но так далеко. Так точно. Можно еще раз попробовать Правда, предыдущая попытка и образы от фолианта мне не понравились. И цена, уплаченная за это, слишком высока. С людьми, конечно же, всегда проще, чем с предметами, люди сами источают эфирный поток. Особенно когда их энергия витает в воздухе, густая и липкая от страха, а не концентрируется в странном артефакте. Хотя Элизабет прочесть не выходит её сигнал словно глушит какой-то шум. Но что я увижу, если прикоснусь к этой, с «испанкой»?

Напрячь зрение. Прицепиться сознанием к ауре баронессы. Вытянуть нить из будущего.

Вспышка.

Картинки нет. Только ощущения тела, слуха, ароматы.

Вода. Много воды. Но не снаружи. Внутри. Тяжелая, холодная жижа, поднимающаяся по горлу.

Запах. Гнилые яблоки. Озон. Больница? Нет Спальня. Душно.

Звук. Шаги. Быстрые, удаляющиеся. Стук захлопнутой двери. Щелчок замка.

Цвет. Серый. Мутный, как вода в луже. И красный — пятно на подушке? Или кровь из носа?

Ощущение тела. Жар. Ломота в костях, будто их выкручивают. И одиночество. Липкое, абсолютное одиночество в большом, тихом доме

Картинка рассыпается, не успев сложиться в сюжет. Нет дат. Как я и думал, как и всегда было с чтением будущего. Нет названия болезни. Только физиология умирания: вода в легких, закрытая дверь, жар.

Ничего конкретного. Любой может так окончить пневмонией. Откуда Ньяр взял «1918» и «Испанский грипп»?

Откуда на этой ленте такие точности? Фолиант как-то усиляет видения?

— Мистер Грейнджер. Завтра. Девять утра. Инфаркт. Тяжесть в левой руке за минуту до конца.

Банкир не дрогнул.

— Если это манипуляция акциями — она провальна. Мое сердце крепче вашей репутации. Однако — кивает доктору, сидящему рядом. — Доктор, выпишите валериану. Стресс вреднее пророчеств.

— Генри Торнтон. 1916 год. Июль. Сомма. Франция. Газовая атака. Вы задохнетесь в грязи. Легкие превратятся в воду.

— Мировая — слово срывается с моего языка раньше, чем мозг успевает поставить блок. — война?

Тишина режет слух. Инженер вздрагивает, его пальцы в цепи судорожно впиваются в ладонь соседа, словно в спасательный круг. Свободная рука инстинктивно пытается схватиться за горло, перекрывая воображаемый газ.

Ньярлатхотеп поворачивает голову. Впервые за вечер на губах медиума играет не дежурная улыбка, а искренний, холодный интерес.

— Господин Путник проницателен, — комментарий египтянина звучит мягко, но каждый звук отливает металлом. — На чем построена Ваша догадка? Как Вы увидели грызню, где другие видят лишь мирное небо?

— Логично же, — бурчу, стараясь придать голосу равнодушие пьяного философа, но ком в горле мешает дышать. — Бисмарк, Энгельс, Бриох все об этом твердят! Посмотрите на карту, черт возьми! Мир трещит по швам уже сегодня. Вспомните апрель этого года! Симоносекский мир! Япония только что показала зубы, откусив у Китая Тайвань и Ляодун, а Европа — Россия, Германия, Франция — уже вцепилась ей в глотку, требуя вернуть земли обратно. Вы думаете, Токио простит эту тройственную интервенцию? Японцы копят ярость. Через десять лет они бросятся на Россию, через тридцать — захлебнут кровью весь Тихий океан. Экспансия уже началась, господа. Просто вы слишком заняты чаепити-

ем, чтобы заметить запах пороха.

Делаю паузу, обводя взглядом бледнеющие лица.

Вранье. Как же нагло, цинично я вру.

Я использую их настоящее, чтобы оправдать знание будущего.

Сомма. 1916-й. Эти даты всплывают в памяти не как теория, а как острые осколки, режущие изнутри. Для них это фантазия, бред сумасшедшего бродяги, увидевшего тени там, где светит солнце. Для меня — свершившийся ад. Мир, где тысячи молодых парней гниют заживо в траншеях, зады-хаются от газа и тонут в грязи, которую сами же и создали.

Я разошелся Но раз уж понесло, должен высказаться до конца.

— Да, знаю, Азия, Азия Далеко, нас не коснется. Но в этом и суть. Что здесь, в Европе? Франко-русский союз уже скреплен золотом и сталью. Это фундамент будущей бойни. Германия чувствует себя загнанной в угол, опоздавшей к разделу мира, и кайзер уже точит клыки, наращивая флот, чтобы отобрать колонии у британцев и французов. Колониальное соперничество достигло пика: Франция душил Мадагаскар, Англия топит восстания в Африке в крови. Конфликт неизбежен. Это не магия. Это статистика ненависти, помноженная на амбиции. Двадцать лет Вот что меня удивило. Я думал, искра вспыхнет раньше. Но видно, бочка с порохом

оказалась больше, чем я рассчитывал.

Зачитанное профессором — не предсказание. Так точно нельзя вычислить, глядя на карту 1895 года. Слишком много переменных. Слишком много человеческих слабостей, которые могут изменить ход истории. Как я еще тут оправдаюсь, кроме как вспоминая лихорадочно факты? Мне еще, черт подери, повезет, если я не перевираю историю этого мира!

Как египтянин, хнай возьми, это знает?! Чтобы назвать точную дату и место — Сомму, июль, газовую атаку — нужно не предполагать. Нужно знать. Нужно видеть шрамы на теле истории, которые еще даже не нанесены.

Я смотрю на Генри Торнтон, который побледнел как полотно, как и все собравшиеся Генри — инженер. Он мыслит категориями прочности материалов. И сейчас я только что доказал ему, что материал их цивилизации хрупче, чем полотно, на котором начерчена карта.

— Любой мог это предвидеть, — заканчиваю тихо, чувствуя, как ложь жжет язык. — Если бы осмелился посмотреть правде в глаза.

— Война? С немцами? — голос Торнтон срывается на фальцет. — Кайзер — наш кузен! Siemens, Krupp мы строим вместе! Это абсурд! Цивилизация не допустит!

— Безумие — думать, что разум управляет историей, — отрезает Ньяр, не сводя с меня взгляда. — Шрапнель не различает паспортов. И контрактов.

— Но я инженер! Я должен быть в тылу! В разработке!

— Цивилизация — хрупкая вещь, мистер Торнтон. Она ломается быстрее, чем кости.

Инженер смотрит на карту Европы, висящую на стене. Границы кажутся такими четкими, незыблемыми. Юноша еще не знает, что линии исчезнут в огне, а сама карта станет лишь памятником наивности. И империя Великобритании рухнет. Не сразу Сначала еще торжество А потом Я знаю. И знание это жжет изнутри, требуя крика. Потому и прорвало

— Капитан Пендлтон. 1940 год. Дюнкерк. Пуля снайпера. Вы прикроете отступление мальчишек, которых отправят на убой. Догадку озвучите, господин Путник?

А это уже слишком.

Губы профессора сомкнулись, сдерживая смешок — тонкий, сухой звук, похожий на треск ломающейся кости. Как такое может быть веселым? Только если ты видишь это не как трагедию, а как неизбежный механизм мясорубки. Египтянин читает историю будущего так буднично, словно пересказывает вчерашний сон.

Значит, он должен знать. Как знаю это я.

Кадры кровавых хроник, что я видел в СССР. Ощущения, что получил в иных мирах, принимая участие в схожих боях и войнах.

Дюнкерк.

Еще одна дата, повисшая в воздухе, как запах гари.

Серое небо, сшитое грубыми нитками дождя. Пляж, черный от людской массы. Море, плюющее в лицо ледяной соленой пеной. Старики. В дырявых шинелях, с винтовками, которые тяжелее их собственных тел. Стоят стеной, прикрывая собой тех, кто еще даже не начал жить. Мальчишек. Деть в слишком больших касках.

Под глазами становиться солоно.

— Мировая — грустный шепот опять срывается с моих губ раньше, чем я успеваю его остановить. — Война. Немцы

— В точку, господин Путник! — Ньяр демонстративно аплодирует.

Офицер, которому огласили приговор, мотает головой с таким отчаянием, будто пытается стряхнуть саму реальность. Пенсне слетает с переносицы, ударяется о паркет и разбивается вдребезги. Звук лопнувшего стекла режет тишину зала, как выстрел.

— 1940 Война до сих пор не окончится?! — голос дрожит, ломаясь на визг.

Нет, офицер. Та война окончится. И начнется еще одна, не менее страшная. И так по кругу, во многих мирах

— Мне будет шестьдесят пять Почему я? Почему я воюю? Где молодые? Где честь? Где армия? Где генералы, которые

должны вести нас в бой, а не прятаться за спинами стариков?

Я смотрю на военного, и мне хочется крикнуть, но слова застревают в горле комом людского пепла, что я ощущаю на кончике языка.

— Честь осталась в девятнадцатом веке, капитан. Она сгнила в окопах вместе с теми, кто верил в рыцарство. А молодые — Ньяр делает шаг вдоль стола, и голос звучит глухо, будто из-под земли. — Молодые уже под тоннами грязи. Их нет. Никого не осталось, кроме вас. Старой гвардии, которую бросили догорать, чтобы купить детям лишние часы жизни. Будущее принадлежит не героям. Оно принадлежит эффективности. И смерти.

Я вижу ауру офицера. Аура больше не золотистая, не сияющая благородством мундира. Она серая. Грязная. Пропитанная запахом мокрой шерсти и разложения. В ней отражается мир, где сабли превратились в ржавый лом, а кодексы чести сожжены в печах крематориев. Осталась лишь холодная, расчетливая эффективность убийства. Конвейер смерти, где каждый винтик знает своё место.

Офицер смотрит на осколки своего пенсне. Что он видит в этих кривых зеркалах? Не свое отражение. Благородный воин видит трещины. Трещины на лице мира, который он знал. Его спокойная старость, его планы на пенсию, его воспоминания о былых победах — всё это рассыпалось в пыль

быстрее, чем стекло коснулось пола.

Капитан подавлен. Разбит. Как-то пенсне под его ногами. И я знаю: он уже там. На том пляже. Под тем дождем. Он уже чувствует холод воды, просачивающейся в сапоги, и тяжесть винтовки, которая станет его последним аргументом в споре с вечностью.

Ньяр прекратив хлопать, продолжил:

— Доктор Хэмилтон. 1905 год. Клиника Бедлам. Деменция. Вы забыли имя дочери, но помните страх темноты.

Доктор закрывает лицо свободными ладонями. Плечи трясутся.

— Леди Флетчер. Сегодня. Ночь. Сонный паралич. Тень в углу. Вы не сможете крикнуть.

Дама резко дергается, пытаясь выдернуть руку из цепи.

— Достаточно! Джеймс, домой!

Её пальцы разжимаются, нарушая контакт.

— Сцепите руки! — приказ Блэквуда звучит как удар хлыста. — Вы обещали! Не смейте разрывать контур! Энергия пойдет всплеском!

Леди Флетчер, бледная как смерть, снова вцепляется в ладонь мужа. Лорд Флетчер рядом не двигается. Смотрит на египтянина с гипнотическим ужасом.

— Мисс Марта. Двадцать первое декабря. Через семьдесят лет. Аневризма. Мгновенно. Без боли. Вы умрете во сне, окруженная внуками. Поздравляю!

Марта выдыхает. Долгий, дрожащий выдох. Слезы выступают на глазах — облегчение, смешанное с ужасом конечности даже благополучного сценария.

Пальцы Марты сжимаются крепче, ледяные и влажные.
— Семьдесят лет Это так много. И так мало. Спасибо.

Дрожь пробегает по сцепленным пальцам, впитываясь в мою кожу. Они живы. Напуганы, но живы. Однако то, что ждет их впереди, страшнее конца.

Не сама смерть. А Знание.

Даже предположительное, знание становится змеем, который начнет душить медленно, день за днем, приближая роковую дату. Для кого-то это совпадение, шутка злого рока, проявившаяся завтра или через неделю. Для других — месяцы и годы агонии в ожидании неминуемого. Даже те, кто попытается забыть, будут носить страх в подкорке, как тикающую бомбу, отсчитывающую последние мгновения.

А мне? Подаришь ли и мне этот смертный груз?

Свободная кисть сжимается в кулак; Полимер мгновенно реагирует, уплотняясь и закрывая мышцы холодной броней. Вместе с моим кулаком сжалось пространство над столом,

прессом прижимая злосчастную книгу, как опускающийся потолок. Фолиант на секунду двинулся вверх, прилипая. И оттолкнул мое произвольное детище.

Ньяр делает паузу. Воздух густеет, пропитываясь озоном и едким запахом горелой бумаги. Демонстративно поднимает ленту выше. Черные бездонные глаза встречаются с взглядом Лорда.

— И Вы, милорд. 1914 год. Сараево. Шрапнель австрийского орудия. Конец империи. Конец мира, который Вы знаете. Забавно — Ньяр всматривается в ленту, а затем в глаза Лорда. — Я думал, Вы умрете через год под рождество. Неожиданно.

Лорд открывает рот, но звука нет. Его рука в цепи неконтролируемо дергается, передавая импульс по всему полукругу. Все вздрагивают единым организмом. Толчок отдается в моей ладони.

Ньярлатхотеп улыбается. Улыбка часовщика, наблюдающего, как лопнула главная пружина механизма.

Внезапно лента в руках профессора вспыхивает синеватым пламенем. Не жарким, а холодным огнем, уничтожающим материю. Бумага скручивается в черные спирали, превращаясь в пепел, падающий на стол без следа. Пепел оседает на сцепленных руках, но никто не стряхивает его.

Дым поднимается вверх, образуя причудливые узоры, по-

хожие на лица тех, кто только что услышал приговор. Книга за спиной Блэквуда издает тихий, удовлетворенный гул, впитывая остаточную энергию страха.

— На этом все, — заявляет Ньярлатхотеп.

Слова звучат окончательно, как захлопнувшаяся крышка гроба. Улыбка профессионального удовлетворения мастера, завершившего сложную работу.

— Вселенная — идеальный механизм, милорды. Крайне пунктуальная. Это не проклятие. Это расписание вашей утилизации. Как красиво всё рассчитано. Как симметрично. Конечно, точности здесь никакой. Кроме той, в которую Вы сами поверите. Можете пока обмениваться впечатлениями, а я подготовлю следующую часть ритуала, что заберет ваши тела.

Египтянин смеется от собственной «шутки», аккуратно складывает остатки обугленной ленты и кладет их на стол. Бумага шаркает, и звук кажется присутствующим громче грома.

— Мда, — говорит Толстяк, первым нарушая молчание. Голос дрожит, но пытается сохранить достоинство. — Кто-нибудь нальет мне еще бренди? Кажется, мне нужно согреться.

— Слуги, напоите достопочтенного! Да-да, бокал осторожно ко рту подносите, цепь не разрывать! Всех накормить, напоить! — Лорд засмеялся.

Но никто не движется. Все смотрят на ленту, лежащую на столе, как на змею, готовую укусить снова.

— Вы что, не слышали что я сказал?! — Лорд рывкнул.

Слуги тут же очнулись и стали обслуживать знать.

Кто-то всхлипывает.

— Расписание утилизации

— Это бред.

— Но даты они точные.

Элизабет молчит.

Цифры на ленте плясали перед ее мысленным взором, подобно бесам, выжигающим знаки на скрижалях судьбы. Но страх, столь ожидаемый, не коснулся сердца. Вместо него душу окутало странное, леденящее спокойствие, подобное тишине склепа перед рассветом. Смерть перестала быть туманным призраком, блуждающим в ночи; ныне она обрела плоть и дату, вписанную чернилами в календарь бытия.

Юная леди ощутила, как внутри надламывается нечто хрупкое и драгоценное — слепая вера в случайность, в милость хаоса. Ныне мир явился девушке не садом возможностей, но великой, неумолимой машиной, где каждый винтик знает своё место. И Элизабет — лишь часть этого сложного, холодного механизма.

«Ежели путь начертан свыше, — пронеслось в сознании, острое, как бритва, — то и трепет наш предрешён. К чему же бояться тени, коль сама тень эта предначертана?»

Мысль эта, опаснее любого демона и коварнее любой лжи, вдруг принесла не ужас, но дикое, запретное освобождение. Если всё решено, значит, бремя выбора снято. Осталось лишь ждать, когда колесо судьбы совершит свой оборот.

Глава 9. Тело

Ньярлатхотеп отбрасывает обугленный остаток ленты. Щелчок затвора режет тишину, как выстрел.

— Аппарат зафиксировал время, — произносит профессор на тембр ниже, слова вибрируют в грудной клетке, словно исходят из самого нутра. — Но время — лишь поверхность. Изменчивая, неточная плёнка. Не зацикливайтесь. Суть скрыта глубже. Под кожей. Нужно увидеть Структуру.

Блэквуд нервно кивает слуге. Тот, бледный, избегая взгляда медиума, подносит тяжелый ящик из черного дерева, окочевший потускневшей медью. Крышка покрыта символами: сплав алхимии и геометрии.

— Экспериментальные фотопластины, — сухо бросает лорд, возвращаясь в роль лектора Королевского общества, хотя голос предательски дрожит. — Совместная разработка с ложей Теософов. Чувствительны не к свету, а к эфирным вибрациям материи. Чистая физика. Регистрация тонких энергий. Никакой мистики. Мы увидим вашу эфирную плоть.

Гости переглядываются. Шепот пробегает по рядам полукруга.

— Эфирная плоть? — тихо спрашивает кто-то. — Я думал, мы увидим ауры. Цветные нимбы

— Тсс! Слушайте профессора.

Ньярлатхотеп обходит всех собравшихся прямым к возвышению за своей спиной. Там, на бархатной подушке, лежит массивный том в футляре. Филигранно египтянин извлекает Книгу Мертвых и ставит её перед собой на стол, рядом с ящиком. Кожа переплета дышит, янтарные вкрапления тускло пульсируют, реагируя на напряжение в зале.

Ньярлатхотеп поднимает руку, прерывая перешептывания.

— Разомкните цепь, — командует наконец четко. — Освободите руки.

Гости послушно разжимают пальцы. Кто-то трясет руками, разминая пальцы.

Я же освободившейся ладонью потираю зудящую руку, которой проводил манипуляции с эфиром.

Ньяр извлекает из ящика первую пластину.

Тяжелый прямоугольный лист темного стекла размером примерно как крупная викторианская фотопластинка или небольшое зеркало для пудры, но гораздо массивнее. Края отшлифованы, но кажутся острыми, как лезвие бритвы. Поверхность матовая, мутно-серая, словно покрытая слоем вечного внутреннего инея, скрывающего глубину. Египтянин протягивает пластину сэру Уайту, а затем делает шаг ко мне, так как мы оба с краев.

Когда холодное стекло касается моей ладони в перчатке, сквозь кожу пробивает ток ледяного шока. Пластина не просто холодная — она высасывает тепло, жадно, агрессивно,

будто живой организм, ищущий энергию. Полимер перчатки будто стал не более чем обычной тканью: не сохраняет тепло и не греет. Вес непривычен для стекла: пластина тянет руку вниз, плотная, как свинец.

— Прижмите к солнечному сплетению, — инструктирует Ньяр, проходя дальше по полукругу, вручая пластины дальше. — Туда, где бьется второе сердце. Держите крепко. Не отпускайте, пока я не скажу.

Я механически выполняю приказ. Что со мной? Нет! Пытаюсь остановить руки, но они продолжают механический прижимать полимер. Холод мгновенно прожигает одежду, впиваясь в грудину, заставляя сердце сжаться в ответ. Не страшно. Остальная полимерная ткань в порядке, только отсоединенный полимер перчаток «помер». Но то, что холод прожигает полимерку Странно. Впервые надежный помощник не может подстроиться под обстоятельства.

Раздав всем стекла, Ньяр вновь проходит вдоль полукруга, останавливаясь напротив каждого. Водит ладонями в воздухе. Подходит ко мне, даже не смотря. Воздух густеет, заряжаясь статикой; волосы на руках встают дыбом, кожа покалывает тысячами игл.

Сначала меняется цвет. Стекло в руках сэра Уайта вспыхивает болезненно-фиолетовым светом изнутри. Затем начинает стремительно чернеть, будто впитывая кровь.

Через несколько секунд та же участь постигает пластины по соседству и доходит до моей. Матовая серость сменяется

глубоким, пульсирующим мраком. И тут — жар.

Ледяная поверхность внезапно раскаляется. Температура растёт скачкообразно: от мороза до ожога за мгновение. Стекло начинает жечь ладонь сквозь перчатку, прожигать ткань сюртука, касаться кожи. Боль острая, сухая, словно держишь раскаленный уголь, который нельзя бросить.

Нельзя Бросить

Что происходит?! Тело не слушается.

— Больно — шепчет леди Санденс чуть дальше по ряду. Её голос срывается, но она терпит, прижимая раскаленный прямоугольник еще сильнее, как и я.

— Терпите, — отрезает Блэквуд. Голос звучит далеко, словно из-под воды. — Процесс фиксации.

Я стискиваю зубы. Жар становится невыносимым. Кажется, что пластина плавится, сливаясь с плотью, вращаясь в ребра. Книга Мертвых на столе реагирует: янтарные вкрапления на обложке вспыхивают ярче, пульсируя в такт моему обжигающему стеклу. Том гудит, низкочастотная вибрация передается через столешницу прямо в кости, резонируя с болью в груди.

Ньярлатхотеп делает еще круг осматривая нас и останавливается на своем месте у книги.

— Довольно. Фиксация завершена. Можете убрать пластины. Смотрите.

Все. Тело снова под контролем! Я с облегчением отдергиваю руку. Ощущение такое, будто отрываю от тела присосав-

шегоя раскаленного паука. Ладонь горит, пальцы немеют. Я опускаю руку, но пластину не поднимаю.

Мне это почему-то не нравится. Очень не нравится. И правда, с чего бы это тебе не нравится терять контроль над телом, а, Крэй?!

Вокруг гости хватают свои стекла, подносят к свету ламп. Я слышу их вдохи, вижу, как расширяются зрачки у сэра Уайта, как бледнеет лицо леди Санденс.

Но не смею посмотреть на свою пластину.

Инстинкт кричит: не смотри. То, что я чувствовал сквозь стекло — этот жар, эту чужую пульсацию, этот голод — не сулит ничего хорошего.

Реакция других парализует меня. Страх? Да. Он самый. Но какой-то первобытный, самозащитный.

Хорошо. Пусть сначала другие увидят свой ад. А потом и я, чтобы там ни было.

Вместо ожидаемых возгласов восторга наступает тишина. Леденящая, мертвая тишина, которая давит сильнее, чем предыдущий жар.

— Боже мой — выдох срывается с чьих-то губ, хриплый и сухой. — Что это?

Чужая карта видна отсюда замечательно каждому.

Портрета нет. Нет ауры. Там — рентген. Но не анатомический.

Ребра не образуют клетку. Изгибаются в невозможные фрактальные узоры, ветвятся, дробятся, напоминая корал-

ловый риф или корни древнего дерева. Кости множатся в геометрической аномалии, чуждой человеческому скелету.

— Это это не мои кости, — бормочет сэр, рука дрожит, пластина чуть не падает. — Что за кальций? Где моя грудь? Беатрис смотрит на свой снимок, зажимая рот рукой.

— Паразиты — шепчет испуганно. — Во мне что-то живет.

На стекле сердце окружено черными щупальцами, впивающимися в легкие, пульсирующими даже на карточки, дышащими за неё. Тени на пластине шевелятся, хоть стекло статично.

Инженер Торнтон изучает свой позвоночник, щурясь, словно пытается найти ошибку в чертеже.

— Лишние сегменты, — тихо изучает технарь, без отвращения как у других, а с профессиональным любопытством, смешанным с ужасом. — Позвонков больше нормы. Лишние суставы. В районе копчика тень хвоста? Дефект проявки? Или эффективно для баланса?

Банкир Грейнджер смотрит на свой желудок. Вместо органа там виднеется сложный механизм из шестеренок и поршней, медленно вращающихся в кислотной среде.

— Машина, — выдыхает он, отшатываясь. — Я всегда чувствовал себя машиной. Но чтобы так буквально

Шепот нарастает, превращаясь в гул паники.

— Это ошибка! Стекло бракованное!

— Нет посмотрите на тени они двигаются!

— Моя душа где моя душа? Я ожидал свет! Я ожидал ангела!

— Это не души, — кричит кто-то в истерике. — Это наш настоящий облик!

Ньяр лишь с интересом смотрит на лица, как на обходе в галерее глядел на карточки, приговаривая:

— Стекло не лжет. Эфир не фильтрует реальность через ожидания. Показывает пластичность. Изменчивость. Идею: человеческая форма — временная оболочка, натянутая на нечто иное. И это «иное» просится наружу. Господин Путник, не бойтесь, гляньте и на свое нутро! Удивлен, что Вы, как и другие, боитесь. Это же лишь картинки!

— Не правда, профессор. Я не боюсь. Просто интересно у других рассмотреть.

Нотка лжи тут присутствует. Но — больше правды.

Поднимаю свою пластину.

Внутри грудной клетки расцветает кристаллическая решетка. Лучи холодного голубого света пересекаются под острыми углами, образуя многомерную геометрию, похожую на огранку алмаза. Или же скорее Карту звездного неба? Да Похоже на то. Какого только мира? Антареса не вижу среди звезд. Красивое небо В центре, где бьется сердце, пульсирует плотный сгусток энергии — узел, связывающий линии в единую сеть.

Структура дышит. Расширяется, сжимается в ритме. Нет Дыхание, но Я сейчас точно дышу иначе. Отличное от мо-

его дыхания. Свет течет по каналам, заполняя пространство между ребрами. Плоть кажется прозрачной оболочкой, сквозь которую просвечивает внутренняя сияющая архитектура.

Ледяное спокойствие накрывает с головой.

Я Я Узнаю эти формы. Родные, понятные, словно видел во сне всю жизнь.

Я спокоен Кости, мышцы, кожа — временный футляр для внутреннего света. Я — линза. Прозрачная среда, пропускающая суть мироздания.

Я спокоен?!

Нет, черт вас дери!

Ньяр смотрит на мой снимок. Взгляд задерживается на сияющем узле в груди. Легкий наклон головы — приветствие коллеги.

— Абсолютная симметрия, — шепчет восторженно, и в голосе звучит зависть ученого к идеальному образцу. — Вы видите каркас мира.

— Красиво, — так же тихо отвечаю. Согласен. Хотя внутри всё сжимается от холода этой «красоты».

Хочется сказать еще кое-что. Но — рот движется сам по себе. В какой момент я потерял контроль над собой?! Я Я спокоен

Ньяр берет снимок Блэквуда. Лорд рассматривает снимок, бледнея с каждой секундой. На пластине его фигура размыта, словно состоит из дыма и теней, удерживаемых

вместе лишь усилием воли.

— Удивительно, милорд, — произносит Ньяр бесстрастно. — Структура столь пластична. Вы уверены, что полностью человек? Или эфир показал ваш потенциал для эволюции? Вы почти растворились.

Мир начинает плыть. Картинка перед глазами дрожит, словно над раскаленным асфальтом. Оптический эфирный удар по мозгам. Расплата за манипуляции с чтением будущего. Или

Я спокоен.

Я моргаю, пытаюсь сфокусироваться. Все изображение плывет в воздухе как в жаркой пустыне над песком.

Гости ёжатся синхронно, будто по команде. Я вижу, как кожа на руках сэра Уайта бугрится, словно под ней что-то шевелится.

Я собственные ребра скрипят, меняя угол наклона, а позвоночник выгибается в сторону, запрещенную анатомией. Зуд прожигает кожу изнутри, невыносимый, глубокий, до кости.

Я спокоен

Вокруг начинается хаос проверок. Люди лихорадочно ощупывают себя. Пальцы впиваются в ключицы, проверяя, нет ли там швов, стыков, люков. Руки судорожно гладят спины соседей, ощущая каждый позвонок, ища лишние отростки.

А я сам? Ладони — сквозь перчатки просвечивают че-

шуйки? Кисти кажутся мне чужими, слишком длинными, с дополнительными суставами, которых раньше не было.

Горло перехватило. Кто-то душит!

Я спокоен

Граница между «я» и «этим» стирается.

— К черту! — взвизгивает баронесса де Вилье.

Рука женщины резко дергается, и тяжелая пластина летит на пол. Стекло бьется с чистым, высоким звоном. Осколки разлетаются во все стороны

Тени там в них внутри них продолжают извиваться еще секунду, прежде чем погаснуть в темноте пола.

Все вздрагивают от звука, словно от выстрела. Никто не убирает осколки. Все застыли, глядя на свои руки.

— Что это? — шепчет баронесса и срывается на визг, глядя на свои пальцы

И я понимаю почему. В моем искаженном зрении те вытягиваются, становятся тонкими, паукообразными, с лишними фалангами.

— Моё тело оно меняется!

— Дефект стекла! — возражает офицер, но его голос предательски дрожит. Он сжимает кулаки, пытаясь распрямить пальцы, которые, кажется, сами собой искривляются, принимая неестественный, ломаный изгиб.

— Оптическая иллюзия! Преломление эфира! Мираж!

— Не ошибка, — тихо говорит Беатрис. Голос ясновидящей звучит странно, отстраненно. Она прижимает свою пла-

стину к губам, словно целуя увиденное чудовище. На её стекле легкие похожи на опавшие, почерневшие листья осеннего леса. — Правда. Я всегда знала я не такая. Я другая.

Я спо

Нет.

Зажмуриваюсь, пытаюсь стряхнуть наваждение, но зуд под кожей только усиливается. Кажется, что моя кровь кипит.

«Я требую выхода!» — это чей голос во мне?

«Требую изменить форму хозяина!»

Нет. Ты не вправе. Это я, Крэй, требую, чтобы все прекратилось!

Ведь я здесь, с плотью и кровью своей, чтобы помочь Леди в Бед. Леди

Элизабет сжимает стекло так, будто боясь, что увиденное чудовище вырвется наружу. Ледяной холод пластины пронзает ткань платья, вступая в мучительную борьбу с жаром юной крови. Зрит лишь демоническую личину.

Переплетения света и тьмы, пульсирующие узлы, чуждые разуму дочери христианского мира, являют тело не как храм, но как хрупкую темницу, готовую треснуть под напором древней силы, кипящей внутри. Пальцы девушки лихорадочно скользят по ключице, ища шов, стык, потайную застежку, которую должен иметь любой искусственный механизм. Но кожа отвечает теплом, гладкостью и жизнью. Этот контраст между видимой благопристойностью плоти и явленной на стекле хтонической сущью вызывает головокруже-

ние, близкое к обмороку.

Однако вслед за ужасом приходит иное чувство — странное, мрачное, тягучее облегчение, подобное глотку свежего воздуха после долгого удушья в душной гостиной.

Если она не человек в полном смысле слова, если кровь её иная, то и людские оковы ей не указ. Более не нужно гнаться под ярмом этикета, страшиться пересудов света или лицемерной морали. Её странные грезы, тяга к запретным знаниям, ночные кошмары, терзавшие сон, — это не хворь духа и не порок воспитания. Это её природа. Истина, которую наконец-то можно принять.

Элизабет поднимает взор на Ньярлатхотепа. Уста трогает улыбка.

— Благодарю Вас, — шепчет ошеломленно, и в этом тихом звуке больше искренней молитвы, нежели во всех службах, отслуженных в этой комнате за последний час. — Теперь я знаю, кто я.

Стоп. Просто хватит.

Я спокоен Ощущаю необычайное спокойствие, словно накачан успокаивающими, хотя разум кричит об опасности.

Я сказал, хватит!

Я действительно спокоен Только не чужим чужеродным спокойствием. Своим. Как учили монахи и практики духа всех миров:

«Пусти свое ци, смешай свою энергию с воздухом, Крэй. Ты спокоен. По-настоящему.»

Мои руки — мои. Никакой трансформации. Наконец-то миражная пленка сошла.

Лица всех вокруг бледны, взгляды расфокусированы. Тишина напряжена, как натянутая струна.

Холод стал постоянным. Тени в углах движутся быстрее положенного, отрываясь от предметов.

Все мучаются от видимых образов, как в доме для сумасшедших. Но не теряют контроль над реальностью и телом, как недавно потерял его я

Блэквуд стоит, опираясь о стол. Взгляд пуст. Смотрит на Ньяра, потом на Книгу, снова на Ньяра. Рука медленно тянется к медиуму.

Книга Мертвых на столе пульсирует сильнее, янтарные капли на обложке вспыхивают в частом такте.

— Дорогие гости! Фолиант насытился Страхом Самоидентификации и готов к следующему этапу. — Ньяр смотрит на беспомощные лица собравшихся. — Первый урок окончен. Калибровка наконец-то завершена. Вы увидели свою суть. Перейдем к древнему методу. Что желаете, Лорд Блэквуд? Как использовать эту энергию? Вы мне так и не сказали.

Энергия прекращает литься в эфир фолианта.

Знать, как по дуновению, отпускает из галлюцинаций. Все сели по местам и изможденно смотрят друг на друга.

У меня изо рта идет пар.

Глава 10. Душа - Часть 1

Свет в гостиной меняется постепенно, подобно расплавленному свинцу, протекающему в трещины паркета. Пламя свечей теряет золотистую теплоту. Оно становится темно-серым, холодным и мертвым, словно горящим в пустоте. Тепло исчезает бесследно. Воздух загустевает, превращаясь в вязкую, почти осязаемую субстанцию. Пахнет сухими специями, древней землей склепов и острой, металлической медью — запахом свежей, горячей крови.

Конфигурация комнаты начинает «плыть». Углы кажутся то слишком острыми, способными разрезать взгляд, то сглаженными, уходящими в бесконечность. Расстояние до стен пульсирует, нарушая законы перспективы: потолок то давит сверху, грозя обрушиться, то растворяется в черной, бездонной пропасти.

Я сижу за столом, зажатый между дрожащими соседями. Мои пальцы лежат на поверхности красного дерева, и я чувствую вибрацию, идущую от Книги. Это не магия в привычном смысле. Это что-то другое. Что-то тяжелое.

Давление в ушах нарастает, совпадая с ритмом моего собственного сердцебиения. Гости затихают. Их дыхание становится поверхностным. Люди становятся частью механизма.

Все ловят убаюкивающее спокойствие, как и я.

Лорд Блэквуд вынул из бархатного футляра Книгу. Мас-

сивный том в переплете из темной, пористой кожи, которая, казалось, впитывает свет керосиновых ламп. На обложке тускло пульсировали янтарные вкрапления, напоминающие застывший жир.

Руки Лорда дрожали. Металлическая застежка Книги звякнула о край хрустального бокала, и этот звук прозвучал оглушительно громко в тишине салона.

— Древний алгоритм, — объявил Блэквуд. Его голос звучал твердо, но с той особой, ломкой ноткой, которая бывает у человека, пытающегося убедить самого себя в собственной власти. — Гравитация совести.

Лорд раскрыл Книгу на заранее подготовленной странице с начертанными символами: острыми, угловатыми, похожими на трещины на стекле.

— Теперь исполните Формулу Взвешивания, — приказывает Лорд, не глядя на Ньярлатхотепа, а обращаясь к нему повелительно, как к нанятому специалисту. — Мы готовы принять вес наших грехов. Читайте, Ньяр.

Ньярлатхотеп стоит рядом, слегка склонив голову. Силуэт кажется неестественно длинным, словно тень, отброшенная источником света за пределами комнаты. Египтянин смотрит на страницу, затем медленно переводит взгляд на Лорда. Во взоре ни капли повиновения. Только холодное, изучающее любопытство.

— Вы ПРИКАЗЫВАЕТЕ мне прочитать это, милорд? — спрашивает вкрадчиво. Фраза выходит гладко, как шелк, на-

тянутый над лезвием.

— Я плачу Вам за результат, — отрезает Блэквуд, чувствуя, как контроль ускользает от него. — Читайте.

Ньярлатхотеп проводит пальцем над символами, не касаясь бумаги.

— Интересно, — замечает вслух. — Эти знаки принадлежат языку, который человеческий гортанный аппарат воспроизвести не способен. Более того — египтянин поднял бровь. — Откуда Вы знаете, что эта формула существует в этой книге? Вы ведь не владеете аккадским наречием второго цикла. Вы даже не можете прочесть заголовков главы.

Лорд Блэквуд замер. Его лицо покрылось пятнами.

— Мне мне сказали эксперты, — пробормотал, избегая взгляда медиума. — Из Общества. Они заверили меня, что этот раздел отвечает за Очищение.

— Эксперты, — повторяет Ньярлатхотеп с легкой усмешкой. — Люди, которые продают карты мест, в которых никогда не бывали. Эти эксперты?

С грохотом захлопывает Книгу. Тяжелый звук эхом отразился от стен.

— Я не буду читать то, чего не понимаю, милорд. И я не стану произносить звуки, которые могут разорвать ваши легкие. Однако — Ньярлатхотеп снова открывает Книгу, но уже на другой странице, где виднелись символы попроще, округлее. — Я могу попытаться найти нечто подобное по вибрации. Что-то, что ваш примитивный слух воспримет

как «взвешивание». Но я ничего не обещаю. Резонанс может быть непредсказуемым.

Блэквуд кивает, сглотнув ком в горле.

Ньярлатхотеп начинает что-то произносить.

Происходящее не было чтением. Это было скорее воспроизведением звука.

Египтянин издавал низкие, вибрирующие гуттуральные звуки, которые, казалось, исходили не из горла, а из самого пола, из стен, из костей присутствующих.

— Повторяйте за мной, милорд, — тихо скомандовал, не останавливаясь. — Но помните: звук должен рождаться не в связках. А в костях.

Лорд открыл рот и попытался повторить этот скрежет.

У него получилось плохо: издаваемое звучало как трение сухих веток о камень. Как скрип ржавых петель.

Но Ньярлатхотеп подхватил звучание. Он усилил свой голос, сливаясь с жалкими попытками Лорда, создавая резонанс.

Вибрация ударила в грудные клетки гостей.

У кого-то забила носом кровь. Кто-то нервно хихикнул, пытаясь сбросить напряжение. Леди Санденс зажала уши, но звук проникал сквозь пальцы, вибрируя в зубах.

Ньярлатхотеп резко оборвал звук, рассекая воздух ладонью, словно разрывая невидимую паутину.

Эфир в комнате «замер».

Пылинки, танцевавшие в тусклых лучах света, остано-

лись в воздухе. Зависли неподвижно, словно мухи в янтаре. Даже дым от сигар застыл серыми скульптурами. Время перестало течь. Остался только звук собственного сердцебиения, которое вдруг стало слишком громким, слишком шумным.

— Взвешивание началось, — выдохнул Ньярлатхотеп. Слова теперь звучали прямо внутри черепов, минуя уши. — Давайте посмотрим, что внутри вас легче: душа или пустота.

Гравитация сходит с ума. Легкие предметы — перья из вееров дам, пустые хрустальные бокалы, салфетки — медленно, невесомо взлетают под потолок, повинувшись новому, неизвестному закону. Но для людей эффект обратный. Всё легкое взлетало, всё живое — тонуло.

Леди Маргарет вскрикивает — звук глухой, сдавленный, будто её горло заполнили водой. Её бриллиантовое кольцо, еще минуту назад бывшее украшением, вдруг обретает вес тонны. Камни впиваются в кожу шеи, прижимая голову к столу с неумолимой силой. Дерево затрещало под тяжестью. Она не может поднять шею, не может вдохнуть полной грудью. Глаза женщины вылезли из орбит от ужаса и боли, руки судорожно царапают столешницу, оставляя белые полосы на лаке.

Элизабет вдруг ощутила, как воздух вокруг неё кристаллизовался, превращаясь в неподвижный монолит. Дыхание стало трудным, словно она вдыхает расплавленное стекло. Юная леди увидела, как легкое перышко из веера леди Мар-

гарет медленно плывет вверх, повинаясь новой физике, но когда попыталась поднять за пушинкой свою руку, та оказалась тяжелой, будто отлитой из свинца. Сердце девушки забилось чаще: не от страха, а от странного, леденящего восхищения перед этой новой реальностью, где мораль обрела вес, а совесть становилась якорем, способным утянуть на дно.

— Магия Египта не играет в иллюзии, миледи, — проносит Ньярлатхотеп внутри каждого присутствующего. — Формула измеряет плотность Вашей совести. Кажется, Ваш груз велик.

На стене, там, где раньше висела картина с пасторальным пейзажем, проступила тень. Новая тень не зависела от положения ламп. Она росла из самого угла комнаты, расширяясь, поглощая свет.

Сначала проявились Весы. Грубые, древние, с чашами, словно выкованными из остывшей лавы. Одна чаша была пуста. Вторая медленно опускалась, будто на неё положили невидимый, но невыносимо тяжелый груз.

А затем из темноты за Весами проступила фигура.

Фигура не человеческая. Чудовищное сплавление зверей: массивная, приземистая туша бегемота, покрытая чешуей крокодила, с гривой льва, дыблящейся вдоль хребта. Пасть, широкая и зубастая, оставалась полуоткрытой, обнажая ряды желтых, загнутых назад клыков.

Тень не стояла на месте. Она двигалась рывками, дергано,

как кинолента с пропущенными кадрами. Голова чудовища опустилась ниже, к уровню пола. Ноздри, похожие на черные провалы, расширились. Чудище вдыхало.

Не воздух. Оно вдыхало людской страх.

Гости замерли. Цепь сомкнувшихся рук, ранее казавшаяся просто ритуальным жестом, теперь стала единственной опорой. Кто-то попытался отдернуть руку, но пальцы соседа сжались в мертвой хватке. Страх парализовал мышцы лучше любого яда.

Леди Санденс тихо всхлипнула, когда Тень повернула свою морду в её сторону. Чудовище не смотрело глазами — у него их не было, только глубокие впадины. Но леди почувствовала на себе этот взгляд. Тяжелый, липкий, оценивающий вкус её души.

Чаша Весов дрогнула и начала медленно, неотвратимо опускаться вниз.

Зубы в пасти Тени щелкнули. Звук слышался сухим, как ломающиеся ветки.

Ньярлатхотеп наблюдал за всем с выражением легкого интереса, даже слегка улыбнулся, глядя на ужас в глазах гостей.

— Баланс явно нарушен, — известил египтянин. — И кто-то здесь слишком тяжел для спасения.

Профессор сделал жест рукой, словно гася свет. Тень на мгновение замерла, ожидая его команды.

— Но помните, милорды, — добавил, обращаясь к Блэквуду. — Это лишь тень. Игра света и страха. Настоящее Взве-

шивание происходит внутри вас. Вы сами просили. А я я всего лишь смотрю и выполняю ваши просьбы.

Страх Элизабет сменился леденящим оцепенением, граничащим с трансом. Ей казалось, что пол под ногами превращается в зыбучие пески, затягивая всё глубже. Девушка хотела закрыть глаза, но веки не слушались, прикованные к разворачивающемуся жуткому спектаклю. В этом зале мораль стала физикой, а грех — весом, способным сломать хребет. Особняк давил со всех сторон, требуя исповеди, и в этом давлении чувствовалось нечто очищающее, страшное и притягательное одновременно. Элизабет поняла: сейчас здесь нет судей. Есть лишь Весы.

Лорд Блэквуд, бледный как полотно, но с горящими фанатичным огнем глазами, схватил лежавшее на столе железное тесло. Привезенное из Каира, тесло было покрыто ржавчиной, похожей на засохшую кровь. Руки лорда тряслись так сильно, что металл дребезжал о деревянный столешницу.

— Хватит смотреть! — хрипло выкрикнул хозяин вечера, обращаясь к Ньярлатхотепу, который спокойно наблюдал за замершими гостями. — Мы здесь не для того, чтобы слушать предсказания и глядеть на тени! Нам нужен доступ! Нам нужно Видеть!

Лорд указал дрожащим пальцем на открытую Книгу, где символы казались теперь черными дырами, втягивающими свет.

— Объедините потоки! Соедините Взвешивание с Ключом

чом! Я приказываю Вам открыть уста Дому! Пусть Дом свидетельствует против нас!

Ньярлатхотеп медленно поднял голову; взгляд проводника в потустороннее холоден и пуст.

— Милорд, — спросил он негромко, и в тишине прозвучала сталь. — Вы требуете смешать два несочетаемых ритуала? Взвешивание души и Пробуждение памяти места? Это может нарушить структуру реальности в радиусе мили. Вы уверены?

— Я плачу Вам за результат! — рывкнул Блэквуд, теребя остатки самообладания. Лицо лорда исказилось гримасой ярости и страха. — Делайте, что я говорю! Или я найду другого медиума!

Ньярлатхотеп усмехнулся. Усмешка вышла настолько тонкой, что её могли заметить только самые внимательные.

— Как пожелаете, милорд. Но помните: железо помнит всё. И не прощает ошибок.

Блэквуд, не дожидаясь ответа, резко провел лезвием над страницей Книги. Лорд не резал бумагу. Только проводил лезвием над символами, словно пытаясь вскрыть саму ткань пространства.

Раздался звук.

Сухой, болезненный треск, похожий на разрываемую живую плоть. Звук, от которого закладывает уши и тошнит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.